

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

**НАУЧНАЯ СЕССИЯ
профессорско-преподавательского состава,
научных сотрудников и аспирантов
по итогам НИР за 2023 год**

Сборник научных трудов

Под редакцией С.И. Тягунова, К.А. Ермилова

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2024**

ББК 87
ГРНТИ 02.01.07
А43

А43 **Актуальные** проблемы общественных наук. Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР за 2023 год : сборник научных трудов / под ред. С.И. Тягунова, К.А. Ермилова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2024. – 119 с. – EDN : IUEMR.

ISBN 978-5-7310-6527-6

Материалы сборника содержат тексты, посвященные актуальным проблемам в области истории, филологии, философии, науки и культуры.

Издание адресовано студентам, аспирантам и преподавателям, интересующимся вопросами истории, языкознания и философско-методологическими проблемами современной науки и культуры.

ББК 87
ГРНТИ 02.01.07

Рецензенты: канд. филос. наук, доцент кафедры философской антропологии и истории философии РГПУ им. А. И. Герцена **С.А. Мартынова**;
канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии науки и техники СПбГУ **К.А. Очеретянный**

ISBN 978-5-7310-6527-6

© СПбГЭУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Филология

<i>Н.А. Макаричева.</i> Использование коммуникативно-деятельностного подхода на уроках РКИ в целях социокультурной адаптации иностранных студентов	5
<i>О.В. Хрипункова.</i> Духовная культура Востока сквозь призму восприятия поэтов Серебряного века	10
<i>Р.П. Полевая.</i> Русский язык как одна из основ российской государственности	16
<i>Е.Н. Матюшкина.</i> «Люди невеликие»: к вопросу о художественной антропологии Б. Окуджавы	20
<i>А.Р. Матвеев.</i> К проблеме преподавания в иностранной аудитории в условиях новой реальности	24

Раздел II. История

<i>К.Е. Иванов.</i> К вопросу об отношениях Г.Е. Распутина со структурами военно-политической разведки Германской империи перед началом и в период Первой мировой войны	30
<i>С.В. Андрияйнен.</i> Инкорпорация украинской политической элиты в правящий класс Российского государства в XVII–XVIII вв.: механизмы и практики	34
<i>Е.И. Белова.</i> К истории создания Народно-социалистической партии	40
<i>Д.М. Демидович.</i> Проблемные вопросы изучения истории городской повседневности	49
<i>Е.Г. Щемелева.</i> К вопросу о взаимодействии Российской Федерации со странами СНГ в сфере образования	53
<i>Ю.М. Павленко.</i> О методах исследования повседневной жизни (на примере повседневности учителей Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1982–1990 гг.)	58
<i>М.В. Кузенкова, А.В. Бондаревский.</i> Причины поддержки Специальной военной операции населением Российской Федерации ...	63
<i>К.Д. Сулейманова.</i> Политическая ситуация в Петрограде накануне апрельского кризиса	72

Раздел III. Философия

<i>Е.А. Гусева. Философия и экономика.....</i>	<i>78</i>
<i>С.И. Тягунов. Методология изучения истории: герменевтический аспект</i>	<i>81</i>
<i>О.Д. Маслобоева. «Осевое время» истории и потребность в зрелом самосознании современного социального субъекта</i>	<i>87</i>
<i>А.А. Рябов, Л.К. Рябова. О начале эстетического понимания истории в русской философии: К.Н. Леонтьев и его оппоненты</i>	<i>99</i>
<i>К.А. Ермилов. Сопоставление вопроса о творчестве и власти в философии Хайдеггера и Франкфуртской школы</i>	<i>106</i>
<i>К.В. Веричева. Идентичность и граничность (граница) в современном философско-антропологическом дискурсе</i>	<i>108</i>
<i>А.А. Черных. Философская антропология Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, П.Л. Лаврова</i>	<i>111</i>
<i>Т.В. Козин. Истоки современного панпсихизма.....</i>	<i>115</i>

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ

*Н.А. Макаричева,
доктор филологических наук,
профессор, СПбГЭУ*

Использование коммуникативно-деятельностного подхода на уроках РКИ в целях социокультурной адаптации иностраннных студентов

Студенты-иностранцы, которые приезжают для обучения в другую страну, неизбежно проходят период адаптации к новым условиям проживания и обучения. Адаптация происходит на разных уровнях, различными темпами и порой с различными результатами. Как правило, педагоги выделяют социокультурную адаптацию, социально-психологическую и педагогическую.

Социокультурная адаптация предполагает процесс активного приспособления представителя иной культуры к условиям жизни в новой среде, усвоение норм поведения и общения в новой этнокультурной реальности. Этот вид адаптации тесно связан с социализацией, под которой понимается овладение основными социальными нормами и ценностями страны пребывания, которые дают возможность индивидууму действовать в роли самостоятельного субъекта в обществе. «Каждое социальное действие содержит в себе культурные атрибуты. Любой поведенческий и деятельностный акт человека оснащен регулятивами и смыслами. Знания, ценности и нормы, ролевой алгоритм, законы, символы и знаковые обозначения, речь как главная семиотическая система, социальные образцы – все это входит в арсенал действий современного человека» [1, с. 109].

Социокультурная адаптация иностранного студента – это процесс «вхождения» в новую для него культуру и жизнь, этой культурой обусловленную. Конечно, успешность этого процесса во многом зависит от разницы культур, а также от наличия универсальных умений и навыков, которые могут быть перенесены из одной культурной среды в другую. В любом случае для студентов, которые приезжают учиться в другую страну, очень многое осложняется в силу языкового барьера и отсутствия достаточных знаний о культуре страны изучаемого языка.

Социокультурная адаптация является необходимым условием для успешного профессионального обучения иностранного студента. От того, насколько успешно студент приспособится к новым условиям и насколько

комфортно он будет себя чувствовать каждый день в аудитории, на улицах города, в комнате, где он живет, зависит успешность его обучения.

В Санкт-Петербургский экономический университет для обучения на бакалавриате в последнее время приезжают студенты из разных стран, в основном из Китая, Монголии, стран Африки. Поэтому для их адаптации и успешного обучения в сфере высшего профессионального образования следует решить сразу нескольких сложных задач. Во-первых, необходимо интенсивное обучение русскому языку для повседневного общения. Во-вторых, освоение профессиональных дисциплин требует владения профессиональным русским языком, знания норм поведения в процессе делового общения.

В последнее время в университет поступают иностранные студенты с различной языковой подготовкой. Владение языком на уровне не выше A1–A2 во многом усложняет и процесс обучения, и адаптацию в новой среде в целом. Поэтому, чтобы облегчить процесс адаптации, целесообразно использовать коммуникативно-деятельностный подход, который поможет на практике освоить как язык, так и алгоритмы наиболее необходимых действий в новой для студентов обстановке. «Так как любое занятие по иностранному языку – это постоянный диалог преподавателя и обучающихся в смоделированных ситуациях, то очень важно, насколько это возможно в учебном процессе, приблизить учебные ситуации к реалиям социокультурной коммуникации, для которых характерен повышенный интерес к раскрытию творческого потенциала личности, к формированию ее критичности и самокритичности, активности и инициативы» [2, с. 20]. Предложим несколько вариантов форм работы и заданий для помощи студентам в новых условиях жизни.

1. Одна из первых проблем, с которой сталкиваются иностранные студенты, – это *ориентация в новом незнакомом городе*. Конечно, на подготовительном отделении изучают такие лексические темы, как «Город», «Транспорт», «Как добраться до...?», но принципиально важно перевести лексико-грамматические знания в сферу практического использования в реальных ситуациях. Поэтому на первых занятиях можно познакомиться со схемой метро, научиться произносить названия станций. Выяснить, где живет каждый студент группы, каким транспортом удобнее всего добраться до наиболее важных объектов в городе (университет, магазин, общежитие). Обозначить эти объекты на карте города, составить маршрут от дома до университета, описать его на занятии в форме устного рассказа в сочетании, например, с грамматической темой «постоянно повторяющееся действие» и лексической темой «Мой обычный день».

В качестве практических заданий можно составить вопросы для уточнения правильности маршрута или выбора транспорта на улице, вве-

сти активные формулы вежливости, которые используются в русском языке для обращения к незнакомым людям и т.д. Например: «Извините, вы не подскажете, как добраться до...?»; «Простите, мне нужно в университет. Какой автобус/троллейбус мне нужен?». Такие задания предполагают работу диалогического характера и могут быть сначала отработаны в аудитории, а затем перенесены в повседневную практику.

2. Не менее необходимыми являются знания о том, *как оформить студенческий проездной билет* в кассе метрополитена или с помощью аппарата в вестибюле. Для этого понадобятся формулы вежливости и новые фразы, связанные с темой транспорта и совершения покупки: «Мне нужен студенческий проездной», «я хотел бы проездной на метро/все виды транспорта...», «мне нужен проездной на 10 дней/месяц...». Такие диалоги сначала отрабатываются в аудитории, а затем студентам дается практическое задание – купить себе проездной в кассе метрополитена. Успешность выполнения задания обсуждается на занятии.

3. Не менее важно в первые дни учебы освоить пространство университета и правила обучения в нем. Поэтому целесообразно провести очную и заочную «экскурсии», которые помогут студентам увереннее чувствовать себя в стенах учебного заведения. Преподаватель может провести студентов по корпусу университета и показать, где находится, например, деканат, и рассказать, кто работает в деканате, объяснить, зачем студент может прийти в деканат; где находятся учебные аудитории, туалет, столовая/кафе, международный отдел. Цель такой экскурсии – познакомить студента с тем, что его окружает, как называются важные элементы структуры университета, и доступно объяснить, для чего они нужны. На практических занятиях эти знания закрепляются параллельно с изучением лексико-грамматических тем. Например, на занятии отрабатываются фразы, составляются диалоги для делового общения в различных ситуациях в университете: «в деканате», «в столовой», «в международном отделе» и т.д. Далее даются практические задания, направленные на активизацию знаний и их применение в повседневной студенческой жизни.

4. *Общение в чате «Моя группа»*. Как правило, это очень продуктивная практика – создание в какой-либо социальной сети чата группы иностранных студентов. Практическая задача – знакомство студентов друг с другом, возможность задавать вопросы по различным темам и в случае возникновения каких-либо проблем. Целесообразно начать со знакомства: предложить выложить свою фотографию и подписать имя («Меня зовут... Я из...»). Это необходимо для того, чтобы студенты запомнили имена своих одноклассников и научились к ним обращаться при личном общении.

В этом же чате учимся писать вопросы и ответы, связанные с лексической темой «Университет»: «Во сколько завтра пары?»; «Какая аудито-

рия?»; «Что задано по (чему?)...»; «Когда у нас лекция по...?»; «Что надо принести на практическое занятие?» и т.д.

С помощью общения в чате можно актуализировать знания по теме «Моя комната», «Мой выходной день», «Мои друзья» и т.д. Например, можно предложить выкладывать фото, сделанные в выходной день и подписывать их по образцам, которые дает преподаватель. Например: «Кто с кем? где? что делаю/делал?»; «Кто? когда? где? что делал?». На практических занятиях можно использовать материал письменного общения в чате для устного обсуждения, например, по теме «Как я провел выходной день», «Что я делал в университете на прошлой неделе?» и т.д. У студентов группы есть возможность задавать как письменные вопросы в мессенджере, так и устные на занятии. Преподаватель по мере освоения языка студентами может стимулировать выполнение более объемных и более сложных заданий: «Написать, где был, и посоветовать посетить другим. Обосновать, почему это надо сделать»; «Выложить несколько фото и рассказать последовательно о своих действиях»; «Выложить фото и описать что-либо (комнату, музей, концерт...». Лексические и грамматические темы обусловлены в данном случае жизненными ситуациями и практической необходимостью в этих ситуациях ориентироваться.

5. *Использование интернет-сервисов.* Студенты из различных стран по-разному проходят процесс адаптации в зависимости от социальных и культурных особенностей страны, откуда они приехали. Например, китайские студенты, которые в настоящее время составляют значительную часть иностранных студентов вуза, говорят о большой культурной разнице между Россией и Китаем, но гораздо легче адаптируются к социальным условиям в мегаполисе. И один из важных навыков, который они приобретают еще дома, а потом успешно переносят в новые условия, – использование различных интернет-сервисов. Кстати, те же китайские студенты отмечают, что в России, и, в частности, в Санкт-Петербурге, такие услуги недостаточно развиты по сравнению с Китаем. Например, вызов такси – наиболее востребованная услуга. Использование интернет-ресурса делает необходимым знание адреса и умение его записывать по-русски, умение ориентироваться в городе по карте, выбрать необходимый объект для построения маршрута. Обучение использованию сервиса предполагает, что на практическом занятии предварительно изучаются новые лексические единицы (*торговый центр, корпус, переулок, место назначения, форма оплаты*) и грамматические конструкции (*Откуда едем? Куда едем?* и т.д.). Поскольку предполагается коммуникация в письменной форме, то на практическом занятии целесообразно выполнить сначала задания в устной форме, а затем записать наиболее востребованные формулировки, чтобы использовать их на практике. Например, начать с адреса, где проживает

студент с повторением форм склонения: «улица», «на улице», «на улицу», «переулок», «в переулке»...

Не менее часто студенты прибегают к сервисам доставки товаров на дом (продуктов и промышленных товаров – «Самокат», «Достаевский», «Токио-сити», товаров из различных интернет-магазинов одежды, обуви и т.д.). Поэтому на практическом занятии можно познакомить с наиболее популярными сервисами в Санкт-Петербурге, объяснить правила оформления заказа и актуализировать знания по темам «Магазин продуктов», «Магазин промышленных товаров», повторить грамматическую тему совершенный/несовершенный вид глаголов «покупать/купить», «заказывать/заказать», «доставлять/доставить» и т.д.

В рамках коммуникативно-деятельностного подхода хорошо предложить студентам не только воспользоваться таким сервисом, но и посетить магазин около дома, чтобы отработать как письменную, так и устную форму коммуникации. Задания могут быть различными, например: «Как уточнить цену?» («Извините, сколько стоит...?»); выяснить, как обозначается в магазине форма упаковки или мера чего-либо и т.д. (*пачка, бутылка, упаковка, кусок, килограмм, штука...*); сравнить цены в интернет-магазине и реальном-магазине и удобство сервиса (активное использование степеней сравнения «дороже/дешевле», «быстрее/медленнее», «удобнее/неудобнее» и т.д.).

Практика преподавания русского языка как иностранного в неязыковом вузе показывает, что именно занятия по русскому языку являются наиболее важными для «вхождения» иностранных студентов в новую для них среду жизни. Поэтому целесообразно обращаться к коммуникативно-деятельностному подходу, «помогающему снять языковые барьеры и психологические, позволяющие студенту-иностранцу выйти за рамки аудиторного обучения и получить навыки свободной коммуникации на русском языке как в бытовой, так и в социокультурной сферах» [3, с. 134].

Список литературы

1. Тьерри Л. Социокультурная адаптация: сущность и функции // Альманах современной науки и образования. 2011. № 11 (54). С. 109–112.
2. Пацора И.В. Социально-педагогическое сопровождение обучающихся в период адаптации к образовательной организации // Университетские чтения – 2022: материалы Региональной межвузовской научно-практической конференции. Пятигорск: ПГУ, 2022. С. 123–127.
3. Шевелева Т.Н., Радкевич А.В. Коммуникативный подход как способ оптимизации процесса социокультурной адаптации иностранных студентов // Педагогика. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 12-2. – С. 131–136.

О.В. Хрипункова,
кандидат культурологии,
доцент, СПбГЭУ

**Духовная культура Востока
сквозь призму восприятия поэтов Серебряного века**

*И слово вещее – не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возместил и обещал.
И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.
Вл. Соловьёв «Ex oriente lux»*

Россия на протяжении всей своей истории испытывала неугасимый интерес к Востоку. Во многом вследствие своего особого – пограничного между Востоком и Западом – географического положения. Это «порубежье» между двумя мирами обусловило более существенное, чем для западноевропейских стран, место «восточной проблемы» как в истории и экономике России, так и в ее культуре.

Воздействие восточной философии, эстетики и литературы на культурное развитие нашей страны всегда было довольно заметным. Россия долгое время стояла перед выбором векторов цивилизационного развития в рамках дихотомии «Запад–Восток». Данная проблема еще больше обострилась, когда Российская империя вошла в полосу кризиса, а петербургский период русской истории пришел к завершению.

Подобная ситуация в значительной степени определила эстетическую ориентированность представителей Серебряного века. Многие мыслители и художники этой эпохи, почувствовав необходимость, обратились к восточным корням отечественной культуры и к Востоку в целом.

На рубеже XIX–XX вв. Восток становится «местом паломничества» для многих представителей российской культуры. «Ориенталистские» настроения объединяют творческих людей этой эпохи, которые «открывают» для себя Восток во всем многообразии его культурных проявлений.

Художники Серебряного века живо интересуются индийским мистицизмом, иудаистскими, буддийскими и исламскими религиозными традициями, древневосточной мифологией, китайским и японским искусством. В их творчестве «понятие “Восток” становится не территориаль-

ным, а эстетическим и поэтому теряет чёткие географические критерии: под Востоком понимается Азия, Индия, Китай, Персия, Африка, Египет, Мексика и др.» [11, с. 10].

Помимо интереса культурологического, русских мыслителей привлекает духовное наследие восточных цивилизаций вследствие появившегося на рубеже столетий разочарования в западной культуре и кризиса «европоцентризма».

Согласно Д.С. Мережковскому, распространившийся в Европе позитивизм привёл современный западный мир к мещанству и к гибели религиозного чувства в душах людей. Мыслитель полагает, что позитивизм – это «последний предел всей современной европейской культуры» [12, с. 299] и сетует на то, что современная Европа выбрала в качестве своей религии мещанство.

В результате в поисках духовных оснований многие представители Серебряного века обращаются к Востоку. Николай Александрович Бердяев пишет о том, что «на Востоке – колыбель всех великих религий и культур. <...> На Востоке должна быть пробуждена самобытная творческая активность, созидаящая новую культуру, и это возможно лишь на религиозной почве» [5].

Этот поиск восточной духовности отразился не только в философских размышлениях представителей Русского Ренессанса, но и в их литературных произведениях, в том числе и в поэтических.

Многие поэты обращаются к мифологии Древнего Востока, понимая под «Востоком» и страны Латинской Америки. К примеру, Константин Дмитриевич Бальмонт создает удивительные по своей яркости и экзотичности образы, используя в своих поэтических текстах мифологические мотивы американских индейцев. В описании ацтекского бога солнца и бога войны Уицилопочтли (Вицтлипохтли) преобладают насыщенные цвета, словно вобравшие в себя всю живописность мексиканской природы: *«Я, Вицтлипохтли, Боец. / Желтоцветна одежда моя, / На мне изумрудный венец, / Цвет колибри, лесов и Огня, / Ибо Солнце взошло чрез меня»* [2, с. 37–38].

Множество поэтических произведений Серебряного века посвящено Древнему Египту. В стихотворении Ивана Алексеевича Бунина «За гробом» перед читателем предстает сцена из сборника древнеегипетских заупокойных текстов «Книга мёртвых» – суд Осириса, во время которого божества Анубис и Тот взвешивают на весах сердце умершего человека, чтобы понять, насколько праведен он был при жизни, и определить его дальнейшую судьбу: *«В подземный мир введёт на суд Отца / Сын, Ястреб-Гор. Шакал-Анубис будет / Класть на весы и взвешивать сердца: / Бог Озирис, бог мёртвых, строго судит»* [6, с. 183].

Египетская тема звучит и в стихотворении поэта «Ра-Озирис...», в котором милосердный Осирис восхваляется своим антагонистом – богом ярости, войны хаоса и смерти Сетом: *«Ра-Озирис, владыка дня и света, / Хвала тебе! Я, бог пустыни, Сет, / Горжусь врагом: ты, побеждая Сета, / В его стране царил пять тысяч лет»* [6, с. 219–220].

В стихотворении Мережковского «Псалом царя Ахенатона», воспевается Атон, являющийся, согласно египетским мифам, зримой формой божества Солнца: *«Чудно явленье твоё на востоке, / Жизнenaчальник Атон! / Когда восходишь ты на краю небес, / То наполняешь землю красотой твоей. / Ты прекрасен, велик, лучезарен, высок! / Всю тварь обнимают лучи твои, / Всех живых пленил ты в свой плен – / Заключил в узы любви»* [13, с. 60].

Образы индоиранской мифологии появляются в произведениях Бунина «Ормузд» и «Эльбрус». Поэт рисует светлый образ авестийского божества Ахурамазды, который, согласно собранию священных зороастрийских текстов «Авеста», является творцом светлого пространства мира. В древних текстах Ахурамазда тесно связан со светом и огнем. В Гатах (наиболее значимой и почитаемой части Авесты) огонь называется принадлежащим Ахурамазде. Впоследствии Солнце напрямую соотносится с этим божеством и называется его «образом». Бунин также придерживается данной традиции, идентифицируя образ Ормузда (Ахурамазду) со светом, огнем и солнцем: *«Боготворите только Свет. / Владыка Света весь в едином – / В борьбе со Тьмой. И потому / Огни зажгите по вершинам: / Возненавидьте только Тьму. <...> ... мудрый жаждет верить Дню: / Он в мире радость солнца славит, / Он поклоняется Огню»* [6, с. 156].

В «Эльбрусе» солнечное божество справедливости и согласия Митра, *«...чьё святое имя / Благословляет вся земля, / Восходит ... Зарёй на льдистые поля. / И светит ризой златотканой, / И озирает с высоты / Истоки рек, пески Ирана / И гор волнистые хребты»* [6, с. 144].

Помимо древней восточной мифологии, поэты Серебряного века были буквально очарованы индуистским и буддийским мировосприятием. Данной тематике отдали дань Гумилёв, Бальмонт, Бунин и многие другие.

Идеи сансары (круговорота рождения и смерти во множестве миров), кармы (вселенского причинно-следственного закона), нирваны (состояния освобождения от беспокойства, свойственного сансаре) и т.д. нашли свое отражение в русской прозе и поэзии эпохи порубежья.

Даже Мережковский, который в целом не принимал индуистско-буддийского отношения к миру, не обошел эту тему стороной и воплотил ее в своих стихотворениях «Сакья Муни» и «Нирвана».

«Сакья Муни» посвящено статуе Будды в храме. Изначально описание статуи отличается величию – Будда грозно и недостижимо воз-

вышається над нищими бродягами, зашедшими в его храм, чтобы укрыться от непогоды: *«Перед ними на высоком троне – / Сакья-Муни, каменный гигант. / У него в порфировой короне / Исполинский чудный бриллиант»*. Но в конце венценосный владыка смиренно склоняется перед людьми, чтобы позволить им снять с себя алмаз, проявляя таким образом свое сострадание и милосердие: *«Он умолк, и чудо совершилось: / Чтобы снять алмаз они могли, / Изваянье Будды преклонилось / Головой венчанной до земли»* [13, с. 129].

В стихотворении «Нирвана» поэт ставит знак равенства между счастьем и освобождением от мирских стремлений и желаний: *«Какое счастье – не мыслить, / Какая нега – не желать!»* [13, с. 182].

Немало произведений посвятил этим мотивам Бальмонт. В стихотворении «Индия» поэт упоминает священную для всех индуистов небесную реку Ганг, которая, согласно легенде, опустилась с неба на землю и до сих пор является связующим звеном между миром небесным и миром земным: *«С вершин небес упал на землю Ганг. / И браманы в нём черпают отвагу / Читать миры, смотря умом во влагу»*. В следующих строках присутствует отсылка к ритуалу Аарти, во время которого богам преподносятся зажженные лампадки, а также намек на кремацию умерших, по традиции совершаемую на берегах реки: *«Готовит Солнце празднество пожара. / Мечта звенит. Священный вьется дым. / Как хорошо быть в ладе с Мировым»* [3, с. 77].

В произведении «Великое Ничто» Бальмонт обращается к концепции «Пустоты», характерной для буддийского учения. Поэт трактует данное понятие как освобождение от чувств и желаний, как постижение иллюзорности и бренности бытия: *«Бесчувственно Великое Ничто, / В нём я и ты – мелькаем на мгновенье. <...> / Я тихо сплю, – я тот же и никто, / Моя душа – воздушность филлима»* [1, с. 228].

Николай Степанович Гумилёв в стихотворении «Прапамять» воспроизводит идею сансары как бесконечного круговорота перерождений, когда все радости и горести повторяются вновь и вновь, из жизни в жизнь переживаются человеком заново, словно в некой «дурной бесконечности»: *«И вот вся жизнь! Круженье, пенье, / Моря, пустыни, города, / Мелькающее отраженье / Потерянного навсегда. <...> И вот опять восторг и горе, / Опять, как прежде, как всегда, / Седую гривой машет море, / Встают пустыни, города. / Когда же, наконец, восставши / От сна, я буду снова я, – / Простой индиец, задремавший / В священный вечер у ручья?»* [9, с. 38].

Бунин воплотил индуистскую тематику в стихотворении «Агни», навеянном Ригведой – собранием религиозных индуистских гимнов. Поэт воспекает здесь индуистское божество огня, которое поможет ли-

рическому герою обрести новое светлое перерождение: *«Но мне легко: ты, Агни светлокрылый, / Спасёшь меня, разъединишь со тьмой. <...> / Бог взял меня и жертвою простёр, / Чтоб возродить на светозарном Юге!»* [6, с. 172].

В своем стремлении найти духовные и нравственные основания в восточной культуре многие поэты Серебряного века обращались к исламу.

Герой пьесы Гумилёва «Дитя Аллаха» праведник-дервиш восхваляет в своей молитве Вседержителя и благодарит Его за то, что Он оберегает его душу от мирских соблазнов: *«Велик Аллах, создавший сушу / И океан вокруг создавший, / Мою колеблемую душу / Соблазнами не искушавший, / Я стар, я беден, я незнатен, / Но я люблю тебя, Аллах, / И мне не виден, мне не внятен / Мир, утопающий в грехах»* [8].

Бальмонт в стихотворении «Не позабудь» пишет о Коране, чьи строки указывают на истинный путь для обретения человеком света в конце жизненного пути и постижения небесной благодати: *«Не позабудь: Коран – остереженье, / Он указание, куда и как идти. / В его строках – всегда внушенье, / И означение пути. <...> На небесах горят его скрижали, / И сонмы ангелов, светясь, его прочли, / <...> Молись, молись, молись упорно, / Чтоб в час последний светлым быть»* [4, с. 13].

Больше всего работ посвятил именно исламскому Востоку Бунин. Ведь «Восток для Бунина – это прародина всего человечества, место зарождения религий единобожия: иудаизма, христианства, ислама» [10, с. 74].

Многие стихотворения Бунина из его восточного цикла имеют эпиграф из Корана. Например, стихотворение «Ночь Аль-Кафра» предваряется эпиграфом: *«В эту ночь ангелы сходят с неба»*, а «Тэмджид» – *«Он не спит, не дремлет»*. Данные эпиграфы напрямую отсылают к содержанию и глубинному смыслу самих стихотворений.

«Ночь Аль-Кафра» посвящена почитаемой мусульманами ночи священного месяца поста Рамадан. Согласно мусульманской традиции, данная ночь связана с ниспосланием пророку Мухаммаду Корана в виде откровения в пещере Хира горы Джабаль ан-Нур: *«По тёмным горным склонам, / Ещё спускаются, слоятся облака. / Пел муэzzин. Перед Великим Троном / Уже течёт, дымясь, Алмазная Река. <...> И Гавриил – неслышно и незримо – / Обходит спящий мир. Господь, благослови / Незримый путь святого пилигрима / И дай земле Твоей ночь мира и любви!»* [7, с. 8–9].

Стихотворение «Тэмджид» посвящено третьему калиме (декларации веры) в исламе – тамджиду (возвеличиванию): *«На середине между ранним утром / И вечерним сумраком встают / Дервиши Джелвети и на башне / Древний гимн, святой Тэмджид поют. <...> Тяжела, темна стезя земная. / Но зачтётся в небе каждый вздох: / Спите, спите! Он не спит, не дремлет, / Он вас помнит, милосердый Бог»* [6, с. 146].

Среди произведений Бунина немало также стихотворений, являющихся пересказами и переводами легенд, сур и аятов Корана. Например, «Чёрный камень Каабы», «Трон Соломона», «Авраам» и др.

В «Чёрном камне Каабы» автор поэтически перелагает мусульманское предание о том, что во время потопа из рая был принесен камень, который охранялся ангелами на горе Абу Кубейс. Во время строения Каабы ангел Джibriль принес этот камень пророку Ибрахиму. У Бунина камень был найден ангелом в пустыне: *«Дух Гавриил для старца Авраама / Его нашёл среди песков и скал, / И гении хранили двери храма, / Где он жемчужной грудой сверкал»* [7, с. 274].

Согласно преданию, камень первоначально был белым яхонтом, но постепенно почернел, пропитавшись человеческими грехами. Бунин рисует его белой яшмой: *«Он драгоценной яшмой был когда-то, / Он был неизречённой белизны – / Как цвет садов блаженного Джинната, / Как горный снег в дни солнца и весны»* [7, с. 274]. Однако почернел он, согласно поэту, не столько от человеческих грехов, сколько от впитавшихся в него людских слез: *«Но шли века – / Со всех концов вселенной / К нему неслись молитвы, и рекой / Текли во храм, далёкий и священный, / Сердца, обременённые тоской... Аллах! Аллах! Померк твой дар бесценный – / Померк от слёз и горести людской!»* [7, с. 274].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что представители Серебряного века обращались к культуре как древнего, так и современного им Востока в поисках духовного начала, а в их произведениях нашли отражение образы самых разных древневосточных мифологий и религиозные мотивы индуизма, буддизма и ислама.

Список литературы

1. Бальмонт К.Д. Будем как Солнце. М.: Изд-во «Скорпион», 1903. 290 с.
2. Бальмонт К.Д. Гимны, песни и замыслы древних. СПб.: Книгоиздательство «Пантеон», 1909. 216 с.
3. Бальмонт К.Д. Ясень. Видение Древа. Иваново; М.: Издатель Епишева О.В., 2015. 263 с.
4. Бальмонт К.Д., Кусиков А.Б., Случановский А.В. Жемчужный коврик. М.: Книгоиздательство «Чихи-пихи», 1921. 62 с.
5. Бердяев Николай Александрович Азиатская и европейская душа. [Электронный ресурс] – URL: <http://philologos.narod.ru/berdyaev/berd-aseur.htm> (Дата обращения: 25.08.2024).
6. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во «Воскресенье», 2006. Т. 1. 563 с.
7. Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. Т. 2. 544 с.

8. Гумилёв Н.С. Дитя Аллаха [Электронный ресурс] – URL: <https://gumilev.ru/plays/5/> (Дата обращения: 25.08.2024).
9. Гумилёв Н.С. Костёр. Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. 60. с.
10. Ковалева Т.Н. Мир Востока в лирике И.А. Бунина 1900–1910-х годов // Известия ДГПУ. 2017. Т. 11. № 1. С. 72–76.
11. Концова Е.В. Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 196 с.
12. Мережковский Д.С. Не мир, но меч. М.: Изд-во «АСТ», 2000. 720 с.
13. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений в 24 т. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914. Т. 22. 200 с.

Р.П. Полевая,
кандидат социологических наук,
доцент, СПбГЭУ

Русский язык как одна из основ российской государственности

Существование человеческого общества, как известно, невозможно без языка, выполняющего коммуникативную функцию в роли средства общения, передачи информации, мысли и т. п. Именно благодаря двум языковым формам (устной и письменной) транслируется коллективный опыт людей и координируются их социальные действия, так как отношения между людьми формируются и поддерживаются прежде всего на языковой основе.

Соответственно, формирование и развитие единого национального государства, включающего различные социальные группы, институты и организации, которые взаимодействуют для удовлетворения многообразных потребностей и достижения общих целей, органически взаимосвязаны с использованием языка, выступающего в роли речевого инструмента коммуникации, обеспечивающего обозначенные процессы. При этом, являясь фундаментальной частью общенациональной культуры, язык становится ключевым фактором, объединяющим разрозненных представителей всех слоев и социальных групп, поскольку предстает в качестве первоосновы, т. е. своеобразного хранилища общенационального и государственного самосознания, культурного кода, отражающего систему ценностей, особенности морали, традиций и исторического опыта – всего того, что является обязательным условием для сохранения, воспроизводства и

развития нации. Важнейшую политическую и идеологическую роль играет язык в решении вопросов, которые относятся к противостоянию внешней угрозе государству в случае ее возникновения.

В исторической ретроспективе прослеживается следующее: каждый раз при становлении того или иного государства и формировании государственности в нем актуализируется потребность в системе именно стандартизованного языка для делового использования в территориальных пределах нации. Стандартизация здесь рассматривается как сведение свободных вариантов языковых единиц к одному, как выбор предписываемого (рекомендуемого) образцового варианта с соответствующей фиксацией в словарях, грамматиках и т.п. [1]. Само существование общенационального пространства в не меньшей степени связано с процессом языкового эталонирования, в ходе которого диалект центра занимает главенствующую позицию, становясь официальным, общепризнанным на всей территории. Как правило, выбор и закрепление единого общедоступного языка, как и стандартизация определенной его части, диктуются трансформациями в экономической и социально-политической жизни общества.

Так, политическое объединение земель вокруг Москвы в единое государство детерминировало процесс формирования единой общепонятной системы языка на основе московского диалекта, поскольку на данном языке составлялись деловые тексты, которые должны были быть доступными для всеобщего использования. Необходимость письменного закрепления договоров, законов, записей долгов, оформления передачи наследства стала основанием для зарождения стандартизированной формы русского языка, которая, претерпев множество изменений, надолго сохранила свои основные отличительные черты.

Вместе с тем при объединении южных и северных территорий в XV–XVI вв. московский вариант языка не только получал широкое употребление, содействуя процессу интегрирования новых земель и разрозненных групп населения в единое государство, но и сам подвергался влиянию местных говоров. С течением времени языковая система претерпевала множество изменений: утрачивала некоторые черты северного наречия, приобретая особенности южно-великорусского диалекта (в частности, аканье). Происходящее во многом объясняется социальными преобразованиями, проведенными Иваном IV в XVI в. К XVII в. постепенно путем государственного контроля диалектные различия между северорусским и южнорусским говорами нивелировались, что привело к закреплению в употреблении общего языка на всей территории Российского государства [2].

Другим примером, уже в современной истории государственного строительства, можно считать образование СССР, в основе которого ле-

жало использование русского языка как языка межнациональных коммуникаций, сыгравшего решающую роль в становлении советского государства и в стремлении создать новую историческую общность – советский народ. В данном случае освоение стандартизованного языка наиболее активно происходило через деятельность социального института обязательного и общедоступного образования. Важнейшим проявлением советской государственности в это время явилось генерирование и удержание символического поля ценностей и идентичностей, содержание которых было сформулировано в рамках русской знаково-коммуникативной системы. Вполне закономерно, что русский язык стал базовым инструментом социальной мобилизации и конструирования нового типа гражданской идентичности – советского человека, наделенного особым чувством принадлежности к нации, уважением к ее истории, обычаям и законам.

На современном этапе русский язык в статусе государственного играет роль важнейшего фактора в сохранении суверенитета и территориальной целостности России. Поскольку предстает неотъемлемым атрибутом российской государственности, что подтверждается частью 1 ст. 68 Конституции, ст. 1 Закона «О государственном языке Российской Федерации». Закон указывает на обязательное использование стандартизованной (т. е. нормированной) формы государственного языка властными структурами, в СМИ, в рекламе и пр. В свою очередь, ст. 3, 4, 5 данного закона обязывают федеральную власть защищать и поддерживать государственный русский язык [3].

В соответствии с итогами переписи населения страны 2010 года в России проживает 81% русских, которых В.В. Путин справедливо назвал государствообразующим народом и для которых русский язык является родным. Кроме того, русский язык также является родным для значительной части представителей других национальностей, проживающих на территории Российской Федерации. В данной связи, согласно ч. 3 ст. 68 Конституции, государство гарантирует всем представителям нетитульной нации наравне с правом изучения и использования русского языка, отдельное право на сохранение их национальных языков, на создание условий для изучения и развития последних. При этом, согласно ст. 2 Конституции, государство в лице государственных органов, обязано признавать, соблюдать и защищать вышеизложенные права граждан.

Важный факт: в условиях уникальной модели мультикультурности, исторически сложившейся на территории России, русский язык выступает не средством доминирования, а интегратором социокультурного пространства [4]. По словам В.В. Путина, «для нашей страны русский язык – много больше, чем средство общения. Он объединяет все народы России,

является основой нашей национальной идентичности, нашим великим наследием, уникальным по своей образности, четкости, меткости, выразительности и красоте» [5]. Оставаясь живым организмом, русский язык продолжает развиваться и обогащаться за счет заимствований из других языков, при этом являясь «творением нации» и превращаясь «в силу, творящую нацию».

Согласно результатам исследования, проведенного Институтом русского языка им. А.С. Пушкина в 2020 г., было установлено: несмотря на то, что по своему статусу в международных организациях русский язык занимает четвертое место (является официальным для 15 из включенных в исследование 23 крупнейших международных организаций), второе место – по количеству сайтов в сети Интернет и пятое – по числу научных публикаций в международных базах данных «Web of Science» и «Scopus», на русском языке функционируют 79% сайтов Украины, 86,9% – Белоруссии, 75,9% – Киргизии, 84,0% – Казахстана, 79,6% – Узбекистана, 81,8% – Таджикистана [6].

Вполне очевидно, что сохранение, развитие и повышение качества использования русского языка в роли базовой составляющей человеческого капитала, а также в роли коммуникационного инструмента, объединяющего этносы в пределах государства на протяжении длительного исторического периода, – все это становится условием цивилизационной миссии данного языка. Миссия заключается в том, чтобы быть транслятором культурных ценностей, традиций и достижений различных народов, взаимодействующих сегодня на постсоветском пространстве. Представляется, что активизация интеграционных процессов и экономического сотрудничества между народами Российской Федерации и народами ближнего зарубежья, в свою очередь, способна интенсифицировать лингвокультурологическую перспективу русского языка.

В целом, осознанное отношение к государственному русскому языку как основной части культурного базиса, как источнику общечеловеческой культурной целостности, внимание к его освоению, защита норм его использования в публичном пространстве, популяризация и продвижение в мире – важнейшие условия для укрепления и сохранения русской государственности. Именно русский язык, будучи одним из основных факторов производства национальной принадлежности, делает нас представителями русской цивилизации, русского мира.

Список литературы

1. Словарь социолингвистических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sociolinguistics.academic.ru> (Дата обращения: 30.08.2024).

2. Матвеева Е.Е. Становление государственного языка в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-gosudarstvennogo-yazyka-v-rossii-foneticheskiy-aspekt/viewer> (Дата обращения 23.08.2024).
3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (Дата обращения: 25.08.2024).
4. Егоров В., Штоль В. Русский язык в глобальном лингвокультурном пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/100644/> (Дата обращения: 20.08.2024).
5. Путин назвал русский язык основой национальной идентичности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20200606/1572564122.html> (Дата обращения: 25.05.2024).
6. Бовт Г. Мягкая сила русского слова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myagkaya-sila-russkogo-slova> (Дата обращения: 07.06.2024).

Е.Н. Матюшкина,
кандидат филологических наук,
доцент, СПбГЭУ

«Люди невеликие»: к вопросу о художественной антропологии Б. Окуджавы

Булата Окуджаву часто называют «голосом» поколения шестидесятников, подчеркивают, что его творчество стало репрезентативным явлением литературы второй половины XX столетия. Объектом художественного исследования писателя является тот кризис, который испытала интеллигенция, еще недавно «окрыленная» преобразованиями «оттепели», познавшая свой «глоток свободы». Через его творчество лейтмотивом проходит мысль о самоценности личности, ее одиночестве, безысходности и цене свободы. В одном из интервью Б. Окуджава сказал: «Когда я смотрю на глобус, меня повергает в смятение и ужас, что на этом маленьком Земном шаре происходит уничтожение личности, давление на ее свободу, неуважение и пренебрежение личностью <...> Я <...> не ставил перед собой задачу защитить личность, нет, просто протест против давления на личность и пренебрежение личностью созревало внутри из собственного опыта – и выразился <...> Творчество – всегда реакция на опыт» [1].

В современном литературоведении большое внимание уделяется антропологическому аспекту в интерпретации литературного творчества.

Исследователи рассматривают художественную антропологию как отдельную «область знаний, подобно религиозной антропологии, философской, педагогической, психологической» [2, с. 7]. Неслучайно в последнее время выходят исследования, посвященные изучению художественного мира писателя, направленные на интерпретацию образа человека во всей его целостности, а объектом анализа все чаще становится авторская художественно-философская концепция человека. Важное с теоретической точки зрения замечание делает Т. Федосеева: «Большой интерес вызывает функционирование в мире художественного произведения типичной для времени модели человека, определяется обусловленность этой модели восторжествовавшим на том или ином этапе развития литературы творческим методом, типом эстетического отношения искусства к действительной жизни. Устанавливается, насколько тот или иной исторически сложившийся тип человека отвечает духовно-нравственным, философским, творческим исканиям автора» [3, с. 72–73]. Чрезвычайно значимой для восприятия текстов Б. Окуджавы представляется характеристика «типичной для времени модели человека», вписанной в общий контекст литературы 1960–1980-х годов.

Время создания исторической прозы связано для Б. Окуджавы с переоценкой собственной литературной судьбы и свободы творческого самовыражения. Сочинение «исторических фантазий» становится фактически основным занятием автора. Выбор исторического периода обусловлен поиском связей с современностью, попытками раскрыть противоречия своей эпохи. Можно вслед за автором литературной биографии писателя О. Розенблюм предположить, что для Б. Окуджавы опыт шестидесятников – «опыт постоянного поиска, слома», а главная характеристика поколения – постоянные «метания»: «Метания сразу задают иной образ пройденного пути, это уже не устремленная в бесконечность прямая дорога, по которой идут все – все поколение и все поколения. Потерялась цельность всего пути, и вместо устремленности в будущее – обращенность в прошлое» [4, с. 85].

В романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» (1977) звучит мысль о том, что именно человек является творцом и единственным носителем нравственных идеалов. Личность, с точки зрения автора, свободна только тогда, когда осуществляет выбор самостоятельно, без принуждения, без навязывания ей чужих представлений. «Когда двигаетесь, старайтесь никого не толкнуть (Правила хорошего тона)» – второй эпиграф к роману. Так, внутреннее достоинство является критерием следования нравственному закону, регулирующему все человеческие отношения. Свой «кодекс чести» и важнейшие качества человека Б. Окуджава определил в стихотворении 1988 года [2, с. 430]:

Совесь, благородство и достоинство –
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.

Героем Б. Окуджавы является интеллигент со свойственным ему романтическим мироощущением, который волей судьбы оказывается в центре исторических событий, решает не столько государственные вопросы, сколько открывает собственные нравственные смыслы на фоне «большой» истории. Интеллигентность же определяется не уровнем образования, а наличием жизненной позиции, совокупностью моральных качеств: «бескорыстно служащий общественному добру, не приемлющий насилия, признающий гуманные средства достижения цели, уважающий личность, склонный к сомнению в собственной правоте, не стремящийся к власти» [6, с. 190].

«Путешествие» влюбленных на Кавказ – мнимое бегство от действительности преследуемых сыщиками героев, трагический поединок стремящегося к свободе человека и общества, наигранно соблюдающего внешние приличия. «Беглецы» понимали, что «потушлагбаумные надежды» на вольную жизнь – всего лишь опасное заблуждение, но это была возможность заглушить хотя бы на мгновение гром петербургских сплетен, избавиться от нелюбимого мужа, намеков на «благорасположение самого монарха». Меру своей свободы Лавиния Ладимировская и князь Мятлев измеряют близостью к Северной Пальмире с «черствым и расчетливым сердцем»: «Давайте уедем поскорее <...> Видимо, мы не очень отделились от Петербурга» [7, с. 306]. История, а в частности, николаевская эпоха, является фоном для проверки высших принципов человеческой жизни: «Все работало, как славная машина, если не считать малой кучки больных и вялых сумасбродов, погрязших в личных капризах, отщепенцев, уродов, мнящих себя исключительными <...>, таких как Мятлев, <...> Мятлевы? Но разве они могут что-нибудь значить» [7, с. 276].

Благородные порывы оказываются всего лишь фантазией. Романтически настроенные персонажи неминуемо терпят поражение, страдают и гибнут. «Человек опасный и дурной» князь Мятлев арестован и препровожден в Петропавловскую крепость. Петербургский свет – «океан символов», а вслед за ним и обманутый муж господин Ладимировский обсуж-

дают незавидную долю «князишки», злодеяния которого раскрыты. Молва решила, что он был убийцей и одним из «старателей шайки» заговорщиков, стены его рухнувшего дома были увешены портретами государственных преступников, а сам он смел предположить, что «государь <...> причастен к гибели некоторых русских поэтов» [7, с. 428]. И хотя в конце романа князь Мятлев будет помилован, но к столичной жизни так и не вернется. После безуспешных попыток оборудовать больницу для крестьян скоропостижно скончается в своем имении. Испытанное сомнение, попытка противостояния общественной жизни и государству неминуемо заканчивается трагедией и ощущением пустоты, так как, с точки зрения Б. Окуджавы, личной свободы вне истории не существует.

Демонстрируя бессилие отдельной личности перед историей, писатель всегда сохраняет надежду. Оплаченный трагической ценой «глоток свободы», вдохновленный вечными ценностями жизни: любви и личного убеждения, – бесценное мгновение реализации человеческого в человеке: «И пусть вскоре все это гаснет, но разве единый вздох, доставшийся вам, восхищенное “ах!”, вырвавшееся из вашей истомленной ожиданием души, – разве все это – пустая фантазия? Вздор?» [7, с. 303].

Писатель не теряет веру в будущее, неслучайно движение («путешествие») не прекращается и в конце его произведения: «По некоторым слухам, Лавиния Ладимировская, похоронив Мятлева, навсегда покинула Россию. Однако господин ванн Шонховен в потертом армячке, по видимому, продолжает пересекать заснеженные пространства, оставляя нам в назидания свои следы» [7, с. 528].

Показательным также является письмо госпожи Тучковой, матери Лавинии, которая когда-то так настойчиво подталкивала дочь к браку по расчету с рассудительным господином Ладимировским. Этот эпистолярный вставной текст, написанный женой автора по его просьбе, демонстрирует читателю, что «бедный господин ванн Шонховен», выдержав оглушительную силу общественного подавления, все-таки отстоял свое право на любовь, свободу и самоопределение: «Мой ангел, я ошиблась! Моего греха перед тобою не замолить! Запреты убивают таких, как ты, и ты это чувствовала ещё совсем ребёнком, пробираясь по снегу в объятия своего погубить. Это судьба вела тебя, это Он руководил тобою... Я преклоняюсь перед тобой, и перед твоей любовью, и перед твоим выбором, и, если я ещё раз осмелюсь пожелать тебе покоя в постылых объятиях твоего законного супруга, – прокляни меня!» [7, с. 533].

Роман «Путешествие дилетантов» стал своеобразным итогом историко-философских исканий Б. Окуджавы, в основе которых равнозначность в контексте потока времени поворотных событий российской истории и событий частной жизни «дилетантов». Все его творчество можно считать

размышлением о судьбе интеллигента в чуждом, и даже враждебном, ему мире. Писатель ориентировался на осознание героем таких понятий, как «честь», «долг» и «совесть», определяющим становится наличие свободы и уважения к личности. Человек, мыслящий вопреки догмам своего времени, непонятый и отвергнутый обществом, живет в мире глубинных сомнений и непререкаемых истин.

Список литературы

1. Назаров А. Интервью с Булатом Окуджавой (июль 1989 г.) // Новый берег. 2005. №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/bereg/2003/1/intervyu-s-bulatom-okudzhavoj.html> (Дата обращения: 12.07.2024).
2. Савельева В.В. Художественная антропология. Алматы: АГУ им. Абая, 1999. 281 с.
3. Федосеева Т.В. О литературной антропологии и антропоцентризме современного литературоведения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 72–82.
4. Розенблюм О.М. «...Ожиданье большой перемены»: Биография, стихи и проза Булата Окуджавы. М.: РГГУ, 2013. 538 с.
5. Окуджава Б.Ш. Стихотворения / вст. ст. Л.С. Дубшана и В.Н. Сажина; сост. В.Н. Сажина и Д.В. Сажина; прим. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с.
6. Окуджава Б. XX век: вехи истории – вехи судьбы. Анкета // Дружба народов. 1997. № 4. С. 189–191.
7. Окуджава Б.Ш. Путешествие дилетантов. М.: Известия, 1986. 560 с.

А.Р. Матвеев,
старший преподаватель кафедры
общественных наук, СПбГЭУ

К проблеме преподавания в иностранной аудитории в условиях новой реальности

Современная Российская Федерация является важной частью общемировой геополитической системы. Основная цель России – национальная безопасность, развитие и углубление политических, экономических и культурных связей с другими государствами.

В XXI веке сфера образования представляет собой одно из важнейших направлений сотрудничества Российской Федерации с другими государствами. Образование, предоставляемое российскими вузами, привлека-

ет студентов из многих зарубежных стран своей относительно небольшой стоимостью и высоким уровнем подготовки специалистов. Согласно сведениям, приводимым Минобрнауки, в России к началу 2023/2024 учебного года насчитывалось около 355 тысяч иностранных студентов, что больше предыдущих показателей на 5 тысяч человек [1]. Вполне очевидно, что положительная динамика в данной сфере, даже не слишком значительная, положительно влияет на экономические показатели развития страны и улучшает имидж России на международной арене.

Однако преподавание в иностранной аудитории требует особого подхода. Специфика работы с такими студентами выражается в сложности процесса адаптации не только к языку, его лексике и грамматике, но и к культуре, внутриполитическому, экономическому и социальному устройству принимающей страны. Имеющиеся при образовательных учреждениях дополнительные курсы для обучающихся, нуждающихся в помощи с интеграцией в новую среду, не всегда полноценно и оперативно покрывают их потребности. Вследствие этого преподаватели, работающие с иностранными студентами, вынуждены решать возникающие трудности [2].

В современных геополитических условиях работа в иностранной аудитории требует как специфических методов, так и изменения определенных педагогических приемов. Обстановка в мире декларирует определенные трудности и ставит перед системой образования новые задачи по преодолению негативных последствий политической нестабильности, их нивелированию в процессе обучения.

Важным аспектом данного вопроса является аспект юридический, а конкретно – Конституция РФ и Закон об образовании, согласно которым в процессе воспитания педагогам не следует использовать процесс образования для какого-либо вида агитации, принуждать подопечных к принятию тех или иных убеждений либо отказу от них, для разжигания любого вида розни, для агитирования исключительности или неполноценности по социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Иначе говоря, в процессе преподавания в группах, имеющих в своем составе иностранных учащихся, следует избегать потенциальных конфликтов и не затрагивать политические и околополитические темы. При этом не стоит упускать из виду, что не только преподаватель, но и студенты вынуждены приспосабливаться к изменившимся условиям и регулировать собственное поведение.

Сложности работы в иностранной аудитории можно разделить на два типа: касающиеся методов преподавания, выбора материала, выбора учебных материалов и пособий; относящиеся к психологическим барьерам обучающихся, процессу их адаптации в новой культурно-социальной среде.

Естественно, что специфика трудностей, с которыми имеет дело педагог, сильно зависит от преподаваемого предмета [3]. Например, преподаватель русского языка как иностранного имеет дело, в первую очередь, с затруднениями языкового характера, с проблемой восприятия студентами фонетики, правильного употребления ими лексики и соблюдения грамматических норм. Подобные сложности решаются правильным выбором образовательной программы, постепенным знакомством студентов с лексическим материалом, морфологическими и синтаксическими нормами. В случае, если речь идет о предметах из других сфер, например, о математике и иных точных науках, главной целью преподавателя будет донести нужный материал с использованием языка, отличного от родного языка иностранных студентов, так как даже самые современные высшие учебные заведения в своем образовательном процессе ориентируются на государственный язык России. Что же касается преподавания в такой специфической отрасли, как юриспруденция, то различие правовых баз разных государств налагают на педагога обязательство быть хорошо ознакомленным с законами и подзаконными актами конкретной страны [4].

Стоит отметить, что нынешняя геополитическая ситуация, которую можно определить как напряженную, ставит перед преподавателем особые задачи, принуждая его быть более гибким и осторожным во взаимодействиях со студентами. Здесь следует отметить следующие моменты.

Во-первых, смешанный характер иностранной аудитории предполагает, что педагог одновременно взаимодействует с представителями самых разных культур. Не нужно упускать из виду, что каждый студент обладает особым менталитетом, его взгляды во многом определяются традициями, порядками и системой воспитания государства, в котором он родился, и семьи, в которой он воспитывался. Независимо от текущей политической ситуации и актуальных взаимоотношений стран, которые представляют педагог и студент, преподавателю необходимо придерживаться максимально нейтральной манеры подачи материала. Сами студенты вполне могут провоцировать определенного рода конфликты во время проведения занятий, случайно или намеренно затрагивая острые темы. В таком случае перед педагогом встает еще одна задача: предвидеть и купировать потенциальные конфликты, если же они все-таки возникли – оперативно их гасить [5].

Вторым важным обстоятельством, влияющим на уровень стресса в иностранной аудитории, следует признать небольшое число студентов, представляющих ту или иную страну. В сложившейся ситуации представители иностранных государств оказываются оторванными от привычного образа жизни в гораздо большей степени, потому что превосходящая их

по численности (и порой значительно) русскоязычная аудитория вполне может испытывать негативные чувства в отношении зарубежных студентов; с другой стороны, общество их родной страны не понимает и не принимает причин, побуждающих студентов получать образование на территории России. В результате круг общения иностранных студентов оказывается еще более узким, чем обычно, и ограничивается, по сути, представителями своей страны. Разумеется, подобная ситуация не способствует быстрому изучению русского языка и быстрой адаптации в российском обществе.

Немаловажным фактором является также потенциально негативное отношение одних студентов к другим, зачастую имеющее в своей основе стереотипические представления о гражданах тех или иных стран. В связи с этим одной из целей преподавателя становится разрушение стереотипических представлений как среди русскоязычных студентов, так и среди студентов из других государств. Разумеется, преодоление негативных стереотипов, которых в нынешней обстановке на мировой арене становится все больше, является непростой задачей.

От того, насколько эффективно будут решены перечисленные трудности, зависит успех быстрой адаптации иностранных студентов в современных российских реалиях.

Еще одной немаловажной задачей для любого социума становится повышение уровня политической и правовой сознательности граждан. Возможным путем решения становится изучение иностранными студентами российского законодательства и основ права, происходящее в рамках общеобразовательного процесса. Подобная практика способствует лучшему пониманию современной культуры и политики Российской Федерации, что, в свою очередь, позволяет иностранным студентам легче и продуктивнее включаться в социокультурные процессы.

Отдельно стоит отметить, что ряд стран, представители которых обучаются в российских вузах, имеют давнюю историю конфликтов [6], которая может негативно отражаться на взаимодействии обучающихся из данных государств в российской социокультурной среде. В случае возникновения конфликтов между студентами из государств с непростой историей отношений (например, Индии и Великобритании, Египта и Франции, Израиля и арабских стран) перед преподавателем возникают дополнительные трудности и вопрос о возможном разведении таких обучающихся по разным группам.

Еще одним актуальным видом деятельности педагога становится поддержание регулярного контакта с иностранными выпускниками, имеющее целью информировать их об актуальных социально-политических событиях и предлагать, по желанию, принимать участие в подобных ме-

роприятиях [7]. Преподавателю следует не только сподвигнуть выпускников на дальнейшее сотрудничество и мотивировать их на участие во внутривузовских мероприятиях, но и ставить перед иностранными учащимися цель продолжать взаимодействие с вузом после его окончания: информировать о программах магистратуры, аспирантуры и ординатуры, рассказывать о дополнительных образовательных программах, помогать с поиском работы по специальности.

Делая выводы из вышесказанного, можно отметить, что в нынешних геополитических условиях у преподавателя, работающего с иностранными студентами, имеется ряд трудностей. Спецификой труда педагога является не только необходимость в доступной форме донести до аудитории содержание своего предмета, но и практическая надобность в проведении воспитательной работы, в знакомстве учащихся с текущей социальной обстановкой. Россия остается участником общемирового рынка образования и имеет на этом рынке собственные козыри: высокое качество образовательных услуг, наличие материально-технической базы, богатый опыт преподавателей в сфере преподавания в иностранной аудитории. Тем не менее, ситуация на мировой политической арене ясно демонстрирует, что конечной целью образовательного процесса является не только подготовка квалифицированных кадров, но и налаживание межнационального взаимодействия, сохранение и углубление социальных, политических и экономических связей с другими государствами и поддержание дружеских отношений с их представителями.

Список литературы

1. Минобрнауки: около 355 тысяч иностранных студентов учатся в вузах Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20231123/student-1911436685.html> (Дата обращения: 12.07.2024).
2. Валиахметова Л.В. О важности формировании политкультурной идентичности у иностранных студентов в период обучения в России // МНКО. 2024. № 1 (104) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vazhnosti-formirovaniy-polikulturnoy-identichnosti-u-inostrannyh-studentov-v-period-obucheniya-v-rossii> (Дата обращения: 13.07.2024).
3. Уткина А.В., Гараева М.В. Проблема адаптации иностранных студентов в Российских ВУЗАХ // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 3 (129) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/3-129-2023-march/10.23670/IRJ.2023.129.62>. — DOI: 10.23670/IRJ.2023.129.62 (Дата обращения: 12.07.2024).
4. Богмацера Э.В., Лысенко В.А., Рязанова Н.А. Об особенностях преподавания государственно-правовых дисциплин иностранным слушателям // ВЭПС. 2016. № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-prepodavaniya-gosudarstvenno-pravovyh-distiplin-inostrannym-slushatelyam> (Дата обращения: 12.07.2024).

5. Левичева Е.В., Лебедева О.А. Иностраный студент как феномен современного образовательного пространства // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 5. С. 118–122 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36680> (Дата обращения: 12.07.2024).

6. Гаврилова Т.В., Федосеева Л.Ю. Особенности преподавания права иностранным студентам неюридических специальностей // Образование и право. 2022. № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prepodavaniya-prava-inostrannym-studentam-neyuridicheskikh-spetsialnostey> (Дата обращения: 14.07.2024).

7. Шатилов А.Б. Иностранные студенты и Российская политическая повестка: способы адаптации // Власть. 2020. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostrannye-studenty-i-rossiyskaya-politicheskaya-povestka-sposoby-adaptatsii> (Дата обращения: 14.07.2024).

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ

К.Е. Иванов,

*доктор исторических наук,
профессор, СПбГЭУ*

К вопросу об отношениях Г.Е. Распутина со структурами военно-политической разведки Германской империи перед началом и в период Первой мировой войны

Личность Григория Ефимовича Распутина сыграла важную роль в истории России. Распутин не уставал удивлять своих современников, не перестает это делать и сегодня уже с исследователями его биографии. О нем сочиняют легенды и анекдоты, снимают исторические и не очень фильмы, наделяют сверхъестественными качествами. Благодаря проникновению в семью последнего российского императора, простой крестьянин получил всемирную славу. Слава Распутина была неоднозначной, им восхищались, ему поклонялись, но его и проклинали, считая предвестником падения царского режима. Фигура Распутина многим мешала, что и стало причиной его убийства. Одним из классических обвинений в его адрес стала шпионская деятельность в пользу Германии перед началом и в период Первой мировой войны. Рассмотрим и проанализируем мнения некоторых деятелей того времени по этому вопросу.

Серьезный интерес представляют воспоминания личного секретаря Распутина Аарона Симановича. К ним, несомненно, нужно относиться с большой осторожностью, так как Симанович был соучастником и часто организатором практически всех незаконных проектов Распутина, а также, по-видимому, сам имел прямую связь с немецкой агентурой. Тем не менее, его сочинение «Распутин и евреи» содержит немало ценной информации, подтверждающейся параллельными источниками. Известно также, что Симанович, желая, видимо, показать свою значимость и осведомленность о событиях того времени, переусердствовал и имел после публикации книги серьезные неприятности со стороны своих соотечественников.

В частности, Симанович весьма подробно раскрывает технику смещения с поста Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича. Он подробно описывает решение этого вопроса: «...на квартире Слиозберга собрались представители еврейства, и среди них находи-

лись: барон Гинцбург, Мозес Гинцбург, Бланкенштейн, Мандель, раввин Мазо и многие другие...» [1, с. 114]. Все делегаты, фамилии которых здесь перечислены, в разное время разрабатывались русской контрразведкой или напрямую привлекались к суду по обвинению в военном и промышленном шпионаже в пользу Германии. «Еврейские делегаты, старики с длинными седыми бородами, в течение вечера рассказывали Распутину о преследовании евреев Николаем Николаевичем и другими антисемитскими сановниками» [1, с. 114]. Истинная причина недовольства здесь понятна: при Главнокомандующем Николае Николаевиче Распутин и его окружение не могли влиять на руководство фронтами, так как отношения между Распутиным и Великим князем были отвратительными. Далее Симанович пишет: «Распутин встал и перекрестился. Это означало, что он дал сам себе клятву нам помочь. В глубоком волнении объяснил он, что Николай Николаевич будет устранен от должности вождя русской армии в течение десяти дней, если только с ним ничего не случится» [1, с. 114]. Как известно, Распутин сдержал слово: командование армией взял на себя сам Николай II, что обеспечило Распутину и его окружению влияние на фронтовые дела.

Отдельную тему представляют отношения Распутина с Игнатием Порфирьевичем Манусом. Существуют весьма основательные подозрения, что именно Манус являлся резидентом немецкой разведки в Санкт-Петербурге и Москве. В частности, именно Манус имел прямое отношение к организации в России многочисленных коммерческих обществ немецкого капитала («Российское транспортное общество», «Электрическое общество», «Общество 1886 года» и др.). Бывший глава МВД А.Н. Хвостов на допросе заявляет: «Вот этот Манус казался тогда человеком довольно подозрительным. Манус участвовал ранее в кружке кн. Мещерского, и на его деньги издавался даже “Гражданин” (как говорят, он сам писал под псевдонимом “Зеленый”). ...я и выяснил, что он имел близкие отношения к Бурдукову: он помогает ему и держит на большом жаловании – не за его труды, а для того, чтобы проводить его дела...» [2, с. 17]. Н.Ф. Бурдуков состоял при МВД, кроме того, являлся еще и шталмейстером двора. Сам Манус с Распутиным встречался очень редко, однако тот же Хвостов далее показывает: «Я стал расследовать, и выяснилось, что дела (Мануса. – *прим. К.И.*) проводятся Бурдуковым: с одной стороны, он действует через Саблина и Нилова, а с другой стороны, – через Распутина. Такое было с разных сторон обложение: если какое-нибудь дело нужно было провести, – с одной стороны, скажет Распутин пророчески, что так надо» [2, с. 17]. Князь Феликс Юсупов в своих мемуарах приводит любопытный разговор с Распутиным в 1916 г.:

«...он и имен никогда не помнил. Звал всех, как ему нравилось. В одной из наших с ним будущих бесед, намекая на каких-то тайных друзей, назвал их “зелеными”. Похоже, что он и в глаза их не видел, а сносился с ними через посредников:

– “Зеленые” проживают в Швеции. Побывай-ка у них, познакомься.

– Так они и в России есть?

– Нет, в России – “зелененькие”. Они друзья и “зеленым”, и нам. Люди умные» [3, с. 187].

Возникает вопрос: кого мог Распутин в Швеции, которая, как известно, являлась основной промежуточной базой германского шпионажа в России, называть литературным псевдонимом И.П. Мануса?

Следующий эпизод касается «доверительных финансовых операций» императрицы Александры Федоровны. Во время войны она осуществила перевод российских денег в Германию, что само по себе является государственной изменой. Провел эту операцию человек, которого все называли «личным банкиром» Распутина – финансист Дмитрий Рубинштейн. Симанович пишет: «Распутин рассказал царице, что он нашел для нее очень подходящего банкира, Рубинштейна, члена древней еврейской фамилии, родственника знаменитого композитора, который ко всему этому является одаренным финансистом. Царица согласилась на выбор, и Рубинштейн находился на вершине своего счастья. ...Роль Рубинштейна в этом деле была очень деликатна и опасна, но он исполнил поручение царицы с большой ловкостью и этим заслужил ее благодарность» [1, с. 148–149].

Сумма перевода не указана, но по намекам понятно, что речь идет о миллионах. Буквально через несколько месяцев Рубинштейн был арестован за шпионаж. Симанович и здесь подробно объясняет: «Он скупил все акции страхового общества “Якорь” и их с большою прибылью продал одному шведскому страховому обществу. Планы застрахованных в “Якоре” крупных зданий он послал в Швецию. Среди них находились планы многих украинских сахарных заводов» [1, с. 149].

Итак, опять Швеция. Ясно, что императрица теперь находилась в определенной зависимости от Рубинштейна, Симановича и стоящих за ними людей. Она приложила все усилия для освобождения Рубинштейна и, добившись его, отправила торжественную телеграмму Симановичу: «Симанович, поздравляю. Наш банкир свободен. Александра» [1, с. 150]. А.Н. Хвостов по Рубинштейну прямо показывает: «Распутин ездил в Царское, и ему давал поручения Рубинштейн узнать о том, будет ли наступление или нет. Причем Рубинштейн объяснял близким, что это ему нужно для того: покупать ли в Минской губернии леса или нет?» [4, с. 300].

При выяснении роли Распутина в системе германского шпионажа в России нельзя обойти вниманием вопрос о его личном отношении к войне. Лучший ответ, по мнению автора, дает все тот же А. Симанович, цитируя «изрядно выпившего» Григория Ефимовича:

– «Не могу я любить французов, – пояснил он, – потому что я знаю, что они не могут полюбить меня. Они республиканцы и революционеры, и я им кажусь смешным. Я могу работать только с монархистами. Но монархисты не должны никогда воевать между собой и всегда хорошо между собой уживаться. Поэтому Россия должна как можно скорее помириться с Германией» [1, с. 135]. Очень четко и исчерпывающе. Эта цитата в какой-то степени дает ответ и на вопрос о месте Распутина в германском шпионаже в России. Наиболее точно его, пожалуй, сформулировал наставник цесаревича Алексея Пьер Жильяр: «Я не думал, чтобы Распутин был, в полном смысле слова, агентом на содержании у Германии, но он был, конечно, страшным орудием в руках главной немецкой квартиры. Последняя была весьма заинтересована в сохранении жизни столь ценного пособника и окружила его шпионами, которые в то же время были его телохранителями. Немцы нашли в нем замечательно действенное средство, чтобы опорочить двор, и они широко его использовали...» [5, с. 234]. Соглашается с этим и А.Н. Хвостов: «Он был очень удобной педалью для немецкого шпионажа... Хотя я его не улавливал в шпионаже, но, логически, мне казалось, что он шпион – не сознательный, а – орудие для шпионажа, потому что было очень легко через него узнавать, что делалось в Царском...» [4, с. 300].

Таким образом, можно утверждать, что Г.Е. Распутин, не будучи прямым агентом германского Генштаба, являлся весьма ценным источником важной информации для немецкой разведки, а также, в достаточно серьезной степени ее так называемым «агентом влияния».

Список литературы

1. Симанович А.С. Распутин и евреи // Святой черт: Воспоминания, документы, материалы следственной комиссии. М., 1990. 322 с.
2. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1. Л., 1924. 472 с.
3. Юсупов Ф.Ф. Мемуары / пер. с фр. Е. Кассировой. М., 1998. 430 с.
4. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Святой черт: воспоминания, документы, материалы следственной комиссии. М., 1990.
5. Жильяр П.А. Роковое ослепление // Святой черт: воспоминания, документы, материалы следственной комиссии. М., 1990.

*С.В. Андрияйнен,
кандидат исторических наук,
доцент, СПбГЭУ*

**Инкорпорация украинской политической элиты
в правящий класс Российского государства в XVII–XVIII вв.:
механизмы и практики**

В январе 1654 года состоялась Переяславская рада, которая привела к вхождению в Левобережной Украины в состав Российского царства. Это одно из важнейших исторических событий в жизни Российского государства. Современные исследователи считают Переяславскую Раду важным, но начальным этапом в деле политической интеграции малороссийских земель в состав Российского государства [4, с. 41–45].

Одной из сложных задач, которую при этом должно было решать сначала Российское царство, а потом и Российская империя, была поэтапная интеграция властвующей элиты Малороссии в состав имперской элиты.

В рамках данной статьи мы будем исследовать основные механизмы и практики интеграции властвующей элиты Малороссии в имперское пространство. В качестве властвующей элиты мы будем понимать различные группы, непосредственно или опосредованно участвующие во властных процессах. В такую элиту входят политическая, экономическая, военная, идеологическая и другие виды элит.

В специфических условиях Малороссии середины XVII – первой половины XVIII в. важнейшими компонентами властвующей элиты были, во-первых, казачья старшина и, во-вторых, ведущие представители Русской Православной церкви.

Одной из ключевых проблем для малороссийской казачьей старшины была неопределенность ее правового статуса в сравнении как с польской шляхтой, так и с российским дворянством. Это объяснялось тем, что новая властвующая элита Малороссии формировалась из разных источников в период восстания Богдана Хмельницкого, в ней было много людей низкого социального статуса. С другой стороны, на Украине в 1654 г. в принципе отсутствовал единый свод прав различных социальных групп, который можно было бы сравнить с российским соборным Уложением 1649 г. З. Когут утверждает, что казачья старшина обладала в составе Речи Посполитой шляхетскими правами, однако и сам признает, что в законодательстве отсутствовали критерии отнесения человека к шляхте [11, с. 51].

В условиях невыясненного сословного статуса старшины первичным механизмом интеграции было предоставление прав российского дворянства отдельным лояльным представителям старшины.

В 1665 г. в Москву отправилось посольство гетмана Ивана Брюховецкого, которое возглавил сам гетман. Во время этого посольства Иван Брюховецкий получил титул боярина, а старшина из его свиты – звания дворян. Тогда же гетман, по его собственной просьбе, получил супругу из числа московской знати – его женили на княжне Дарье Долгорукой [10, с. 503].

Несмотря на очевидную перспективность использования брачной дипломатии в качестве средства интеграции малороссиян, ее использовали лишь время от времени. В Коломакских статьях 1687 г. (подписанных московским правительством и гетманом И. Мазепой), в статье под номером 19 содержалось требование «чтобы гетьману и старшине, служа великим государям, народ Малороссийский всякими мерами и способами с Великороссийским народом соединять и в неразорванное и крепкое согласие приводить супружеством и иным поведением, чтоб были под одною их царского пресветлого величества державою обще, яко единой Христианской веры, и никто б голосов таких не испущал, что Малороссийской край Гетманского регименту, а отзывались бы везде единогласно: Их царского пресветлого величества самодержавной державы Гетман и старшина, народ Малороссийской обще с Великороссийским народом» [1, с. 49].

Похожее требование содержится в инструкции императрицы Анны Иоановны, которую она дала в 1734 г. русскому резиденту в Малороссии князю А.И. Шаховскому. Императрица требовала, чтобы князь «секретно ... трудился малороссиян от браков с жителями Смоленщины и с поляками и с другими зарубежными жителями отводить, а побуждать их и искусным образом приводить их в свойство с великороссийскими» [6, с. 65].

Специфическим механизмом, характерным для XVII в. и эпохи Петра Великого, была отправка представителей малороссийской старшины в Москву или в Петербург для их обучения или попросту в качестве заложников. Для примера можно привести судьбу Петра Апостола, сына знаменитого гетмана Даниила Апостола. В феврале 1725 г. после смерти Петра Великого императрица Екатерина I повелела выпустить малороссийских старшин, которые сидели под арестом с 1724 г. по делу Павла Полуботка. Однако, чтобы обеспечить лояльность своего отца после освобождения, молодой Петр Апостол осенью 1725 г. был вызван в Санкт-Петербург. Пребывание Апостола-младшего было чрезвычайно комфортным. Он близко общался с всесильным князем А.Д. Меншиковым, посещал дворцовые приемы и церемонии, занимался своим образованием. В 1728 г. Петр Апостол формально был назначен полковником, однако вернуться в Малороссию и вступить в обязанности лубенского полковника он смог только в 1730 г. [6, с. 77].

По мере того как Россия все плотнее интегрировала Малороссию в свой состав, большую роль в интеграции старшины начали играть их связи с русскими администраторами на Украине. В истории Малороссии XVIII в. можно выделить несколько удачных назначений.

В первую очередь речь идет о Кирилле Григорьевиче Разумовском, которого императрица Елизавета Петровна в 1750 г. пожаловала в малороссийские гетманы. С одной стороны, новый гетман полностью зависел от Санкт-Петербурга, не претендовал на самостоятельную власть. Однако вместе с этим у Разумовского хватало власти, чтобы сдерживать амбиции старшины. Кроме того, братья Разумовские были наделены графским титулом. Это подтверждало претензии старшины на дворянский статус.

Следуя политическим традициям XVIII в., Кирилл Разумовский оказывал широкое покровительство малороссийским старшинам в их стремлении начать службу при императорском дворе. Утверждения некоторых украинских историков, что в XVIII в. детям малороссийских старшин был закрыт доступ в Сухопутный Шляхетный корпус, являются несостоятельными. Напротив, в 1750-е гг. среди кадетов этого учебного заведения начинают фиксироваться малороссийские фамилии. Выходцы из Малороссии также начинают строить большие военные и придворные карьеры. Примером является деятельность братьев Ивана и Александра Гудовичей. Андрей Васильевич был фаворитом Петра III, отказался присягать Екатерине II потому был вынужден удалиться в свои поместья. Однако его брат Иван, который начинал свою карьеру адъютантом при всесильном генерал-фельдцейхмейстере П.И. Шувалове, остался в службе, успешно командовал армейским полком и отдельными воинскими соединениями, вершиной его карьеры стал пост главнокомандующего в Грузии в 1806-1809 гг. [5, с. 126–129].

Мощнейшим рычагом влияния на малороссийскую старшину были судебные механизмы. Как показала в своем исследовании С.С. Лукашова, постоянные жалобы и взаимные обвинения были чертой правовой системы Речи Посполитой. Представители имперской администрации получали возможность действовать по схеме «разделяй и властвуй», сталкивая своими решениями различные группировки старшин. Однако в России, где не существовало развитой судебной системы, огромный массив жалоб обрушился на представителей исполнительной власти, периодически вызывая их недовольство [6, с. 58].

Влиятельный генерал-губернатор Малороссии фельдмаршал П.А. Румянцев был сторонником жесткого давления на уцелевшие политические институты и традиции Малороссии. В 1768 г. Румянцев предлагал отправить в Малороссию группу гвардейских офицеров для расследования экономических преступлений, связанных с хищением казенных доходов. По

мнению губернатора, российские чиновники справиться с такими делами не могли по незнанию местных законов. Румянцев также утверждал, что гвардейские офицеры смогут вышибить из местных старшин вольнолюбие: «этим пресекутся все сумасбродства, фальшивые и им несвойственные республиканские мысли и ограничится размножающееся здесь вредное государству вельможество и шляхетство» [9, стб.699].

При этом Румянцев поддерживал дружеские связи с отдельными знатными семействами. Екатерина II по мере сил сдерживала своего эмоционального губернатора, однако вместе с тем она планомерно предпринимала меры по упразднению политических институтов Малороссии. Такая политика играла важную роль – отсутствие законодательных и судебных институтов в Малороссии не позволяло местной знати консолидироваться вокруг них и ощущать свою инаковость относительно России.

Взамен Екатерина II в первой половине 1780-х гг. предоставила малороссийской старшине права дворянства. Окончательно новая система утвердилась в 1785 г., когда на малороссийскую старшину было распространено действие Жалованной грамоты дворянству. После этого дворяне из Малороссии стали активно привлекаться на службу в части регулярной российской армии и гвардии.

При этом необходимо отметить цинично-рациональный подход императрицы. Стремясь обеспечить лояльность Малороссии, имперские администраторы «закрывали глаза» на то, что многие украинские семейства стали спешно фабриковать себе дворянские свидетельства. В соседней Речи Посполитой появились целые «фабрики», где печатались необходимые бумаги [11, с. 59].

Важнейшим механизмом контроля малороссийского духовенства – его приглашение на службу в Великороссию. По оценкам исследователей, в середине XVIII в. до 60% иерархов Русской православной церкви были выходцами из Малороссии [6, с. 94].

Имперская администрация выработала несколько правил, при помощи которых малороссийские священники становились российскими епископами. Как правило, перспективных кандидатов сначала переводили на службу в российские монастыри. После того, как нужный кандидат успешно служил несколько лет архимандритом, его могли рассматривать в качестве кандидата на епископскую кафедру. С другой стороны, выходцы из Малороссии могли получать какие угодно епископские кафедры в Великороссии, но их не назначали на церковные должности в Малороссию. Туда они могли возвращаться только «на покой», завершив активную деятельность [6, с. 73–75].

У историков существуют различные представления, почему Российское государство так широко привлекало украинское духовенство на

службу в Россию. Традиционно исследователи отмечали более высокий уровень образованности украинских православных священников. По мнению В.М. Живова, главной причиной было отсутствие у таковых прочных социальных связей в Великой России, это делало таких архимандритов и епископов более зависимыми от императорской власти [2, с. 43–45].

В любом случае необходимо отметить важные последствия этой меры. Малороссийское общество теряло людей, которые могли бы выступить идеологами протестных сепаратистских настроений. Российская империя при этом получала грамотных и квалифицированных иерархов, которые, помимо управления церковью, исполняли также политические функции. Благодаря малороссийским иерархам, в Русской церкви получила распространение церковная проповедь, которая могла произноситься не только на духовные, но и на светские темы. Как отмечают исследователи, произносимые священниками проповеди были важным средством агитации в пользу Елизаветы Петровны.

Елизавета Петровна пришла к власти в ноябре 1741 г. путем дворцового переворота, свергнув законного императора Иоанна VI, поэтому она крайне нуждалась в аргументах о необходимости такого переворота. 18 декабря 1741 г., в день рождения императрицы Елизаветы Петровны, произнес свою проповедь архиепископ Новгородский Амвросий (Юшкевич).

Этот выходец из Малороссии родился в 1690 г., обучался в Киево-Могилянской академии. В 1734 г. он был вызван в Россию и назначен настоятелем московского Симонова монастыря. В 1736 г. был хиротонисан в сан епископа Вологодского и Белозерского, а в 1740 г. стал архиепископом Новгородским. В 1740 г. Амвросий выступал как сторонник Анны Леопольдовны и старался укрепить своими действиями ее власть.

В своей проповеди 1741 г. Юшкевич проявил себя уже как ревностный сторонник новой государыни. Амвросий обрушился на свергнутых деятелей прежнего режима. По мнению епископа, фельдмаршал Б. Миних и канцлер А. Остерман были «эmissарами дьявольскими». Они «тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных невинных, Бога и государство весьма любящих втайную похищали, в смрадных узилищах... заключали, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали». Кроме того, свергнутых министров обвиняли также в расхищении российских богатств: «деньги вон из России за море высылали и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали» [3, с. 344].

Здесь необходимо подчеркнуть, что церковные проповеди на гражданские темы были в России делом новым, они получили большое развитие только в эпоху Петра Великого и создателями нового направления ораторского искусства стали выходцы из Малороссии – Стефан Яворский и Феофан Прокопович [7].

Заключение. Стратегии инкорпорации малороссийской властвующей элиты в состав политического класса Российской империи были многообразными. Для второй половины XVII в. характерными были попытки установить «точечные» контакты с отдельными лояльными аристократическими семьями и кланами. Другим институтом, который исчезает к 1730-м гг., было направление в Россию заложников из числа отпрысков знатных семейств.

На смену приходят образовательные практики – дети малороссийской элиты направляются для учебы, а потом и службы в Петербург. Громадной вехой в деле интеграции элиты стала Жалованная грамота 1785 г., которая возвысила малороссийскую старшину и при этом «растворила» ее в российском дворянстве.

Отдельной группой во властвующей элите Малороссии были лидеры духовенства. Немалую роль в их лояльности империи сыграла возможность сделать большие церковные карьеры в Великороссии. Взамен выходцы из Малороссии приносили на службу империи свой темперамент и публицистические таланты, что было немаловажной поддержкой для имперской власти в эпоху дворцовых переворотов.

Список литературы

1. Величко С. Летопись событий о Юго-Западной России XVII в. Т. III. Киев, 1855. 568 с.
2. Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследование и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 355 с.
3. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). Рязань., 2003. 566 с.
4. Западные окраины Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 605 с.
5. Киселев М.А., Лазарев Я.А. «Поелику де в Малой России нет дворян»? Статус украинского «Шляхетства» в Российской империи середины XVIII в. и роль неформальных связей К.Г. Разумовского // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 116–133.
6. Лукашова С.С. Малороссия и малороссияне в Российской империи в XVIII в.: стратегии интеграции // Малороссы vs украинцы: украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР: очерки: коллективная монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. 526 с.
7. Поторжинский М.А. История русской церковной проповеди в биографиях и образцах пастырей-проповедников с 1/2 IX–XIX вв. [Электронный ресурс] // Православный портал «Азбука веры». – Режим доступа: https://azbyka.ru/propovedi/istorija-russkoj-cerkovnoj-propovedi-v-biografijah-i-obrazcah-pastyrej-propovednikov-s-ix-xix-vv.shtml#ch_0_5 (Дата обращения: 07.01.2024).
8. Семенов В.А. Социально-экономический детерминизм в современном научно-политическом дискурсе // Сборник статей кафедры международных отноше-

ний, медиалогии, политологии и истории СПбГЭУ. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГЭУ. 2021. С. 152–157.

9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга шестая. Т. XXVI–XXIX. СПб., 1879. 595 с.

10. Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 763 с.

11. Когут З. Коріння ідентичності: студії з ранньомодерної та модерної історії України. К.: Критика, 2004. 351 с.

Е.И. Белова,
кандидат исторических наук,
доцент СПбГЭУ

К истории создания Народно-социалистической партии

С началом XX века в России достаточно активно развернулся процесс формирования политических партий. Осенью 1905 г. социалисты-революционеры, представлявшие радикальное крыло неонародничества, стали предпринимать активные действия по привлечению умеренной части народнического движения. В.М. Чернов вел переговоры с редакцией влиятельного журнала народнического направления «Русское богатство» с целью создания партийного органа. Предлагалось сформировать объединенную редакцию будущей партийной газеты. Лидера эсеров активно поддерживали сотрудники журнала В.А. Мякотин и А.В. Пешехонов, также считавшие, что развивающиеся революционные события требуют перехода от изданий общеопозиционного и общерадикального характера, объединявших вокруг себя схематично намеченные «направления», к созданию новой газеты с четко намеченной программой. Молодые редакторы полагали, что ежемесячный журнал не в состоянии оперативно реагировать на происходящие в стране события. «Они слишком были полны политического активизма, чтобы с этим примириться. Их тянуло в газете и на первых порах мы с ними составили очень согласное трио», – вспоминал Чернов [23, с. 83]. Объединенными усилиями наладили выпуск «Революционной России», а с ноября 1905 г. приступили к выпуску партийной газеты «Сын Отечества» и к разработке совместной программы.

Сотрудники «Русского богатства» выступали за создание открытой демократической партии, которая должна сыграть определяющую роль в деле политического воспитания широких народных масс, выработки в них идеи демократического правового государства. А.В. Пешехонов придерживался мнения, что процесс формирования новых демократиче-

ских общественных и государственных отношений должен постепенно идти в рамках существующего строя. Однако стремительный рост революционного движения радикализировал его воззрения. На гребне революции, осенью 1905 г., когда казалось, что силы царизма на исходе, он заявлял, что основная задача революции – вырвать власть из рук самодержавия и передать ее народу в форме Учредительного собрания. Как историк, В.А. Мякотин исследовал проблемы соборности в русской жизни, в докладе, прочитанном на заседании крестьянской комиссии Вольного экономического общества, выдвинул и обосновал идею Учредительного собрания как альтернативы Земскому собору. Народ должен иметь право и власть самому устраивать свою судьбу, – таков лейтмотив выступления докладчика [7, с. 15]. В то же время Пешехонов подчеркивал чрезвычайную сложность создания подлинного народовластия. Народ, который в массе своей представляет «людскую пыль», «бессвязные толпы» еще должен сорганизоваться, не только добиться власти, но и уметь ею воспользоваться. Он писал: «Бюрократический строй – не Юпитер и демократия не Минерва, не готовую она появляется перед нами. Уже теперь, не пережив еще всех болей, в какие рождается “усовершенствованный государственный порядок”, мы полны мучительной тревоги, как бы он не оказался жалким уродцем» [9, с.189].

А.В. Пешехонов разработал проект программы обеих направлений неонародничества, который, как полагал автор, находится «в полной гармонии с наиболее высокими идеалами русской интеллигенции и с насущными интересами трудящейся массы». Программа будущей партии (предполагалось, что она получит название Народная революционно-социалистическая партия) в целом отражала идеи группы «Русского богатства», но по ряду моментов носила компромиссный характер.

При осуществлении народовластия партия должна быть нацелена на организацию народной власти в «наиболее совершенных формах». Под этим подразумевалось: однопалатная система представительства, всеобщее, равное избирательное право (при прямом и тайном голосовании), ответственность министров перед палатой народных представителей, подзаконность исполнительной власти и ответственность должностных лиц по суду. Подлинное народовластие, как отмечалось в проекте программы, немыслимо без демократических, самостоятельных органов местного самоуправления, обладающих самой широкой компетенцией. Наиболее желательной формой государственного устройства была названа федерация. Таким образом, идеи народовластия, разработанные группой либеральных неонародников, впервые стали достоянием общественности.

Автор проекта подчеркивал, что документ не носит законченного, вполне выработанного характера, редакция необходима по мере выясне-

ния потребностей общества, а также расширения состава партии. В своем окончательном виде программа должна быть утверждена на съезде партии, который предполагалось собрать в ближайшее время. Следует заметить, что к этому моменту в объединенной редакции «Сына Отечества» уже явно наметились трения между обоими неонародническими группами по программным и тактическим вопросам, однако газета была запрещена прежде, чем в ней произошли почти неизбежные внутренний кризис и раскол.

В конце декабря 1905 г. – начале января 1906 г. состоялся I Съезд партии социалистов-революционеров. Представители группы «Русского богатства» – Н.Ф. Анненский (Коренев), В.А. Мякотин (Рождественский), А.В. Пешехонов (Турский), П.Ф. Якубович – были приглашены на съезд. Обе стороны надеялись на компромисс. Между тем, расхождения ясно обозначились уже на первом заседании по вопросу, какой быть партии: открытой или конспиративной. К этому моменту изменился наступательный характер революции, потерпело поражение декабрьское вооруженное восстание, усиливалась правительственная реакция. В данных условиях создание широкой, открытой политической партии становилось нецелесообразно и практически являлось нереальным, полагали социалисты-революционеры. Умеренное крыло неонародничества продолжало отстаивать мнение, что только открытая партия, организованная на демократических началах, может способствовать созданию новых форм жизни. Дело заключается не в разрушении государственного строя, свержение существующей власти, говорили представители «Русского богатства», а в построении демократической власти. Те, кому удастся собрать, организовать народные силы, и могут рассчитывать на успех в деле формирования народной власти. Созидательная работа не совершается небольшими подпольными группами, нельзя построить подлинно демократическое государство силами партий, в которых отсутствуют демократия, контроль, гласность и ответственность. Открытая партия, по их мнению, нужна не только для будущей, но и настоящей работы: такая партия лучше знает настроения и чаяния народных масс, не отрывается от них.

Подпольная партия, перед которой на первом плане стоят «боевые» задачи, отмечал А.В. Пешехонов, нуждается в людях особого рода, пригодных действовать в специфических условиях конспиративной, нелегальной работы. С одной стороны, это сужает потенциал партии, поскольку не все способны к такой деятельности, а с другой – не дает возможности растить кадры для будущей творческой общественной и государственной работы. В качестве примера он приводил ряд известных российских общественных деятелей, стоявших на народнических позициях, но не подходивших для подполья. Таким образом, Партия социали-

стов-революционеров со своей почти исключительно боевой тактикой и конспиративной организацией не сможет использовать большой потенциал интеллигентских сил, разделявших народнические воззрения и готовых поддержать ее [14, с. 46, 47]. Учитывая новые условия в стране — наступление реакции, а также сложность для партии, возникшей и действовавшей в подполье, немедленно перейти к открытости, он предложил поэтапный план решения вопроса, который заключался в том, чтобы, сохраняя конспиративную организацию, используя ее кадры, строить параллельную открытую [14, с. 49]. Впоследствии Алексей Васильевич признался, что эта идея была неудачной [11, с. 331]. Съезд признал несостоятельной попытку создания широкой, открытой партии в данный момент.

Серьезные разногласия, не позволившие на I Съезде Партии социалистов-революционеров объединиться умеренному и радикальному крылу неонародничества, возникли и по таким важным вопросам, как аграрная программа [4; 5; 16] и проблема народовластия. Группа «Русского богатства» твердо стояла на позициях внесения в партийную программу таких значимых, с ее точки зрения, требований, как утверждение личных неотъемлемых прав граждан и принцип народовластия. Понятие народовластия социалисты-революционеры заменяли диктатурой рабочего народа¹, предполагая под этим диктатуру революционного крестьянства, пролетариата и интеллигенции над нетрудящимися классами общества. Умеренные неонародники утверждали, что диктатура пролетариата есть диктатура нескольких миллионов над сотней миллионов. Диктатура народа была бы диктатурой сотни миллионов над десятком, и в этом смысле она является народовластием.

В то же время они не считали целесообразным выдвигать требование демократической республики. Приводились следующие доводы: основная масса населения — крестьянство — недостаточно грамотные люди, многие политические термины для них непонятны, за словами они не видят их реального насыщения. Требованием демократической республики можно только отпугнуть и отвратить народ от борьбы за свои политические права, за «волю и землю». О настроении крестьянской массы свидетельствовали делегаты Учительского съезда, говорил на съезде В.А. Мякотин. Он обратил внимание на выступления сельских учителей, которые единогласно утверждали, что в деревне трудно пропагандировать идею уничтожения царской власти, династии. Но в то же время в представлении крестьянства роль царя свободно сводится к «роли старшего писаря» [14, с. 93]. Группа «Русского богатства» отстаивала мнение, что для успешной

¹ В программу было включено требование установления временной революционной диктатуры рабочего класса.

деятельности партии необходимо считаться с консервативно-монархическими, пусть наивными и неглубокими, мужицкими представлениями. Для их преодоления необходим известный период творческой государственной работы.

Вопрос о форме правления не являлся принципиальным для умеренных неонародников, полагавших, что в современных условиях не форма правления определяет степень демократии в стране, а то, кому принадлежит реальная власть. По их мнению, ликвидация помещичьего землевладения, которое служит опорой самодержавия, наделение крестьян землей даст значительно больше для демократизации государственного строя. «Есть свободные монархии и недостаточно свободные республики. <...> Мы сознательно предпочли сущность форме, притом форме далеко не всегда безупречной. Важно лишь воплощение народовластия, что всецело может быть дано Учредительным собранием» [11, с. 332].

По вопросу об Учредительном собрании также возникли трения между социалистами-революционерами и будущими народными социалистами. Вся полнота власти, по мнению последних, должна принадлежать Учредительному собранию. Социалисты-революционеры, напротив, считали, что оно вовсе не дает гарантий осуществления народовластия. «Если Учредительное собрание отвергнет или ограничит народовластие, согласитесь ли вы с его решением или нет», — задавали они вопрос будущим народным социалистам. Сами эсеры допускали возможность «пустить в ход пушки», если Учредительное собрание пойдет против воли народа. Они полагали, что диктатура революционных классов необходима как основа для проведения «желательных реформ» в стране. Впоследствии А.В. Пешехонов напоминал социалистам-революционерам, что, возмущаясь разгоном Учредительного собрания большевиками, они по сути дела сами в 1905 г. были готовы на такой шаг, что большевистская партия, устанавливая в стране диктатуру, осуществляет на деле те идеи, которые выдвигала также и эсеровская партия, но в ходе революции не сумевшая удержаться у власти. Программные воззрения, изложенные группой «Русского богатства», а также их предложения об открытой партии были отвергнуты большинством делегатов съезда, после чего умеренные неонародники покинули съезд.

Осторожность, поступательность в программных требованиях правого крыла народничества вызвали резкую критику, буквально шквал уничижительных насмешек со стороны радикалов, и прежде всего большевиков. Желание Пешехонова считаться «с психологическим фактором», поскольку «идея монархии слишком прочно засела в народном сознании», дало повод В.И. Ленину назвать его «защитником монархии, политиканом, оправдывающим кнут на том основании, что этот кнут имеет тысяче-

летнюю историю» [6, с. 400–401]. Социалисты-революционеры считали, что лидеры будущей партии народных социалистов встали на «скользкий путь политического приспособленчества», «отказались от революционных методов борьбы», «сознательно затушевывали свой республиканизм», создали «придуманную, оторванную от революционной борьбы широких масс» партию [17; 22, с. 28, 31].

Разойдясь с либеральной оппозицией по ряду принципиальных программных вопросов, не достигнув соглашения с социалистами-революционерами, кружок интеллигентов, группирующийся вокруг журнала «Русское богатство», приступил к организации самостоятельной политической партии – Партии народных социалистов. По замыслу ее устроителей такая партия должна была сплотить вокруг себя элементы, недовольные как экстремизмом эсеров, так и нерешительностью, непоследовательностью либералов [21, с. 83]. Фактическими основателями партии стали А.В. Пешехонов Н.Ф. Анненский, С.Я. Елпатьевский, В.А. Мякотин. Пешехонов взял на себя разработку исторического и теоретического обоснования программных, организационных и тактических принципов партии. Летом 1906 г. в статьях «Наша платформа (ее очертания и размеры)», «Тактический кризис», «Разница между “взять” и “получить”» и др., впоследствии объединенных в работы «Программные вопросы» (ч. I «Основные положения», ч. II «Исторические предпосылки»), автор осветил основные положения партийной программы, а также тактику партии в отношении избирательной кампании во II Государственную думу.

В сентябре 1906 г. члены организационного комитета известили власти о намерении образовать Народно-социалистическую партию (НСП) [24, л. 2 (об.), 16]. Они наладили выпуск партийной литературы (сборники «Народно-социалистическое обозрение», газета «Общее дело» и др.). Проект партийной программы основывался на идее «Все для народа, все через народ». В нем декларировалось, что партия народных социалистов является партией «всех трудящихся», главная ее цель – «народное благо», достижение которого возможно лишь через «народную волю».

Большое внимание в программных документах уделено проблеме государства. Народные социалисты считали, что взаимоотношения между личностью и обществом не могут строиться иначе как в государственной форме. Они подчеркивали, что эта форма общественной организации в истории оказалась наиболее жизненной и в настоящее время является наиболее авторитетной. По форме государство должно быть народным, а по внутренним тенденциям – трудовым. Государственные власти обязаны учитывать чаяния всего народа и оперативно реагировать на перемены его настроений и насущных нужд. Самым главным общенародным делом лидеры энесов считали законодательство. Оно является прерогативой народ-

ных представителей, избранных всем населением России путем прямых, равных и тайных выборов. Народное представительное собрание (парламент) должно быть однопалатным, оно утверждает государственный бюджет, перечень государственных налогов, их размеры и порядок взимания, а также контролирует исполнительную власть, назначает правительство из лиц, пользующихся доверием собрания. Наиболее важные, ответственные вопросы должны выноситься на всенародное обсуждение – референдум. Предусматривалось введение местного самоуправления с широкими полномочиями [18, с. 1–10]. Требование демократической республики появилось в программе народных социалистов только в июне 1917 г. на I Съезде, когда энесы объединились с Трудовой группой [1, с. 11].

Таким образом, в программных документах НСП было подчеркнуто, что народовластие следует организовать в таких формах, чтобы весь народ мог участвовать в осуществлении принадлежащей ему власти. Демократическое государство должно быть построено на федеративных началах, каждая нация свободна в своем культурном и политическом самоопределении. Стремясь сохранить единство Российского государства, народные социалисты поддерживали только требование автономности национальностей. Впоследствии видный деятель эсеровской партии М.В. Вишняк следующим образом охарактеризовал энесовскую программу: «Можно с полным правом сказать, что идеологически она полнее всех других политических партий насыщена началами народоуправства и народовластия» [2, с. 214].

Проект партийной программы народные социалисты намеревались принять на учредительном съезде своей партии, который должен был состояться в конце ноября 1906 г. в Финляндии. Однако из-за небольшого количества делегатов (40 человек от 20 организаций) было решено объявить о конференции. Таким образом, окончательное утверждение программы и устава партии было отложено. Наряду с обсуждением аграрных проблем вопрос о народовластии был важнейшим на этой конференции, при этом часть депутатов выступали за включение в программные документы требования демократической республики.

Конференция нацелила делегатов на борьбу за достижение намеченных партийных целей как парламентскими, так и непарламентскими методами. Стремясь создать широкую открытую партию, лидеры энесов вовсе не отрицали разнообразия форм партийной работы. Так, А.В. Пешехонов неоднократно указывал на «невозможность для политической партии заранее ограничить себя чертой легальности» [10, с. 166], особенно в условиях реакции. При этом партия отрицала экстремистские способы ведения борьбы с властями. Народные социалисты были единственной партией народнического типа, исключившей из своей тактики

политический террор. При этом следует заметить, что отношение членов партии к террору не всегда было отрицательным и в своем развитии оно прошло ряд этапов. Некоторые народные социалисты, в том числе и Пешехонов, оказывали всяческое содействие Боевой организации социалистов-революционеров. Квартира лидера энесов в Петербурге, где часто бывали Б.В. Савинков, И.П. Каляев и др., стала одним из опорных пунктов этой организации [21, л. 9]. Перу А.В. Пешехонова принадлежат работы (прокламации, статья «Выстрел Карповича» во втором номере «Революционной России»), в которых он прямо призывал к дальнейшей борьбе и террору. Непосредственно перед первой русской революцией идеолог энесов тесно сотрудничал с Е.Ф. Азефом, который в докладных записках департаменту полиции характеризовал его как человека, «способного на личный акт» [12, с. 69].

Однако, встав на путь создания открытой партии, народные социалисты пересмотрели свое отношение к террору, считая его «крайне нежелательной формой борьбы» [20, л. 1]. Поскольку в основе энесовской теории были заложены гуманистические идеи суверенитета, ценности каждой человеческой личности, насильственные методы ведения борьбы исключались из их тактики. Это было подтверждено на совещании членов организационного комитета и представителей столичных партийных групп (февраль 1909 г.) [3, Л. 2 (об.)].

Народные социалисты стремились использовать весь спектр демократических форм политического противостояния. Еще до образования партии, они развили активную работу по организации масс для «творческой государственной деятельности». Выступив вначале за бойкот I Государственной думы, лидеры энесов вскоре осознали свою ошибку и приняли непосредственное участие в организации крестьянских депутатов в Трудовую группу Думы. Аграрный законопроект этой группы был составлен А.В. Пешехоновым («проект 104-х»). Он выражал интересы большинства российского крестьянства. Народные социалисты активно участвовали в выборах во II Государственную думу, в которую им удалось провести 9 депутатов. В процессе работы Думы численность их фракции возросла до 19 человек. После третьеиюньского переворота в партии разгорелись дискуссии по вопросу об участии в работе III Государственной думы. В конечном итоге на III партийной конференции (июль 1907 г.) было принято решение об участии в выборах. Предусматривалось использовать думскую трибуну для популяризации энесовской программы и привлечения в свою партию широких народных масс.

Энесы проводили постоянную работу по формированию общественного мнения через органы печати, стремились к участию в различных выборных учреждениях, культурно-просветительской деятельности и т.д.

Они пытались организовать массы и привлечь их к общественно-политической деятельности через кооперативные, профсоюзные организации. На Николаевской железной дороге был создан «Железнодорожный профессиональный союз народных социалистов». Однако все усилия по строительству открытой массовой партии оказались тщетны. Даже в наилучший для партии «втородумский» период в ней было не более 50–60 групп с численностью около 2 тысяч членов, а к 1908 г. количество партийных организаций сократилось до 20. Причины неудачи в строительстве массовой открытой партии и выработки новой тактики в сложившихся условиях были предметом анализа на собрании Исполнительного бюро, Совещании Оргкомитета в 1908–1909 гг.

По своему социальному составу партия оставалась преимущественно интеллигентской. Партийные группы были созданы главным образом в городах и лишь незначительное количество в сельских местностях. В то же время нельзя не привести точку зрения современников, считавших, что народно-социалистическая партия «при небольшом, сравнительно с другими партиями числом членов, пользовалась значительным моральным влиянием в стране» [13].

Список литературы

1. Бюллетень Московского Комитета народно-социалистической (трудовой) партии. М., 1917. № 1.
2. Вишняк М.В. Идея Учредительного собрания в истории политического самосознания России // Грядущая Россия. 1920. № 2. С. 182–216.
3. ГАРФ. Ф. 4653. ОП. 1. Д. 62.
4. Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 335 с.
5. Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М.: Изд-во МГУ, 1979. 192 с.
6. Ленин В.И. Эсеровские меньшевики. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 396–406.
7. Мякотин В. О народно-социалистической партии // Народно-социалистическое обозрение. 1906. Вып. 1.
8. Пешехонов А.В. Программные вопросы. СПб., 1907. Вып. 1. С. 47.
9. Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 3. С. 164–193.
10. Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1907. № 8. С. 158–172.
11. Пешехонов А. Почему мы тогда ушли: (к вопросу о политических группировках в народничестве) // Русское богатство. 1917. № 11/12. С. 327–350.
12. Пешехонов А.В. Мои отношения с Азефом // На чужой стороне. 1921. № 5.
13. Последние новости (Париж). 1933, 16 мая.
14. Протоколы I Съезда партии социалистов-революционеров. СПб.: Красное знамя, 1906. С. 290.

15. Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: человек и эпоха. М.: Росспэн, 2004. С. 238.
16. Сыпченко А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М.: Росспэн, 1999. С.246.
17. III Съезд партии социалистов-революционеров. Пг., 1917.
18. Трудовая народно-социалистическая партия (проект программы и организация) // Народно-социалистическое обозрение. СПб, 1906. Вып. 1. С. 3–10.
19. Трудовая народно-социалистическая партия: док. и материалы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 624.
20. РГБ РО Ф. 225. ОП. 1. К. 14.
21. РГБ РО Ф. 225. ОП. 1. К. 64.
22. Чернов В.М. О народно-социалистической партии // На современные темы. Сб. № 3. СПб., 1906. С. 20–31.
23. Чернов В.М. От «Революционной России» к «Сыну Отечества» // Летопись революции. 1923. Кн. 1. С. 69–95.
24. ЦГИА Ф. 1341. ОП. 399. Д. 44.

*Д.М. Демидович,
кандидат исторических наук,
доцент, СПбГЭУ*

Проблемные вопросы изучения истории городской повседневности

Изучение повседневной жизни различных социальных групп и общностей [1], поселений, отдельных бытовых аспектов жизни населения [2] в последние десятилетия стало крайне динамически развивающейся отраслью исторической науки. В связи с поворотом истории в сторону «маленького человека» стали появляться исторические исследования, посвященные, отдельным сторонам его повседневности – одежде [3], жилищам [4], досугу [5], еде, и т.д. Однако при комплексном исследовании повседневной жизни, особенно крупных населенных пунктов, возникает ряд проблемных вопросов. Условно их можно разделить на две группы – трудности, связанные с изучением истории повседневности в целом, и проблемы, относящиеся к рассмотрению повседневной жизни городов. К первой категории можно отнести следующие проблемные вопросы: субъективность повседневности, трудности в подборе источниковой базой и вопросы структурирования исследования, поскольку повседневность крайне разнообразна. Ко второй – многообразие обывателей и непохо-

жесть их повседневной жизни, а также динамичность городской повседневности. Рассмотрим эти вопросы более подробно.

Одной из ключевых проблем исторической науки является субъективность взглядов человека, причем не только историка, но и очевидцев исторических событий. При изучении повседневности эта проблема стоит наиболее остро, поскольку включает в себя исследования жизни сотен тысяч городских обывателей, у каждого из которых свой взгляд на события и даже одну и ту же вещь. При этом они строят свою повседневную жизнь в зависимости от этих взглядов. Изучить, описать и проанализировать быт и видение жизни каждого отдельного человека невозможно, поэтому можно говорить лишь об исследовании «усредненной» повседневности. В исследовании повседневная жизнь рассматривается как некая обобщенная модель, которая отражает общие тенденции, характерные для определенной группы людей. Такой подход позволяет выявить типичные модели поведения, привычки, ценности, характерные для большинства, но в то же время игнорируются уникальные аспекты жизни отдельных людей. При исследовании большинства исторических процессов и явлений такой подход оправдан. Однако при исследовании отдельных сторон повседневности, в частности крупных городов, «усредненная» модель не подходит, так как утрачивается общая картина. Это приводит к тому, что исследователю приходится делить изучаемое сообщество на большое количество малых групп – носителей определенных специфических характеристик и поведенческих практик – и описывать их по отдельности. Подобный подход значительно укрупняет исследование и массив исследуемой информации.

Важным вопросом любого исторического исследования является источниковая база. В большинстве работ, изучающих ранний период истории, в основном используются материальные и редкие письменные свидетельства (берестяные грамоты, летописи, записки иностранцев и т.д.), более поздние периоды, в свою очередь, богаты письменными источниками – законодательными, делопроизводственными, статистическими, публицистикой, периодической печатью, справочными изданиями, художественной литературой и т.д. Изучение вопросов повседневной жизни, с одной стороны, сужает их круг, поскольку каждый из указанных видов не может полностью осветить исследуемую проблему, а с другой – требует использования обширного круга источников в одной работе. Например, законодательные источники не всегда корректно отражают реалии жизни, поскольку одной из особенностей русского менталитета является главенство норм морали над законами и несколько пренебрежительное отношение к последним. Этот вид источников позволяет изучать только отношение власти к тем аспектам повседневности, которые она считала необходимыми-

ми контролировать и регламентировать. А исполнялись ли эти законы на местах – достаточно сложный вопрос. Решить его позволяют делопроизводственные документы, как правило, судебные разбирательства или полицейские бумаги. Этот вид источников также не может являться ключевым, поскольку в нем затрагиваются различные конфликтные ситуации, а рутинные события игнорируются. Для формирования представления об обыденной жизни можно использовать источники личного происхождения. Дневники и мемуары описывают жизнь одного отдельного человека и его окружения, кроме этого, мемуары, несут в себе отражение более поздних взглядов и часто полны неточностей. Еще одним важным источником по истории повседневности может стать художественная литература исследуемого периода, поскольку через описание быта, привычек, социальных отношений и нравов можно получить представление о жизни людей в определенную эпоху. Автор художественного произведения не может полностью выйти за пределы своей исторической эпохи: в своих произведениях он будет проецировать образ привычной ему повседневности или реконструировать ее. Художественная литература – это взгляд на выражение духа времени. Таким образом, для качественного исследования истории повседневности городов особенно важно использовать как можно более широкий комплекс исторических источников.

Структура – ключевой вопрос любого исследования. В связи с масштабностью объекта изучения структурирование повседневности является трудной задачей, и чем крупнее населенный пункт, который изучают, тем сложнее этот вопрос в связи с увеличением количества переменных. От исследователя требуется поиск ключевых, центральных, магистральных линий для изучения тех вех, которые повторяются в жизни каждого человека. Например, при изучении истории древних славян антропологи выделяют так называемый жизненный цикл и обряды, возникшие вокруг него, т.е. повседневные практики, которые окружают рождение, брак и смерть [6]. Для исследования повседневности городов такие структуры отсутствуют, поэтому большинство исследователей выделяют отдельные аспекты повседневной жизни и изучают их. Например, социальные группы, организации или различные аспекты жизни общества. И даже фундаментальные труды, посвященные повседневной жизни городов, исследуют лишь отдельные фрагменты жизни обывателей [7]. Поэтому актуальной проблемой становится поиск тех структур, вокруг которых может строиться комплексное исследование городской повседневности. В качестве ключевых точек могут выступать, например, гендерный аспект, поскольку повседневная жизнь женщин и мужчин значительно отличается, или экономический, рассматривая доходы и расходы городских обывателей. Однако в целом этот вопрос остается открытым.

Многообразие обывателей и непохожесть их повседневной жизни – еще одна важная проблема при изучении повседневности крупных населенных пунктов. В городах сосредоточены представители различных этнических, социальных и профессиональных групп, что приводит к значительному разнообразию в быту, привычках, ценностях и образе жизни. Кроме того, городская жизнь часто характеризуется большим экономическим расслоением. Люди с разным уровнем доходов ведут различный образ жизни: от бытовых условий и питания до досуга и отдыха. Это экономическое расслоение усложняет попытки создать единое представление о повседневности. Поэтому при создании научных работ на эту тему важно соблюдать баланс между обобщением и чрезмерным уходом в детали.

Таким образом, изучение повседневной жизни стало важным направлением исторической науки, однако оно сопровождается рядом трудностей. Субъективность восприятия обывателей, многообразие и динамичность повседневной жизни городских жителей требуют создания обобщенной модели повседневности, которая позволяет выделить типичные черты быта и мировоззрения горожан. Подобный подход вынуждает исследователей игнорировать уникальные аспекты жизни отдельных людей. Кроме того, источниковая база не всегда позволяет создать требуемую модель, поскольку многообразие социальных, конфессиональных и иных городских общностей затрудняет формирование единой картины повседневной жизни. Однако комплексный подход к ее изучению и использование обширного круга источников позволяют получить адекватное представление о повседневной жизни города в целом.

Список литературы

1. Веретенко В.А. Городская кухня как социальное пространство в дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX вв. // Былые годы. 2019. Т. 3. № 53. С. 1187–1200.
2. Синова И.В. Повседневная жизнь детей трудящегося населения Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1 (26). С. 206–211.
3. Демидович Д.М. Одежда петербургского обывателя второй половины XIX – начала XX веков как отражение городской повседневности // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 2. С. 217–225.
4. Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века): монография / Под ред. А.Б. Николаева. М.: Изд-во «У Никитских ворот», 2023. 256 с.
5. Сидорчук И.В. Досуг городского населения России в 1918–1935 гг.: монография / И.В. Сидорчук; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Гуманитарный институт, Высшая школа международных отношений. СПб.: Политех-Пресс, 2022. 608 с.

6. Лепешкина Л.Ю. Традиционные обряды и ритуалы жизненного цикла в повседневной культуре народов Среднего Поволжья: XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2011. 18 с.

7. Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: На шумных улицах градских. М.: Кучково поле; Икс-Хистори, 2012. 456 с.

Е.Г. Щемелева,
кандидат исторических наук,
доцент, СПбГЭУ

К вопросу о взаимодействии Российской Федерации со странами СНГ в сфере образования

Сотрудничество со странами – участницами СНГ является для России важнейшим внешне политическим приоритетом, способствует реализации государственных интересов на международной арене. Активное взаимодействие и поддержание взаимоотношений между союзными странами необходимы для развития потенциала всех государств Содружества. Российская Федерация способствует расширению сотрудничества со странами СНГ в политической, гуманитарной, культурной и научно-образовательной сферах, расширению экономических связей, наращивает взаимодействие в сфере безопасности. В образовательном пространстве Содружества одинаково ответственно Россией и странами СНГ понимаются задачи расширения доступности образования и повышения его качества, совершенствования методов воспитания и обучения. Постоянное внимание уделяется и разработке новых стандартов в образовании и просвещении молодого поколения.

Нормативно-правовая база межгосударственных отношений России и стран СНГ в области образования содержит модельные законы – рекомендательные законодательные акты, которые принимаются для стандартизации законодательства разных государств. Создание образцовых документов и использование их в национальных правовых законодательствах стран – участниц СНГ занимает важное место в деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Важным направлением деятельности МПА СНГ, в котором активно разрабатываются модельные законодательные акты, является создание условий для развития международного сотрудничества в сфере науки и образования. Постоянные комиссии МПА СНГ, про-

водя мониторинг принимаемых документов, сделали вывод о том, что разработка и согласование модельной законодательной базы помогают многоплановому международному сотрудничеству государств – участников СНГ [1].

Важным результатом деятельности МПА СНГ стало создание «Согласованного словаря терминов в области образования» как Приложения к постановлению МПА СНГ от 27 ноября 2020 г. № 51-20 [2]. Тем самым была сформирована основа для создания понятийного аппарата и стандартизации терминологии в данной сфере.

За последние годы деятельность комиссии МПА СНГ включала формулирование важных рекомендаций по просветительской работе, по нормативному регулированию, а также создание Модельного информационного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств в октябре 2022 г., в котором целью заявляется определение правового режима оборота информации, прав и обязанностей обладателей информации. Модельные законы, созданные и принятые Ассамблеей, носят рекомендательный характер и служат основой для национальных законов стран – участниц СНГ.

Основные цели сотрудничества Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств в образовательной сфере включают: укрепление двусторонних и многосторонних гуманитарных связей стран-участниц для упрочения политического значения отдельных стран и Содружества в целом; расширение сотрудничества со странами СНГ на всех уровнях образования, принимая во внимание национальные традиции; стремление к обеспечению прав человека в странах Содружества, а именно – права на качественное и доступное образование; выработку и нормативное закрепление общих стандартов образования, единых подходов к оценке результатов образования, внедрение единой базы для общего образовательного пространства; продуктивное использование возможностей базовых организаций государств – участников СНГ в области образования; внедрение в образовательную сферу стран СНГ инклюзивного подхода к образованию детей с особенностями развития.

Для расширения сотрудничества в сфере образования в 1997 г. главами правительств России, Беларуси, Казахстана, Армении, Таджикистана, Азербайджана, Кыргызстана, Молдовы было подписано «Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства СНГ» [3]. Благодаря этому документу стало возможно развитие динамичной интеграционной работы в сфере образования стран СНГ.

В рамках Соглашения работает Совет от Российской Федерации и от Республик: Беларуси, Казахстана, Армении, Таджикистана, Кыргызстана

по сотрудничеству в области образования. Среди важнейших принятых Советом документов: соглашение о признании дипломов высшего образования, соглашение о квалификации педагогических работников.

В рамках Содружества Независимых Государств 18 высших учебных заведений наделены статусом базовых организаций государств – участников СНГ по различным направлениям образовательной деятельности.

В частности, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), базовая организация по подготовке кадров в области гуманитарных и социально-экономических наук, вносит вклад в совершенствование и развитие учебно-научного потенциала университетов Содружества.

В СПбГУ реализуется комплекс мер, направленных на социально-культурную адаптацию и интеграцию обучающихся из числа иностранных граждан. Функционирует Клуб иностранных обучающихся. Члены Совета Клуба проводят заседания, встречи-консультации по языковой практике, а также организуют работу кураторов и консультативной службы помощи иностранным гражданам. Клубом организуются культурные вечера, концерты, выставки, на которых представляются культуры народов мира.

С 2006 г. по инициативе Клуба в Таврическом дворце – штаб-квартире Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ проводятся Конкурс и выставка студенческих фотографий «Петербург – в мире, мир – в Петербурге...», приуроченные к Международному дню толерантности. В ноябре 2023 г. состоялась XVIII фотовыставка, в которой творческие работы представили 108 обучающихся из 19 государств, в их числе Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан.

В дальнейших планах этой базовой организации – продолжение работы над созданием программы поддержки академической мобильности на пространстве СНГ, организация повышения квалификации для преподавателей вузов государств СНГ по широкому перечню гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Планируется разработка новых дополнительных образовательных программ для преподавателей вузов [4].

В 2008 г. российской стороной при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ (МФГС) в целях дальнейшего развития гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ был инициирован проект «Создание Сетевого университета СНГ». Основные задачи проекта – повышение качества и привлекательности высшего образования, укрепление сотрудничества и межвузовских связей в сфере высшего образования на территории государств – участников СНГ.

Организационной формой взаимодействия участников проекта является Консорциум вузов-участников по созданию СУ СНГ, который действует в соответствии с многосторонними и двусторонними межгосудар-

ственными соглашениями государств – участников СНГ, национальным законодательством государства местонахождения участника, Уставом и локальными нормами, применяемыми ими в процессе образовательной, административной и иной деятельности.

Основная цель создания Консорциума – учреждение СУ СНГ как системы межвузовского сотрудничества, направленной на решение следующих важных задач: развитие единого (общего) образовательного пространства вузов государств – участников Содружества Независимых Государств путем реализации совместных образовательных программ, организации «включенного обучения», новых форм межвузовского сотрудничества; создание механизмов для развития академической мобильности студентов и преподавателей в рамках Содружества Независимых Государств; содействие межкультурному диалогу в студенческой среде, сохранению, развитию и взаимообогащению культуры, языков, исторических и национальных традиций народов государств – участников Содружества Независимых Государств [5].

Важное значение имеет и проведение совместных научных исследований, в том числе с целью подготовки диссертаций, что, в свою очередь, определяет основные формы подготовки в сетевом университете СНГ: магистратура и послевузовское образование.

В рамках Содружества Независимых Государств значительное внимание уделяется реализации четвертой задачи Целей устойчивого развития (ЦУР), поставленной Организацией Объединенных Наций, в отношении детей и молодых людей с ограниченными возможностями. Инклюзивное образование для этой молодежной категории заслуживает особого внимания и реализуется во всех государствах – участниках Содружества. В частности, модельный закон «Об инклюзивном образовании», принятый МПА СНГ в 2016 г. создает нормативную базу для проведения Институтом управления образованием Российской академии образования культурно-образовательных форумов для особых детей – «СНГ – наша большая семья».

По инициативе российских ученых в 2012 г. была образована Евразийская Ассоциация оценки качества образования – ЕАОКО. Она создавалась как организационное объединение специалистов и организаций сферы оценки качества образования в РФ и в странах СНГ, с целью консолидации, расширения и продвижения экспертного потенциала России и стран СНГ в области оценки качества образования, а также распространения имеющегося опыта оценки качества образования на территории Евразии [6].

Являясь профессиональной платформой для объединения экспертного сообщества России и стран Содружества Независимых Государств, Ас-

социация ставит перед собой, в частности, такие задачи: проведение и участие в проведении различных видов экспертиз, экспертных, методологических и иных работ в сфере образования; проведение конференций, семинаров, форумов по ключевым проблемам развития оценки качества образования; подготовка проектов законодательных и иных инициатив в сфере образования.

Еще одной формой взаимодействия выступают съезды работников образования стран Содружества, проводимые в целях выработки единого подхода к решению стоящих перед ними задач. В 2018 году в Бишкеке V Съезд принял делегации России и Республик: Беларуси, Казахстана, Армении, Таджикистана, Кыргызстана, и Туркменистана, а также представителей ЮНЕСКО и Исполнительного комитета СНГ. Результатом встречи стало принятие решений о некоторых составляющих системы устойчивого развития образования для стран СНГ, в том числе: понимание педагогическими работниками целей и задач новых современных информационных технологий обучения и необходимости инклюзивного образовательного подхода.

Россия совместно со странами – участниками Содружества считает необходимым взаимодействие с другими государствами в сфере образования. В частности, Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), – базовая организация по языкам и культуре, – каждый год организует Международный форум «Диалог языков и культур СНГ и ШОС в XXI веке» [3]. Это мероприятие в форме заседаний, круглых столов, дискуссий в разные годы проходило в различных дружественных государствах СНГ. Так, XIII Международный форум «Диалог языков и культур СНГ и ШОС в XXI веке» проходил в Киргизской Республике в Бишкеке в ноябре 2017 г., XIV Международный форум – в ноябре 2018 г. в Ереванском государственном университете языков и социальных наук имени В. Я. Брюсова в столице Армении. XV Международный форум «Диалог языков и культур СНГ и ШОС в XXI веке», посвященный 30-летию Содружества независимых государств, был организован МГЛУ и Минским государственным лингвистическим университетом и проходил в Минске в Республике Беларусь в декабре 2021 г. под названием: «Лингвокультурные аспекты интернационализации». Форум отвечал целям формирования общего образовательного и гуманитарного пространства государств СНГ и ШОС, развитию сотрудничества и укреплению связей университетов Содружества Независимых Государств, поддержке и обеспечению лингвистической безопасности языков народов СНГ и ШОС, подготовке современных кадров и повышению квалификации педагогических работников лингвистического образования, а также привлечению студентов к укреплению межвузовского сотрудничества стран Содружества [7].

Таким образом, в образовательной сфере Российской Федерацией и странами СНГ уделяется постоянное внимание расширению доступности образования и повышению его качества, поддерживается внедрение единых стандартов образования, активно развивается общее образовательное пространство Содружества.

Список литературы

1. Щемелева Е.Г., Сотникова А.А. Модельное законотворчество Межпарламентской Ассамблеи стран-участниц СНГ // Сборник статей кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. С. 144–150.
2. Согласованный словарь терминов в области образования. Приложение к постановлению МПА СНГ № 51-20 от 27 ноября 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34338729&pos=3;-92#pos=3;-92 (Дата обращения: 05.09.2024).
3. О развитии сотрудничества по формированию общего образовательного пространства Содружества Независимых Государств / Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-cis.info/cooperation/3690/81470/?sphrase_id=50928 (Дата обращения: 03.09.2024).
4. Об итогах деятельности базовых организаций государств – участников СНГ в сфере образования в 2023 году / Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/3063/116057/?ysclid=m0xxo0nody242716244> (Дата обращения: 10.09.2024).
5. Сетевой университет Содружества Независимых Государств / Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/3063/78389/?ysclid=m0vajrs14r862372913> (Дата обращения: 05.09.2024).
6. ЕАОКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eaoko.org/ru/> (Дата обращения: 10.09.2024).
7. Диалог языков и культур [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kpfu.ru/fl/dialog-yazykov-i-kultur-414141.html> (Дата обращения: 03.09.2024).

Ю.М. Павленко,
ассистент, СПбГЭУ

О методах исследования повседневной жизни (на примере повседневности учителей Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1982–1990 гг.)

Изучение повседневной жизни представляет собой важную область социального анализа, предлагающую уникальный взгляд на привычные практики, взаимодействия и рутинные процессы, которые формируют наше существование [6, с. 4].

Методы исследования повседневной жизни помогают понять, как индивидуальные и коллективные практики влияют на формирование идентичности, социальных отношений и общественных структур [4, с. 88].

Существуют различные методы, которые исследователи используют для анализа повседневной жизни социальных групп, и каждый из них имеет свои особенности, преимущества и недостатки [2, с. 39]. В статье рассматриваются некоторые методы исследования, которые могут быть применены к изучению повседневной жизни учителей Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1982–1990 гг.

Поскольку тема изучения позволяет коммуницировать с современниками событий, одним из методов, который способствует сбору информации о мнениях и ощущениях учителей относительно их работы и жизни, является анкетирование [5, с. 48]. Анкетирование представляет собой систематизированный процесс сбора информации, основанный на использовании анкеты – документа, содержащего ряд вопросов, на которые респонденты должны ответить. Ключевой этап – разработка анкеты, поскольку именно от формулировки вопросов, формата ответов, понятности и логичности анкеты будет зависеть качество ответов респондентов. Данный метод имеет преимущества и недостатки. К преимуществам можно отнести экономичность, поскольку анкетирование позволяет собирать данные от большого числа респондентов; гибкость – возможность использования как закрытых, так и открытых вопросов [1, с. 21]. К недостаткам относятся ограниченность формата (закрытые вопросы могут не учитывать все возможные ответы респондента); зависимость от ответов (респонденты могут не всегда давать искренние или точные ответы, что может повлиять на достоверность данных); невозможность контекстуализации (анкетирование не позволяет исследователю задать дополнительные вопросы и углубиться в ответы респондентов). При правильной разработке и проведении анкетирования этот метод может обеспечить ценную информацию, которая способствует глубокому изучению тематики исследования [1, с. 23].

Метод интервьюирования является одним из основных инструментов сбора данных у учителей, работавших в школах Ленинграда/Санкт-Петербурга в рассматриваемый период. Интервьюирование представляет собой процесс сбора информации в форме диалога между интервьюером и респондентом, целью которого является получение развернутых ответов на заранее подготовленные или же спонтанные вопросы [7, с. 20]. Для применения данного метода с учителем можно использовать структурированные и полуструктурированные виды интервью.

Структурированное интервью подразумевает наличие заранее подготовленного списка вопросов, которые задаются в фиксированном порядке

[7, с. 22]. Этот формат обеспечивает высокую степень стандартизации и облегчает последующий анализ данных. Кроме того, при изучении определенной социальной группы позволит проанализировать динамику изменений исходя из субъективных факторов (например, различия досуга у учителей гуманитарных и естественных предметов).

Полуструктурированное интервью сочетает элементы структурированного и неструктурированного методов. Интервьюер имеет заранее подготовленный список вопросов, но может адаптировать их в зависимости от хода беседы, задавая дополнительные вопросы для уточнения [7, с. 22]. К примеру, тем учителям, которые имели семьи, можно задать вопрос о разделении домашних обязанностей, помощи со стороны родственников или родителей и т.д.

Одним из преимуществ метода интервьюирования является глубина данных [7, с. 26]. Интервью обеспечивает возможность получения развернутых и глубоких ответов, что позволяет лучше понять психологию повседневности учителей. Кроме того, личностный подход предоставляет возможность установить доверительные отношения с респондентом, что может способствовать более откровенным и честным ответам.

К недостаткам метода относится субъективность. Ответы респондентов зависят от их личной предвзятости, к примеру, ко временным рамкам изучаемого периода или личных качеств. Проведение интервью требует значительных временных ресурсов как со стороны исследователя, так и со стороны респондента. Сложностью является и анализ полученных данных: необходимость обрабатывать большие объемы качественных данных может усложнить интерпретацию полученных ответов [7, с. 29].

Несмотря на недостатки метода, при правильном использовании, соблюдении норм интервьюирования позволяет собирать данные, которые трудно получить другими методами.

Изучая повседневную жизнь учителей Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1982–1990-е гг., необходимо обратить внимание на такой источник, как материалы периодических изданий. Не только специализированная педагогическая пресса, но и различные региональные издания как источник отражали состояние образования, а также проблемы, с которыми сталкивались учителя: обеспечение жилищем, бытовое обслуживание, досуг и т.д. При изучении данного вида источника необходимо использовать контент-анализ [10, с. 13].

Контент-анализ является эффективным методом, который позволяет изучать содержание текстов, изображений и других медийных материалов с целью выявления повторяющихся тем, паттернов, общественного мнения [10, с. 13]. Единицей анализа повседневной жизни может быть не только отдельный текст (статья, колонка), но и более мелкие элементы –

предложения, абзацы, визуальные элементы. Важно определить, какая единица анализа будет наиболее информативной для достижения поставленных целей.

При определении методов исследования повседневной жизни учителей необходимо учитывать, какие могут быть использованы источники [8, с. 10]. Рассматривая объектом изучения повседневность, исследователей интересуют источники личного происхождения – частная переписка, дневники, мемуары и т.д. Такие источники позволяют лучше понять личность человека, отличия его повседневности от других и пр. При исследовании повседневности посредством источников личного происхождения необходимо учитывать, что данные источники субъективны, зависят от памяти человека, собственного мнения на то или иное событие, жизненного опыта и прочих обстоятельств и требуют критического анализа.

Историко-аналитический метод призван предоставлять систематизированный анализ исторического материала с целью выявления причинно-следственных связей, изменений и тенденций в различных аспектах жизни общества [9, с. 129]. В контексте изучения повседневной жизни учителей этот метод позволяет исследовать изменения в их социальной роли, профессиональных обязанностях, коммунальных и бытовых условиях и др.

Основными характеристиками метода являются: исторический контекст, в котором исследование повседневности учителей на фоне исторических событий (например, изменение в образовательной политике 1990-х гг. или распад Советского Союза); многоуровневый анализ, который включает изучение индивидуальных биографий, социокультурных условий работы педагогов и др.; документальный подход, основанный на анализе архивных данных, мемуаров, публикаций и других исторических источников [5, с. 56].

Доступные архивные материалы, такие как делопроизводственные документы, документы органов управления и другие позволяют реконструировать обстановку, в которой работали педагоги, а также их профессиональные и личные вызовы [5, с. 58]. Используя историко-аналитический метод, исследователи могут проводить сравнительный анализ разных периодов или регионов, чтобы выявлять черты, общие для учителей Ленинграда/Санкт-Петербурга из разных районов.

Одной из возможностей метода является глубокое понимание контекста – позволяет проанализировать, как общие исторические процессы отражались на повседневной жизни учителей. Многообразие источников дает возможность использовать широкий спектр, что делает результаты более фундаментальными [3, с. 48; 5, с. 60]. Историческая перспектива

помогает видеть изменения в жизни учителей во времени, понимая динамику их жизни. Успешное использование данного метода способствует глубокому осмыслению значения профессии «учитель» на их повседневную жизнь.

Изучение повседневной жизни учителей Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1982–1990-е гг. представляет собой важное направление, так как педагоги играли и играют ключевую роль в формировании образования и культуры города. Исследование требует комплексного подхода, который объединяет все вышеизложенные методы. Каждое направление имеет свои сильные и слабые стороны, и выбор метода должен основываться на поставленных целях исследования. Применение разнообразных методов, в том числе комплексно, позволяет изучить тему глубинно, обращая внимание на все аспекты повседневной жизни.

Список литературы

1. Банникова Е.В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневной жизни // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7, Ч. 2. С. 21–24.
2. Золотухина-Аболина Е.В. Повседневность: философские загадки. Киев: Ника-Центр, 2006. 256 с.
3. Козлова Н.Н. Социология повседневности: перестройка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 48–56.
4. Мясникова Л.А., Дроздова А.В. Теоретико-методологические подходы к изучению повседневности в современном культурологическом знании // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3 (141). С. 86–95.
5. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
6. Пушкарёва Н.Л. Предмет и метод изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
7. Савченко Л.А. Повседневность: методология исследования, современная социальная реальность и практика (социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2001. 320 с.
8. Семенов Н.Б. Повседневность как элемент социальной реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. –24 с.
9. Смирнов А.В. Исследования повседневности в контексте науки о культуре: проблемы метода и методологические перспективы // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 4. С. 129–135.
10. Смирнов А.В. Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты.: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2013. 41 с.

М.В. Кузенкова,
кандидат исторических наук,
доцент, СПбГЭУ
А.В. Бондаревский
кандидат исторических наук,
доцент, СПбГУ

Причины поддержки Специальной военной операции населением Российской Федерации

Впечатляющие результаты президентских выборов в марте 2024 г. (87,28%) наглядно продемонстрировали, что большинство населения поддержало В.В. Путина – политика, который в современной обстановке ассоциируется прежде всего со Специальной военной операцией на Украине и противостоянием «коллективному Западу»[1].

Каковы же причины достаточно массовой поддержки населением боевых действий против союзной и братской еще 30 лет назад Украины?

Прежде всего это связано с главной целью СВО – денацификация киевского режима, захватившего власть в ходе майданного госпереворота 2014 г. Однако западные и украинские СМИ, а под их воздействием и часть наших блогеров и молодежи, отрицают наличие полуфашистского режима на Украине.

Безусловно, просто наличие в любой стране озабоченных националистов и скинхедов – не аргумент обвинять эту страну в фашизме. Но сама за себя говорит направленность государственной политики. Если киевская власть разжигает русофобию, запрещает русский язык в русскоговорящих регионах, отказывает в правах федерализации, сносит памятники героям Великой Отечественной войны и назначает новых героев из числа предателей и бандеровцев, запрещая при этом марши ветеранов Победы и «Бессмертного полка», заменяя их ночными факельными шествиями с фашистской символикой и парадами ветеранов УНА и полицаев – это уже аргумент. Это обыкновенный фашизм на русофобской почве.

Президент Украины В.А. Зеленский отменил празднование Дня Победы 9 мая, отрекся от наших общих святынь. Празднует 8 мая День примирения с Европой, в том числе и с теми, против кого мы вместе тогда воевали. Такое предательское отношение к общей трагической и героической истории и подвигу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. объясняет неприятие, особенно старшим поколением, действующего киевского режима. Помня и почитая жертвы и героев той войны, большинство россиян признало необходимость вести борьбу с неонацизмом, поддержало решение В.В. Путина.

Прозападные СМИ начинают отсчет противостояния РФ и Украины с 24 февраля 2022г. и обвиняют Российскую Федерацию в том, что она положила начало этому конфликту. При этом обходят молчанием госпереворот 2014 г. и начавшийся геноцид против русскоязычного населения Донбасса, не признавшего самопровозглашенную незаконную власть.

Причины этой размолвки уходят в прошлое. В определенной степени вина за события 2014 г. – присоединение Крыма к России и образование ДНР и ЛНР лежит на решении Н.С. Хрущева о передаче в 1954 г. Крыма Украине. Одним из обоснований передачи Крыма Украине в 1954 г. были большие разрушения этих близких территорий в годы Великой Отечественной войны и целесообразность их совместного восстановления. Также имела значение большая роль Украины в общей победе в Великой Отечественной войне. Н.С. Хрущев хотел вознаградить республику за ее вклад в Победу. Но в настоящее время Украина сама отказалась от той героической истории. Президент В.А. Зеленский 12 июня в 2023г. подписал законопроект, одобренный украинской Радой, о праздновании 8 мая с Европой Дня памяти и примирения [2]. Подпилил сук, на котором Украина сидела в Крыму. Кампания по «корректировке» исторической памяти только усилила раскол между гражданами Украины. Дата, призванная объединять потомков победителей, разделила украинское общество по идеологическому, поколенческому, региональному признакам [3].

Против политики властей выступила значительная часть населения Крыма и Донбасса, что повлияло на итоги референдума по статусу Крыма, проведенного в марте 2014 г. За воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77% жителей полуострова [4]. Но президент В.А. Зеленский все еще грезит и грозит вернуть его в состав Украины [5]. Поэтому СВО проводится не только за Донбасс, но и за Крым, который только не желающие знать историю люди не считают нашим.

Однако стоит отметить, что решение о передаче Крыма УССР в 1954 г. являлось не только неправомочным, но и малозначимым в СССР, и уж тем более не имело международной силы. Оно было проявлением осужденного вскоре «волюнтаризма». Главная же ответственность за нынешний конфликт и кризис лежит на Б.Н. Ельцине, который в момент роспуска СССР так торопился победить М. С. Горбачева, что готов был раздать всем столько суверенитета, «сколько проглотят». Он не выставил условие возврата Крыма при признании независимости Украины, хотя украинский президент был готов к такому исходу. Более того, он отдал и русский город Севастополь, который даже Н.С. Хрущев оставил общесоюзным. С того предательства нынешний кризис и проистекает. И это понимает наш народ.

Когда в 1991 г. рухнул СССР, бывшие республики в одночасье стали самостоятельными независимыми государствами, власти большинства из

них сразу взяли подчеркнуто националистический и русофобский курс. Об этом пишет А.И. Солженицын: «Распад СССР... отхватывал от России целые русские области. В несколько дней мы потеряли 25 миллионов этнических русских, 18% от общего числа русских ... В горячке августовской (1991 г.) “победы” все это было упущено» [6]. Зачастую даже этнические украинцы недостаточно хорошо знают или не пользуются родным языком.

В такой ситуации оказались и жители Крыма, и жители Донбасса, хотя они с нами одной крови, языка, веры. Трагедия началась в 2014 г. с госпереворота в Киеве. Жители Донбасса отказались признавать незаконный режим, который развязал геноцид против русскоязычного населения Новороссии. В течение восьми лет украинской армией и нацистскими батальонами «правого сектора» обстреливались и убивались мирные граждане, в том числе с российскими паспортами. За последние девять лет с 2014 г. около 5 тыс. жителей Донбасса стали жертвами преступлений украинских силовиков, еще почти 9 тыс. были ранены. Об этом 20 февраля 2023 г. в интервью ТАСС сообщил председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин [7]. Эти факты руководство Украины пытается вычеркнуть и забыть.

Беспринципна была позиция Украины по территориальному вопросу: она осудила эпоху СССР, вышла из состава этого «плохого» государства, но хочет себе оставить все то, что от него получила и от В.И. Ленина, и от И.В. Сталина, и от Н.С. Хрущева. При этом неблагодарно осуждает СССР и сносит тысячи советских памятников, переименовывает улицы, отказывается от всего советского и даже русского. Это как если бы в 1949 г. отделившаяся от Германии социалистическая ГДР, осудив фашизм, потребовала бы оставить ей аншлюзированной А. Гитлером Австрию. В этой связи объясним тезис среди сторонников СВО о том, что с чем Украина вошла в СССР, с тем и может выйти, а не присваивать чужие дары.

После выхода из СССР Украина, одна из процветавших республик, стала утрачивать свой экономический потенциал из-за неэффективной приватизации, коррупции, бесхозяйственности. И главным способом удержания власти стало навязывание «пещерного» национализма и русофобии, воспитание молодого поколения в антироссийском духе. Началось мифотворчество о вымышленных «украхах», от которых пошли якобы все языки и цивилизации; извращение нашей общей истории, унижения и оскорбления всего русского, пропаганда откровенной русофобии типа «москаляку на гиляку» и тому подобные выпады. А мы все называли украинский народ братским и историю общей. В конце концов, количество оскорблений переросло в качественно иное отношение населения РФ к Украине, так как была задета честь нации. Последовала ответная реакция – наказать за оскорбления.

«Донбасс – Россия»: именно этот лозунг в 2014 г. стал идеологическим фундаментом и точкой отсчета для так называемой «русской весны» на Востоке Украины. В 2014 г. Россия не решилась открыто выступить в их защиту, за что многие патриоты даже упрекают В.В. Путина.

А ситуация все ухудшалась. Еще в 2008 г. постмайданные ставленники Запада в Украине торопились вступить в НАТО, подали заявку, разместили на своей территории секретные базы, биолaborатории, проводили совместные учения, готовили отдать Крым под военно-морскую базу США. Это было недопустимо для Российской Федерации.

Россию обвиняют в нарушении международного права. Но именно с пониманием того, что под решительными действиями Российской Федерации есть юридическая основа, также связана поддержка СВО: в Декларации о государственном суверенитете Украины, принятой Верховным Советом республики 16 июля 1990 г., которую признала Россия, подчеркивалось стремление нового государства отказаться от ядерного оружия и провозглашалось намерение приобрести статус нейтрального и внеблокового государства [8]. Поскольку Украина в 2008 г. подала заявку о вступлении в НАТО [9], она нарушила условия признания своей независимости. Россия имеет право не признавать ни Декларации, ни независимости.

Нас также обвиняют в нарушении Будапештского договора 1994 г., который гарантировал территориальную целостность Украины взамен на ее отказ от советского ядерного оружия. Но в случае вступления Украины в НАТО оно у нее неизбежно появилось бы. Ядерные замыслы Запада, тем более что В.А. Зеленский стал его просить у своих покровителей, видимо, подтолкнуло В.В. Путина к скорейшему принятию решения о начале СВО. Желание граждан РФ не допустить размещение натовских ракет у самых границ России выразилось в их поддержке СВО. Надо добавить, что СССР не размещал ядерное оружие в странах Варшавского договора, а ныне США размещает его во многих странах НАТО, даже в объединившейся Германии, нарушая все прежние обещания и договоренности. Так от кого угроза миру?

Угроза передачи Крыма НАТО – экзистенциальная угроза. В таких условиях дипломатия молчит, слово предоставляется пушкам, любые международные договора утрачивают силу. Поэтому бессмысленно выяснять, какие статьи каких договоров Россия теоретически могла нарушить. Как сформулировал В.В. Путин: «Нам не нужен мир, в котором не будет России». Тут не поспоришь.

Стоит отметить, что после нашего тотального разоружения при М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине Запад перестал признавать геополитические интересы Российской Федерации, российские исторические зоны влияния, объявил всю планету зоной исключительно своих интересов. На

сессии ООН в 2014 г. Б. Обама объявил американский народ «исключительным». Верховный дипломат Евросоюза Ж. Боррель в октябре 2022 г. заявил, что Европа – это сад привилегированных людей, а вокруг дикие джунгли, которые надо оцивилизовывать [10]. Такое высокомерие и полуколониальное отношение к нашей стране, которая единственная в мире никогда не была их колонией и смогла вырваться из пут глобализации на Евразийский простор, постепенно вызывало у россиян ответную негативную реакцию, психологический протест. Прозападные надежды и настроения постепенно улечивались.

Первый звоночек Западу прозвучал в 2007 г. в Мюнхенской речи В.В. Путина, дополнился в его выступлениях в ООН в 2015 г., на Валдайском форуме в июне 2019 и др. В 2014 г. Российская Федерация осмелилась обеспечить референдум в Крыму, в 2022 г. уже открыто выступить в защиту «русского мира». Таким образом, общественное мнение россиян в поддержку СВО не случайно возникло, а складывалось постепенно, вместе с активными действиями Президента на международной арене и разочарованием в западных партнерах.

«Принцип беспринципности» стал главной европейской ценностью, мы в полной мере столкнулись с их «двойными стандартами». Например, создание Косово в Югославии они оправдывали вымышленным «особым случаем», но за Крымом и Донбассом такого права не признают. Референдумы на подконтрольных им территориях признают, а в сфере влияния РФ – нет, только обвинения в «путинской диктатуре». Для россиян психологически неприемлемо такое уничижительное отношение. Русофобия, а также более десяти пакетов санкций Евросоюза, привели к обратному результату. Вместо антипутинских, укрепились антизападные настроения, порой с перехлестом.

Запад навязал миру «двойную мораль» и «двойные подходы», но Россия – не простая, не среднестатистическая страна. Она сохранила свой пассионарный запал. Как говорил министр иностранных дел Российской империи А.И. Горчаков: «Нет, Россия не сердится, Россия сосредотачивается» [11].

Ярким примером предвзятости Запада является разница в его отношении к событиям в Чечне и на Украине. Российскую Федерацию за войну в Чечне осудили, помогали «повстанцам», сепаратизм обосновали «правом на самоопределение». За Донбассом и Крымом такого права не признали под предлогом другой своей «ценности» – «сохранение территориальной целостности государства». И снова обвинили Россию. Пример из самых последних событий – за бомбежки Израилем в октябре 2023 – мае 2024 г. палестинского сектора Газа, где уже погибло 30 тысяч, из них половина детей [12] – никаких санкций, миллиарды долларов помощи от США. Россияне не готовы мириться с подобными двойными стандартами.

Именно неуважительное отношение Запада к России является причиной того, что психологически население было готово исправить допущенные ранее ошибки и провалы прежней власти. История в 2014 г. создала «особый случай» исправить историческую несправедливость в принятии решений во времена правления Н.С. Хрущева и Б.Н. Ельцина. Именно в 2014 г. история предоставила России такой шанс – проведением мирного референдума воссоединиться с Крымом и вступить за свои прежние русскоязычные регионы, в которых жители тоже проголосовали за возвращение в «русский мир».

Необходимо добавить, что воссоединение Крыма было не только мирным, но и законным, так как легитимной власти после майдана и госпереворота в Киеве не было, импичмента прежнего законного президента В.Ф. Януковича не проведено, все наши обязательства перед прежними законными правительствами Украины фактически утратили силу. Россия не имела никаких обязательств по отношению к новой самозванной неоформленной власти.

Россия, как и все крупные государства, по ходу истории расширяла свои территории, в том числе с трудом одолела вечно угрожавшее Российской империи Крымское ханство (Иван Грозный и Петр I не смогли, только Екатерина II). Тогда все решалось силой, и русские солдаты оказались лучшими, расширили и отстояли зону своего влияния. Этим гордиться, а не стыдиться надо. Крым и Новороссия обеспечили развитие и обороноспособность России. Население этих территорий в основном русское, даже спустя 35 лет после распада СССР. История цинична, исправить несправедливость тех веков невозможно, ведь тогда надо выселить всех бледнолицых из Америки, англосаксов из кельтской Британии, турок из европейской части (Византии), венгров переселить к Уралу, на родину, а норманнов выселить из Франции. Список бесконечный. Но есть «срок давности» этим захватам – Хельсинский акт 1975 г. о европейских границах, который позволил считать современный мир «цивилизованным».

После 1975 г. не мы первыми нарушили эти соглашения. Но именно нас в связи с воссоединением Крыма в 2014 г. обвинили в первом нарушении послевоенных соглашений, первом вооруженном захвате чужой территории. Но первыми нарушили статус-кво и послевоенные границы сами западные страны: без референдума в 1990 г. объединили Германию; подталкивали распад СССР; разбомбили в 1999 г. Югославию и создали прецедент – новое псевдогосударство Косово; разрушили в 2011 г. входившие в ООН государства Ирак, Ливию; вводили свои войска в более чем 30 стран, строили новые военные базы. А нас фарисейски обвиняют в том, в чем сами больше всех виноваты. Эти «двойные стандарты», бесконечные обвинения и бесчисленные угрозы, санкции сформировали законо-

мерный внутренний протест у большинства россиян и психологическую поддержку антизападного внешнеполитического курса Президента.

История действительно дает шанс исправить ошибки или поражения – в результате войн, революций, безвластия, слияний и распадов, силой, дипломатией. Сейчас, в 2024 г., Азербайджан получил такой шанс вернуть Карабах военным способом. Но, в отличие от нас, ему позволили это осуществить без санкций и угроз – снова двойные стандарты.

Россия до последнего момента принятия решения о начале СВО пыталась предотвратить эскалацию конфликта на Украине, исключив возможность ее вступления в НАТО. Министерством иностранных дел РФ 17 декабря 2021 г. были опубликованы проекты соглашений РФ с США и НАТО о гарантиях безопасности. Они содержали конкретные предложения по улучшению взаимоотношений [13]. В ответ РФ получила заявление НАТО, что никто не имеет право диктовать любой стране, желающей вступить в НАТО, может она это сделать или нет. Мы в ответ 2 декабря 2021 г. привели положения международного права, которые гласят о том, что каждое государство вправе выбирать способы обеспечения своих законных интересов в области безопасности [14].

Наши предложения были фактически обращением к народам мира и, по сути, ультиматумом Западу: в случае отказа нельзя было не предпринять ответных мер, чтобы не потерять лицо. Тем, что в декабре 2021 г. страны НАТО отвергли наш ультиматум не приближаться к нашим границам, не просто проигнорировав наши интересы, наши предложения, а, напротив, усилили в оснащение Украины, они фактически не оставили нам выбора. Нельзя игнорировать одно из самых больших государств в мире, его народ с героической победоносной историей, самый приспособленный к любым невзгодам, а уж тем более санкциям.

Провал попытки урегулирования украинского конфликта дипломатическими путями вынудил РФ укреплять свою армию. К 2022 г. страна накопила силы, новое оружие, решительность. Любому гражданину нашей страны понятно, что все сильные страны защищают своих соотечественников и сограждан. Напомним, что США в 1917 г. вступили в Первую мировую войну после гибели от немецкой подлодки двухсот американских туристов на круизном лайнере «Лузитания», любовавшихся с борта корабля войной в Европе. А на Донбассе, у себя дома, гибли тысячи мирных жителей – это достаточное оправдание и обоснование поддержки жителями страны СВО.

У Российской Федерации есть право на безопасность. Российский народ поддержал СВО, понимая, что она стала отчаянной попыткой самосохранения и самоуважения в сложившейся ситуации. Подавляющее большинство граждан хочет победы и критикует власти не за расширение

военных действий, а за недостаточные успехи. Это и есть кредит доверия для решительных наступлений и принуждения к миру на наших условиях.

Среди психологических аспектов оправдания СВО немаловажную роль играет то, что Украина и сама первой стала вмешиваться во внутривососсийские дела. Так, украинские добровольцы, снайперы воевали в 1990-х гг. в Чечне на стороне боевиков. Но еще большее возмущение россиян вызвало организованное правительством Украины участие ее вооруженных сил (в том числе комплексов ПВО с расчетами, сбившими несколько наших самолетов) против России во время грузинской провокации и войны в 2008 г. Это уже невозможно списать на «добровольцев». Также они воевали против РФ в Сирии в 2015–2017 гг.

Поэтому многие граждане требуют гораздо более решительных и успешных действий, критикуют медленные результаты, требуют навести порядок в тылу, в стране в целом, а не только на фронте. Звучит мнение, что в апреле 2022 г. надо было Киев брать, а не в Турции перемирие обговаривать. Тем более что и киевское руководство постоянно обманывает наших переговорщиков, отказывается от взятых обязательств и договоренностей. В таких условиях обмана многие россияне психологически настроены на мир только путем военной победы в СВО, а не переговоров.

Признавая массовую поддержку СВО, тем не менее, надо отметить феномен: ее активнее поддерживает среднее и старшее поколение, хотя оно воспитывалось в СССР под лозунгом «лишь бы не было войны». А вот определенная часть молодежи, хотя и росла в условиях постоянных войн в мире, порой сомневается в СВО, а то и бежит из страны. Среди разнообразных причин этого – многолетнее навязывание западных жизненных представлений, потребительских ценностей, влияние интернет-ресурсов, предвзятое отношение к официальной пропаганде, ошибки реформы образования, в том числе забвение его воспитательных и идейных функций.

Особенно велики провалы в историческом образовании, многолетняя критика всего советского и российского сформировала у молодежи ощущение отсталости страны, чувство стыда и вины за ее прошлое. В Интернете порой идет глумление над историей [15]. Только сейчас началось восстановление исторического образования в вузах, сокращенное ранее в 5 раз.

Военная ситуация дает власти шанс навести необходимый порядок и уровень справедливости в стране, устранить те ошибки и правонарушения, которые были допущены в период полукриминальной приватизации и растаскивания советского народного потенциала и природных ресурсов. Такой процесс начался. Достижение подобных целей было бы главной победой СВО. Чтобы противопоставлять себя как самостоятельную цивили-

зацию, быть реально независимой державой, а эти цели поддерживает большинство граждан страны, надо и внутри реализовывать преимущества наших цивилизационных государственных механизмов развития. Надо обеспечить ощущение справедливости происходящего внутри страны, тогда и за справедливость на мировой арене против двойных стандартов будет моральное право бороться, затягивая пояса.

Русский народ доброжелателен и терпелив, но не настолько, чтобы терпеть бесконечные оскорбления и унижения. Россия слишком большая страна и этим уже обречена на активное участие в геополитике. Но Россия чтит человеческую мораль. На нынешней международной арене она руководствуется постулатом о недопустимости ядерной войны.

Особенности современной внешней политики РФ состоят в том, что она бросила вызов глобалистскому, неоколониальному «коллективному Западу», разрушающему традиционные основы и мораль человеческого общества, навязывающему всем свою «культуру отмены», неонормы, «новую нормальность», двойную мораль. Россия становится одним из лидеров остального мира, большинства населения, объединяя страны в БРИКС, ШОС и других взаимовыгодных содружествах.

Список литературы

1. Путин набрал 87,28% голосов на выборах президента по итогам обработки 100% протоколов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/20272501> (Дата обращения: 24.05.2024).
2. Зеленский подписал закон о переносе Дня Победы на 8 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17988913> (Дата обращения: 24.05.2024)
3. Литвинов С.С. Две даты – одна Победа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blogs.korrespondent.net/blog/events/4355796> (Дата обращения: 12.07.2021).
4. История воссоединения Крыма с Россией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/info/17304219> (Дата обращения: 20.05.2024).
5. Данилова Е.А., Суляк С.Г. Праздник со слезами на глазах: об отношении ко Дню Победы на Украине // Русин. 2021. № 65. С. 306.
6. Солженицын А.И. Без цензуры. «Русский вопрос» к концу XX века. М., Голос, 1995. С.112
7. Бастрыкин назвал число убитых и раненых жителей Донбасса с 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshествiya/17090653> (Дата обращения: 20.05.2023).
8. Усова Л.С. Внешняя политика Украины: между внеблоковостью и Евроатлантической интеграцией // Власть. 2011. № 7. С. 156.
9. Украина подала заявку на вступление в НАТО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2008/01/22/mid-ukraina-nato-anons.html?ysclid=m0quhspvgo58251808> (Дата обращения: 20.05.2024).

10. Боррель сравнил окружающий Европу мир с джунглями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/turbo/ria.ru/s/20221013/evropa-1823673165.html> 1 (Дата обращения: 20.05.2024).
11. Кессельбрэннер Г.Л. Известные дипломаты России. Министры иностранных дел Российской империи. М.: Московские учебники и картолитография, 2002. С. 416.
12. Рябков: РФ рассчитывает опубликовать список стран – партнеров БРИКС в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/19969721> (Дата обращения: 30.08.2024).
13. Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора. Интернет-ресурсы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mid.ru> (Дата обращения: 07.02.2024);
14. «Кошмарный сценарий военного противостояния». Лавров и Блинкен обменялись угрозами из-за Украины на переговорах в Стокгольме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-59508791> (Дата обращения 27 февраля 2023).
15. Кузенкова М.В., Щемелева Е.Г. Вузовский курс «Истории» в системе современного российского образования: проблемные аспекты // КЛИО.2024. № 2 (206). С. 239.

*К.Д. Сулейманова,
преподаватель ВХУТЕИН*

Политическая ситуация в Петрограде накануне апрельского кризиса

Одним из важнейших вопросов, который в 1917 г. перешел по наследству от правительства царского к правительству Временному стал вопрос о войне. П.Н. Милюков в своих воспоминаниях писал о том, что Временное правительство во всех областях жизни получило тяжелое наследство от низложенного режима. Министр иностранных дел понимал, что на первый план выходит вопрос войны и мира, что старое правительство было свергнуто ввиду его неспособности довести войну «до победного конца». По его мнению, именно эта неспособность обеспечила содействие вождей армии при совершении переворота членами Государственной думы [8, с. 638–639].

Вопрос о войне и мире становится центральным для нового правительства, но вместо системной работы по решению существующей проблемы, мы обнаруживаем противостояние между Временным правительством и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов по вопросу о характере войны.

Одно из первых упоминаний о войне, о долге перед союзниками после образования Временного правительства принадлежит П.Н. Милюкову. Министр иностранных дел во время встречи с представителями петроградской и московской печати заявил, что страна должна оправдать и укрепить доверие союзников и продолжать войну до тех пор, пока торжество права и справедливости не будет обеспечено [3, с. 14–15]. 11 марта 1917 г. состоялась встреча Павла Николаевича с представителями французской печати. Министр иностранных дел заявил им, что перемена правительства не изменила стремлений России в отношении войны. Она все еще желает овладеть Константинополем, который, по мнению Милюкова, необходим для экономической свободы. Павел Николаевич также утверждал, что освобожденная Россия стремится к освобождению народов, бывших жертвами немецкого империализма. Завершил свою речь министр иностранных дел рассуждением о том, что эти цели войны предполагают полную победу, ибо без нее они неосуществимы [3, с. 15].

В это же время министр юстиции Временного правительства и товарищ председателя Совета рабочих депутатов А.Ф. Керенский имел свои представления о характере войны. В телеграмме к французскому социалисту Жюлю Геду Александр Федорович пишет о том, что солидарен с усилиями республиканской демократической Франции защитить родную землю, в единодушной решимости довести войну до победного конца, достойного демократии [3, с. 17]. Стоит отметить, что война «до победного конца» Керенского и Милюкова – это не одно и то же понятие. Для Александра Федоровича – это возможность победить реакционный и насильнический империализм и принести с собой мир, необходимый для развития человеческой личности [3, с. 17].

В соответствующем духе написан и текст обращения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира» от 14 марта 1917 г. [14, с. 323–324]. Этот манифест открыл серию документов, посвященных определению задач Первой мировой войны для России и стал фоном для развития событий Апрельского политического кризиса 1917 г.

В обращении Петросовета продублированы идеи, содержащиеся в телеграмме Керенского к Жюлю Геду, а также добавлено призывание к пролетариям австро-венгерской коалиции и, прежде всего, к германскому пролетариату, сбросить с себя иго самодержавного порядка и приложить усилия к прекращению войны, позорящей человечество [14, с. 324]. Смысл принципов, нашедших отражение в декларации, точно сформулировал председатель Петросовета Н.С. Чхеидзе – Россия готова заключить мир, но не с Вильгельмом, – другом Николая – а с германским народом, если он станет похожим на русский [14, с. 328].

Очевидно, что манифест Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов не мог обрадовать правительства союзных стран, которые через свои посольства в Петрограде стремились удержать Россию в войне. Жорж Морис Палеолог – французский посол в Петрограде с 1914 по 1917 г. – не в восторге от манифеста Совета с их обращением к «народам всего мира». Французский дипломат отметил, что новый манифест – «это бесконечное извержение напыщенных слов, длинный мессианский дифирамб» [13, с. 787].

Официальным ответом Временного правительства на воззвание стала декларация о целях войны от 27 марта 1917 года. [11, с. 1], но в период с 14 по 27 марта А.Ф. Керенский и П.Н. Миллюков успели дать интервью по тому же вопросу, которому посвящен документ. Павел Николаевич вспоминал, что противостояние началось с того, что Керенский напечатал интервью о целях русской внешней политики [8, с. 643]. В ответ на это интервью 23 марта в печатном органе к Конституционно-демократической партии «Речь» министр иностранных дел опубликовал собственное сообщение [8, с. 643].

Александр Федорович Керенский не оставил этот поступок П.Н. Миллюкова без внимания. Он вспоминал, что 24 марта 1917 г. должно было состояться заседание Контактной комиссии для обсуждения вопроса о целях войны. Его возмутил тот факт, что Павел Николаевич за день до заседания пообщался с журналистами и изложил свои взгляды по этому поводу. Александр Федорович вспоминал, что на следующий день по его указанию в газетах было опубликовано заявление о том, что в интервью нашли отражение взгляды Миллюкова, а не Временного правительства [5, с. 170–171].

На заседании Контактной комиссии обсуждалась декларация о задачах войны [7, с. 74–75], которая была опубликована 28 марта 1917 г. и стала первым официальным заявлением Временного правительства относительно вопроса о войне. Документ составлен в нарочито туманных формулировках. В нем, с одной стороны, мы не находим решения вопроса о войне и той самой «правды», которой с народом хочет поделиться правительство, с другой стороны, мы не видим отказа Временного правительства от аннексий и контрибуций. Миллюков в воспоминаниях прямо писал о том, что не хотел вставлять в текст декларации циммервальдскую формулу «без аннексий и контрибуций» и заменил ее описательными выражениями, не исключаящими его понимания задач внешней политики [8, с. 644]. Этот же описательный характер документа замечают и другие современники событий. Например, Морис Палеолог оставляет следующую запись в своем дневнике: «Прокламация Временного правительства к русскому народу, опубликованная сегодня утром, пытается устранить затруд-

нение, скрывая под туманными формулами свое намерение продолжать войну» [13, с. 801]. Туманные формулировки декларации пытался расшифровать Л.Б. Каменев в статье «Заявление Временного правительства о войне», опубликованной в «Правде» [4, с. 1]. Так, отказ от «господства над другими народами, не отнятие у них национального достоинства» отождествляется с отказом от контрибуций, «отказ от захвата чужих территорий» приравнивается к отказу от аннексий, а в «отказе от порабощения и унижения народов» Каменев видит отказ от проливов. Автор призвал Временное правительство к четкому выводу, который следует из декларации, а именно – предложить всему миру собраться на мирной конференции. В окончании статьи Л. Каменев предлагает Временному правительству «самому распутать противоречия между волей свободной и миролюбивой России и между исполнением “всех обязательств, принятых в отношении всех наших союзников”, которые с ними заключил старый режим» [4, с. 1].

29 марта 1917 г. Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов поддержало декларацию Временного правительства [2, с. 3]. Милюков отмечает, что недостатком декларации в глазах «революционной демократии» было то, что министр иностранных дел отказался адресовать заявление как прямое обращение к союзникам [8, с. 645].

Факт того, что декларация не была доведена до правительств союзных стран беспокоила «единственного социалиста» в составе Временного правительства, поэтому А.Ф. Керенский с 1 по 18 апреля 1917 г. способствовал тому, чтобы «факел» долетел до Европы.

Учитывая тот факт, что декларация Временного правительства носила двусмысленный характер, справедливой становится оценка взглядов А.Ф. Керенского В.Д. Набоковым – «позиция “заложника демократии” была и двусмысленной, и недоговоренной и, по существу, ложной» [9, с. 36].

Помимо того, что Александр Федорович не мог определиться с тем толкованием вопроса о войне, которое было бы близко ему, идеям его партии и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, он взял на себя функцию катализатора кризиса внутри Временного правительства. В его книге «Русская революция 1917» мы находим интересную запись: «Следовало любой ценой ускорить ход событий. Поздним вечером 25 апреля (12 апреля) я уведомил прессу, что Временное правительство готовится рассмотреть вопрос об отправке союзникам ноты с сообщением о новых военных целях России, сформулированных 9 апреля Временным правительством» [6, с. 128]. Действительно, в прессе 13 апреля было опубликовано следующее сообщение: «Временное правительство готовит ноту союзным державам, в котором оно более подробно разовьет свой

взгляд на задачи и цели войны в соответствии с обнародованной уже Временным правительством декларацией по этому вопросу. Нота будет передана союзным державам в ближайшие дни» [10, с. 3].

Если мы обратимся к мемуарам П.Н. Милюкова, то найдем новые штрихи. Например, министр иностранных дел считал, что фальсификация Керенского была осуществлена с целью поднять в правительстве вопрос об обращении к союзникам. Интереснее то, какой вопрос поставил Павел Николаевич для себя, анализируя сложившуюся ситуацию – «Кто стоит за Керенским?». Благодаря воспоминаниям Джорджа Бьюкенена, Милюков нашел ответ на этот вопрос. Он пришел к заключению, что «источником этим были переговоры за моей спиной в английском посольстве. Бьюкенен устроил у себя ряд совещаний с Керенским, Львовым, Церетели, Терещенко». Все для того, чтобы найти в правительстве людей, которые могли бы удержать Россию в войне» [8, с. 652]. Обратимся к воспоминаниям Джорджа Бьюкенена. «Зубр» британской дипломатии с самого начала формирования Временного правительства присматривался к министрам, которые входили в его состав. Английскому послу было необходимо не только найти человека, благодаря которому Россия продолжит войну, но и выбрать такого министра, который, будучи окрылен идеями «новой демократии», не хотел бы взамен Константинополя и турецких проливов. В беседе с М.И. Терещенко Джордж Бьюкенен открыто предложил отказаться от этих приобретений, на что получил следующий ответ министра финансов: «Временное правительство не полномочно отказываться от того, что обещано России, пока оно не удостоверится в желаниях народа на этот счет» [1, с. 232].

14 апреля газеты напечатали следующее коммюнике: «В печати появилось сообщение, что Временное правительство в настоящее время готовится ноту о задачах и целях войны, с которой оно обратится в ближайшие дни к союзным державам. Временное правительство сим заявляет, что сообщение это не соответствует действительности» [12, с. 1]. После этой публикации, по словам А.Ф. Керенского, «поднялась настоящая буря» [6, с. 129]. Подготовка ноты представителям союзных стран стала неизбежной, если и не планировалась изначально.

Список литературы

1. Бьюкенен Дж. У. Моя миссия в России: Мемуары дипломата. М.: ПРОЗАиК, 2018. 317 с.
2. Всероссийское совещание делегатов от Советов рабочих и солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 31 марта.

3. Губский Н.П. Революция и внешняя политика России: (собрание материалов). М.: Народное право, 1917. 62 с.
4. Заявление Временного правительства о войне // Правда. 1917. 30 марта.
5. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: Изд. центр «Терра»: Кн. лавка, 1996. 384 с.
6. Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. Пер. с фр. Е.В. Нетесовой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 384 с.
7. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях [Ч. 2]: От империалистической войны до снятия блокады с Советской России М. : Изд. Литиздата Н.К.И.Д., 1926. 463 с.
8. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: ПроЗАик, 2017. 712 с.
9. Набоков В.Д. Временное правительство. М.: Т-во «Мир», 1924. – 132 с.
10. Нота Временного правительства о целях войны // Утро России. 1917. 13 апреля.
11. Обращение Временного правительства к российским гражданам // Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта.
12. От Временного правительства // Вестник Временного правительства. 1917. 14 апреля.
13. Палеолог М. Дневник посла. М.: ПроЗАик, 2018. 504 с.
14. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы / Ред. кол. Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский, В.И. Старцев; Отв. ред. В.И. Старцев, Ю.С. Токарев; Отв. сост. Б.Д. Гальперина. Л.: Наука, 1991. Т. 1. 27 февраля – 31 марта 1917 г. 664 с.

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФИЯ

*Е.А. Гусева,
доктор философских наук,
профессор, СПбГЭУ*

Философия и экономика

История послевоенной западной экономики характеризуется небывалым ростом методологических исследований, значительная часть которых была связана с поисками методологии экономической науки.

Острые дискуссии велись вокруг методологических принципов исследования и построения экономических теорий.

Ключом к пониманию методологических споров в философии экономики является то, что начиная с 30-х гг. XX в. сдвиги в методологии экономического характера происходили в неразрывной связи с изменениями в направлении исследований в современной философии науки.

Первое течение представляет собой так называемый мейнстрим, или ортодоксальное направление (неоклассика, ортодоксальное кейнсианство, монетаризм). Представители данного течения (Т. Хатчинсон, Ф. Махлуп, П. Самуэльсон и др.) испытали влияние философско-методологических установок логического позитивизма, К. Поппера. Основной принцип построения теории в рамках данного направления сводится к следующему: теория строится дедуктивным способом на базе самоочевидных или эмпирически подтвержденных исходных положений (гипотеза или общие законы), причем особое значение придается возможности четкого разграничения истинных и ложных научных положений.

Позитивистская традиция в философии экономики получила свое предельное выражение в работах Т. Хатчисона – «ультраэмпиризм». Его главный тезис заключается в следующем: экономические исследования должны быть ограничены эмпирически проверяемыми положениями. При этом эмпирическую проверку должны пройти все (от исходных до окончательных) положения теории.

Задачу экономической науки Хатчинсон видел в эмпирическом анализе наблюдаемых фактов. Такой анализ, по его мнению, является единственным источником, позволяющем формировать правильные, реалистичные предпосылки для любой экономической теории.

Инструменталистскую концепцию Фридмена (теория как инструмент прогнозирования) принято считать методологической основой

неоклассической экономической теории. Большое влияние на формирование методологических споров философии экономики оказала постпозитивистская дискуссия о проблеме фальсификации.

Однако в экономической науке противоречия между теорией и фактами никогда не носят абсолютного характера. В экономике теория отвергается не просто под влиянием фактов, а только при наличии лучшей теории.

Критика логического эмпиризма П. Фейерабендом, Т. Куном, И. Лакатасом, предлагавшими концепцию некумулятивистского роста знания, нашла многих приверженцев в экономической науке. Представители методологического плюрализма (Б. Колдуэлл, Л. Боленд, Д. Макклоски) выступали против единой методологии экономической науки за свободу выбора метода исследования.

В рамках новой методологии отрицается какой-либо универсальный критерий оценки теории. Не существует универсального, логически совершенного метода оценки теории. Рост знания не может быть описан как прямая линия, эволюция науки предстает как динамический процесс, допускающий «как постоянство, так и изменчивость, как единодушие, так и резкую критику».

В чем же сторонники плюрализма видели задачу методологии?

Б. Колдуэлл – любое исследование с позиций методологического плюрализма должно начинаться с «рациональной реконструкции работ как по методологии экономики, так и различных исследовательских программ в рамках экономической науки». Предмет методологии мыслится в выявлении, изучении и сравнении принципов, на которых базируются различные школы, с определения сильных и слабых сторон соответствующих теорий. Следующим шагом является критический анализ реконструированной модели, причем критика теории внутри исследовательской программы, к которой она принадлежит, выполненная в терминах данной программы, считается наиболее плодотворной и предпочтительной. Принято считать, что сильное воздействие «новая методология» оказала на неортодоксальное кейнсианство, в рамках которой наиболее последовательное выражение получила идея субъективности знания.

И хотя, по мнению Колдуэлла, методологический плюрализм может нести в себе зерна догматизма и привести к методологическому анархизму, на сегодняшний день это одно из последних достижений в экономической методологии.

Распространение идей методологического плюрализма во многом определяет картину западной философии экономики, ибо такой подход в методологии (хотя и является спорным) в значительной степени отражает стиль современного научного мышления.

В современной экономической теории не произошло особых сдвигов по отношению к человеку, человек в ней представляет главным образом в качестве экономического субъекта – продавца (предпринимателя) и покупателя (потребителя), капиталиста и наемного работника.

Экономическая теория на первый план выдвигает вещное богатство и услуги, их производство и увеличение. Определяющим мотивационным фактором действий человека признаны экономическая выгода, деньги, капитал.

Истина перевернута – средство для жизни объявлено высшей целью, а высшая цель экономической деятельности – человек – средством получения экономических результатов. Согласно современным экономическим теориям, человек существует для создания товаров и прибыли.

В экономических науках разрабатываются схемы товарно-денежных отношений в отвлечении от субъективно-психологических особенностей людей, которые в этих процессах участвуют. Экономические отношения в этом смысле безличны.

На второй план уходят общечеловеческие ценности – свобода (она в основном толкуется как экономическая категория), нравственность, справедливость, красота, добродетель, дружеские и другие человеческие отношения. Человек подчинен диктату экономики, рынка, его законам. Экономическая теория относительно положения человека занимает вообще как бы нейтральную позицию. Экономика – наука теоретическая и в этом качестве воздерживается от любых оценочных суждений. В ее задачи не входит предписывать людям цели, к которым не следует стремиться. Это наука о средствах, которые использованы для достижения избранных целей, но, безусловно, не наука о выборе целей.

Нельзя сказать, что нет никакого критического отношения относительно реально существующих явлений жизни с позиций общих критериев положения человека и ценностных ориентаций общества. Имеются замечания об одном из ключевых недостатков рыночной экономики – порочной системе распределения.

Основной чертой современной экономической теории является тенденция к разработке чисто технических приемов. Но на самом деле в реализацию экономических расчетов и планов вмешивается «личностный фактор» Банковские расчеты, размер прибыли не зависят от того, что происходит в душе банкира и клиента. Но может оказаться, что их личностные особенности или тайные замыслы приведут к иным результатам. Распри внутри коллектива могут нарушить планы менеджера. В действительности и банкир, и менеджер учитывают психологические особенности. Таким образом, экономическая практика фактически требует не только расчетов, но и учета личностных особенностей тех, в отношении которых эти расчеты делаются.

Видимо, общей экономической теорией можно считать ту науку, которая дает обществу знания не только о производстве, распределении, обмене благ, способах их роста, а и о том, в каких условиях для человека вообще проходит экономическая жизнь, как служит экономика благополучию всех, насколько справедливы экономические отношения. Такого широкого подхода к реально существующим экономическим проблемам в современной экономической теории нет.

Экономисты единодушно утверждают, что умение разбираться в людях является для них одним из важнейших условий успешной деятельности. Есть уровень житейской психологии – психологические представления, которые каждый извлекает из собственного опыта. Однако развитию этого умения способствует освоение общих научно-психологических знаний.

Исследования в области экономической психологии показали, что мышление и поведение людей как субъектов хозяйственной деятельности подчиняются не только общим законам психической деятельности человека, но и некоторым специфическим закономерностям и тенденциям.

Выявление специфических психологических механизмов, которыми руководствуются люди в экономических делах, позволяет более реалистически подходить к решению разнообразных теоретических и практических проблем экономики.

Все явления в социуме должны рассматриваться и оцениваться с точки зрения их соответствия сущности и достоинства человека. Экономическая теория должна быть начата не с анализа товара и рынка, а с рассмотрения человеческих качеств, потребностей, интересов, способностей, целей в экономической деятельности.

С.И. Тягунов,
кандидат философских наук,
доцент, СПбГЭУ

Методология изучения истории: герменевтический аспект

Гуманитарные науки сегодня переживают непростые времена. В них ведутся бесплодные дискуссии о природе человека, о смыслах и ценностях, о целях человеческого существования. На острие споров находится и сама история общества, ее толкование. Битвы за историю и попытки ее переписать происходят повсеместно. В них вовлечены широкие

социальные группы – ученые, политики, деятели культуры и искусства, журналисты и блогеры. Ситуация усугубляется тем, что в информационно-технологической среде меняется сам образ человека, в разных гранях которого проявляется то бог, то дьявол, то ангел. Все более распространенными, особенно в западной культуре, становятся неоязычество и сатанизм, кастрация гуманистического идеала человека как всесторонне развитой гармонической личности. Проектируемый на прошлое новый образ человека влияет и на характер понимания истории, ее смысл и предназначение.

Когнитивный статус истории долгое время был предметом исследований в немецкой «исторической школе» (Л. фон Ранке, Г. фон Трейчке, И.Г. Дройзен) в аспекте противопоставления гуманитарных и естественных наук (В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Изучение истории обычно опирается исключительно на факты и направлено на выяснение того, «как это было на самом деле» (Л. фон Ранке). История не имеет солагательного наклонения и всегда должна отвечать на вопрос «что было», а не трактовать прошлое с позиции самого историка. У нее нет никакой внешней цели или априорно постигаемой необходимости. Но онтологическая структура истории, хотя и без цели, является телеологической: в ней действие и его результат имеют историческое значение, они формируют определенную историческую взаимосвязь в соответствии с коллективной телеологией, или закономерностью. За внешней пеленой исторических событий всегда скрывается внутреннее духовное содержание – комплекс мотивов, желаний и интересов, детерминирующий систему социальных действий. Любые действия, слова и поступки обусловлены сознанием человека, его мыслями и чувствами – живым пульсом истории. Для постижения этих форм выражения духа необходима герменевтика как методология исторического познания.

В герменевтике истории часто используются такие психологические приемы, как «вчувствование», «вживание», эмпатия, симпатия, инсайт, но их недостаточно. Хотя понимание другого человека, его действий, мимики и слов возможно, но всегда – лишь приблизительно, без доказательств его адекватности, тем более что сам субъект часто поступает импульсивно, бессознательно, под влиянием различных факторов. Не случайно, начиная с классической Античности, история относилась к области риторики, лишённой метода. Будучи одновременно наукой и искусством, она допускала систематизацию и научный метод, однако они были лишь техникой исторической работы в рамках определенной концепции «философии истории» (Ф. Вольтер, И.Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс). Показательно в этом отношении «Наукоучение истории» И.Г. Дройзена [1], направленное на познание исторического мышления и действия людей.

Данный подход разрабатывался на основе физиологической психологии Вундта, которая позволяет ввести герменевтический аспект как в понятие субъекта познания, так и в понятие субъекта истории как актора исторических событий.

Сознание исторического субъекта связано с тем, что ощущения – это не отображения вещей, а лишь знаки-сигналы, которые наши органы чувств передают в головной мозг. Эти знаки, в отличие от отображения, могут не иметь ничего общего с отображаемым предметом. Смысл знаков определяется субъектом мышления и действия. Следовательно, герменевтика субъекта основывается на специфической энергии чувств, через возбуждение которых мыслящий дух получает не «отображения», а знаки внешних вещей и развивает для себя такие знаковые системы, которые позволяют нам представлять, желать, знать, постигать и моделировать внешний мир. Не мир дает нам знаки, а особая природа различных органов чувств и их связей формирует для нас то, что мы воспринимаем как форму, цвет, звук, которые наш ум регистрирует как жизненный мир.

Все явления имеют не только знаковый, но и языковой характер, они осмысливаются и преобразуются в языке. Мышление и язык делают нас говорящими. Животное не говорит, потому что ему нечего сказать, несмотря на всех человекообразных обезьян. Любой язык, сложившийся в литературе древности, представляет собой живой фрагмент истории, в котором в лингвистической форме, в грамматике и этимологии, в языковых образах и метафорах отложился жизненный опыт прошлого. В языке мыслящий дух субъективирует, очеловечивает мир. Язык, будучи выразителем духа народа и отражением живой истории, является одновременно их пределом. Поэтому проблема дискурса и нарратива, письма и различения, языка и мирозерцания, слов и вещей является актуальной в современной философии (Ж. Деррида, М. Фуко, П. Рикёр) и вызывает к истолкованию. Герменевтика истории постигает не *исторические факты*, а *волевые акты* – человеческие действия в прошлом, которые историк должен уметь вычленивать из потока событий (*положения дел*). Исторические факты представляют собой сложное переплетение средств, связей, целей и условий, которые действовали одновременно и в снятом виде выражены в волевых актах, свершающих исторические события. Поэтому решения, действия, поступки и страсти людей в истории имеют то же значение, что и в природе – клетка, лежащая в основе всех органических соединений и эволюции. Сами волевые акты умирают в момент их свершения в истории, но герменевтика призвана постичь их как нечто непреходящее, как идеальное прошлое, мысленная картина былых времен. Проницательный взгляд историка может пробудить и воскресить их, ведь в истории, как отмечал Дж. Вико, истинное и сделанное совпадают (*verum et factum convertuntur*). Эту

особенность герменевтического опыта подчеркивал и И. Кант, полагая, что человек может понять только то, что создано им самим. Понимать – значит видеть вещи определенным образом, но нельзя «видеть», не понимая. Постигание истории – это всегда самопознание, сопричастность делу, соучастие в событии. Сама морфология исторического материала имеет материально-духовную онтологию и связана с объективацией духа, опредмечиванием волевых актов. Истиной в истории является та идея, которой соответствует бытие, и, наоборот, бытие истинно, если оно соответствует идее. В истории как науке онтология и метафизика (идеология) взаимопроникают друг в друга.

Понимание не просто познание, но некое пребывание в истине «другого», включенность в исторический процесс. Темпоральная структура исторического события доступна регулятивному пониманию, которое есть разум, но не знание как таковое: постижение того, что все историческое познание в конечном счете пребывает в одной и той же истине бытия. История имеет дело с силой, властью и волевыми актами, исполнение которых может быть ошибочным, но не истинным или ложным. Смысл события не охватывается оценкой «истина–ложь», поэтому эти критерии должны быть многозначными, герменевтическими, способными постичь и идентифицировать объективность исторической реальности, включая духовную сферу. То, что история хочет объяснить и в конечном счете понять, это – люди, во многом – «другие» люди, отличные от нас. Именно не исчерпанный в прошлом человеческий опыт ставит задачу интегрального понимания, включающего в себя чувства, эмоции, намерения и акты веры. Мы знаем, что вера есть некая уверенность в том, на что надеются люди, и отсутствие сомнений в том, чего не видят. Она является условием наивысшей уверенности человека в другом человеке и в самом себе, когда друг верит в друга, когда один человек определяет истинное Я другого как его образ, каким он его понимает, и как вообще человек ощущает себя в целом и как целое, в пространстве и времени. Выражение этой веры будет зависеть от того, насколько глубоко воспринимаются эта цельность и ее масштаб. Не случайно культ предков во времени или культ звезд в пространстве всегда был важен для идентификации личности. Мысля, веря, созерцая, дух получает такое выражение, которое простирается за границы бренности. Человек живет в практически надежном самоощущении своего Я-бытия, в непосредственном ощущении целостности, внутри которой он находится в единстве духовного и чувственного присутствия в мире, в особенном «здесь-бытии».

Без герменевтики истории научная методология не может охватить всё богатство человеческого опыта, как нельзя понять запах розы или звуки скрипки. Сущность исторического метода заключается в понимании

путем исследования. Сама возможность понимания состоит в конгениальном для нас виде проявлений исторических событий, в их чувственно-смысловой восприимчивости: слыша крик ужаса, мы ощущаем страх кричащего и т.д. Вещи, растения, животных мы понимаем только частично, по некоторым связям с категориями нашего мышления, но без личного участия. В них мы понимаем только постоянное и материальное, в чем совершается движение, правило, закон. И только людей мы можем понимать адекватно, в акте непосредственной интуиции, как будто одна душа погружается в другую и понимает, созидательно, как отмечает И.Г. Дройзен, «как зачатие при совокуплении» [2, с. 464]. Понимание – самая интимная связь между людьми, уникальный акт человеческой сущности, «акт зачатия и концепции». В философии истории понимание есть самое совершенное познание, которое возможно для людей. Оно генерирует в себе весь исторический опыт, раскрывает сущность и смысл жизни, охватывает прошлое, настоящее и будущее. Понимание истории становится для человека духовной точкой опоры в жизни, в бесконечном пространстве и времени. В тесных рамках настоящего от нас всегда скрыты начало и конец, но посредством регулятивного понимания мы улавливаем смысл самого движения, видим, откуда и куда мы идем.

Герменевтика истории включает в себя множество различных компонентов – методiku, систематику, топику (изложение), эвристику, критику, интерпретацию и отвечает на различные вопросы: почему, каким образом и с какой целью. Здесь нужно учитывать и методологическое различие между объяснением и пониманием, характеризующее, как показало неокантианство, особенности гуманитарного и естественно-научного знания. В качестве отличительной особенности методологии общественных наук используются описание и понимание, которые ничуть не принижают, но дополняют и расширяют значимость исторического знания, ибо ни в сфере спекуляции, ни в сфере природы нет настоящего понимания. Поэтому герменевтика развивает метод понимания и накапливает герменевтический опыт, который призван включить в себя и познание, и объяснение, и осмысление, раскрыть всю полноту человеческого бытия. Поэтому оно является синтетическим и одновременно аналитическим, индукцией и дедукцией. И это не разные пути к одной цели, а разные грани одной призмы, через которую человек постигает мир в мерцающем свете объективной истины. Это позволяет ему, сопрягая различные научные методы, – философско-спекулятивный, логический, исторический, – одновременно познавать, объяснять и понимать окружающий его мир, светящийся живым смыслом [3], восходя от того, что можно увидеть, измерить, взвесить и вычислить, к уникальному и качественному, к человеческому духу и свободной воле.

Сама история как предмет знания в своём бытии определена самопознанием – «знание о себе и есть она сама». Поэтому понимание представляет собой непосредственную сопричастность жизни, без мысленного расчленения понятием: в нём нужно не соотносить реальность с понятиями, а повсюду добираться до пунктов, где «жизнь мыслит и мысль живёт», т. е. понимание – это понимание выражения, в котором непосредственно присутствует внутреннее содержание, смысл. Поэтому историю можно трактовать в духе филологической герменевтики как книгу мировой истории, понимание которой является высшей, но никогда не завершённой до конца задачей научного исследования. И здесь имеет значение сочетание различных методов, таких, например, как объяснение и понимание в социальной теории Макса Вебера [4] или в работе Г.Х. фон Вригта «Объяснение и понимание», где для истории специально сконструирована смешанная модель понимания. В ней взаимодействуют сегменты объективные и причинные (закономерно регулярные) и телеологические (в виде рационализируемых целей и мотиваций).

Возможны разные способы объяснения и истолкования прошлого. В методологии науки становится все более востребованной «интерпретация», которая фигурирует рядом с пониманием в контексте аппозиции объяснения/понимания (*Verstehen-Erklären*). При этом интерпретация имеет место на разных уровнях исторического дискурса – на уровне документов, на методологическом уровне объяснения/понимания и на уровне литературной репрезентации прошлого, наиболее популярной в историческом образовании: ничто так не влияет на сознание людей, как художественная литература, кино, телевидение и интернет. СМИ существенно формируют то историческое пространство, в котором живут люди, а интерпретация выступает как направленная на истину интенция всех историографических операций. Методология истории активно использует феноменологические и психоаналитические концепции «памяти и забвения», обогащается понятиями репрезентации, ментальности, нарративизма, цифровизации и искусственного интеллекта. «Поскольку репрезентация – не копия, или пассивный *mimēsis*, – пишет П. Рикёр, – нарративности отнюдь не грозит *diminutioncapitis* (ущемление прав) из-за того, что она будет ассоциирована с собственно литературным моментом историографической операции» [5, с. 260]. Многообразие научного инструментария сегодня достаточно для бережного отношения к истории, для развития качественного гуманитарного образования, воспитывающего у человека чувство времени, сопереживание прошлому, ответственность за свои мысли и поступки, которые в миг их свершения становятся уже прошлым, где история все теснее смыкается с феноменологией действия. Так развивается современный диалог между историей репрезентаций (прошлого) и герме-

невтикой действия, которая обещает быть тем более плодотворной, чем менее незримым будет порог исторического познания. Ответственность человека за свое «не-алиби в бытии» в том, что история не знает сослагательного наклонения.

Список литературы

1. Тягунов С.И. Учение И.Г. Дройзена о понимании в истории // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2005. № 2. С. 137–146.
2. Дройзен И.Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004. 582 с.
3. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. 1056 с.
4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
5. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.

*О.Д. Маслбоева,
кандидат философских наук,
доцент, СПбГЭУ*

«Осевое время» истории и потребность в зрелом самосознании современного социального субъекта

Концепция «осевого времени» К. Ясперса широко известна, но насколько глубоко она воспринимается во всей полноте ее теоретико-методологической актуальности? «Эту ось мировой истории, – пишет Ясперс, – следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н.э., тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы будем вкратце называть осевым временем» [1, с. 32]. Сущность столь успешно названного «осевого времени» заключается в переходе к рефлексивному мировосприятию, когда человек начинает **осознавать** «бытие в целом, самого себя и свои границы... Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира. Все это происходит посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. ... В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день... Впервые появились философы» [1, с. 33–34]. Важно понимать, что «осевое время» – это начало развития самосознания человека как социального субъекта в процессе перехода от исторически первого, мифо-

логического, типа мировоззрения, с которого стартуют все этносы мира, к философскому мировосприятию.

Исходная и основная функция философии как элемента духовной культуры – формировать адекватное для самого социального субъекта мировоззрение, стержень которого заключается в самосознании данного субъекта. Критерием адекватности мировоззрения на сущностном уровне выступает соответствие содержания мировоззрения, включая его стержень, системе биопсихосоциальных свойств данного социального субъекта, которые обуславливаются его хронотопом, т. е. временем и местом (экологической нишей) его формирования как качественно особой социальной общности. Критерием адекватности мировоззрения любого социального субъекта на уровне явления выступает его история, т. е. то, насколько данный субъект способен к выживанию и расцвету, насколько в его деятельности присутствуют факты фиаско или успеха.

Исторический переход от мифологического мировосприятия, основанного на антропоморфизме, к рефлексивно философскому на уровне явления выражается в переходе от первобытности к цивилизации как классово-государственному устройству общества, поскольку без дифференциации умственного и физического труда прорыв в области мышления был бы в принципе невозможен. В контексте цивилизационного подхода особенно очевидным становится теоретико-методологическое значение концепции «осевого времени» для понимания смысла истории. Известное противопоставление двух сложившихся вариантов цивилизационного подхода: стадияльно-цивилизационного и локально-цивилизационного, – диалектически снимается в конкретном раскрытии единства многообразия во внутренней логике исторического процесса.

Противоположность обозначенных вариантов концепции цивилизации заостряет альтернативу: является ли человечество внутренне единой общностью, а его история единым стадияльным процессом, или само человечество и его история складываются из совокупности отдельных уникальных цивилизаций. Любая концепция, как и научная теория в принципе, имеет значение как некая логико-теоретическая идеализация, выявляющая жизненно значимую закономерность функционирования познаваемого объекта в «чистом» виде, т. е. абстрагируясь от внешних, несущественных, единичных, обусловленных вмешательством субъекта, эпизодических связей в процессе функционирования данного объекта. Выявление закономерностей социальной и природной действительности на основе идеализации, заложенной в методологический фундамент науки «энциклопедическим умом Античности» – Аристотелем, позволяет человеку вырабатывать эффективные алгоритмы его жизнедеятельности. При этом оптимум не достигим, поскольку в чистом виде закономерные связи ни-

когда не работают. Они реализуются с учетом конкретных условий функционирования объекта здесь и сейчас, т. е. с учетом привносимой таким образом случайности в процесс проявления той или иной закономерности. Соответственно, два варианта концепции цивилизации выявляют, с одной стороны, закономерную логику взросления любого социального субъекта на основе накапливаемого опыта и, с другой – закономерность известной мудрости, что «в семье не без...» оригинала, т. е. закономерность индивидуальности, неповторимости существования любого социального субъекта.

Стадиально-цивилизационный вариант трактовки истории, классически разработанный У. Ростоу (1916–2003) и Э. Тоффлером (1928–2016), раскрывает закономерную логику развития цивилизации как усложнение функционирования любого общества в истории внутренне единого человечества от сугубо аграрного существования к индустриальному, а затем постиндустриальному или, по-другому, к уровню существования «сверхиндустриальной цивилизации». При этом не столь существенны варианты трактовки этой закономерности: будь то пять стадий экономического роста в концепции У. Ростоу или три «волны цивилизации» в концепции Э. Тоффлера.

Локально-цивилизационный подход понимания человеческой истории представлен большим набором вариаций. Классиками этого подхода выступают в первую очередь Н. Я. Данилевский (1822–1885), О. Шпенглер (1880–1936), А. Тойнби (1889–1975) и П. Сорокин (1889–1968). Они обосновывают в принципе очевидную закономерность индивидуально неповторимого способа существования каждой цивилизации, концептуально обозначая это как теорию «культурно-исторических типов» у Н.Я. Данилевского, «локальных культур» у О. Шпенглера, «локальных цивилизаций» у А. Тойнби и «метакультур» у П. Сорокина. В стремлении обосновать закономерность подобного способа социального бытия первопроходцы локально-цивилизационного подхода подчеркивали в той или иной степени изолированность каждого социального субъекта и невозможность общей стадиальной истории человечества.

У Н.Я. Данилевского в раскрытии системы пяти законов существования культурно-исторических типов в третьем законе обосновывается, что «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [2, с. 77]. О. Шпенглер в работе «Закат Европы» (1918) описывает 8 локальных культур, не способных к взаимному обогащению в силу их уникальности, в то время как утрата этой уникальности в результате нарастающего преобладания материальных ценностей над духовными приводит к стадии цивилизации, нивелирующей содержание культурного своеобразия народов подобно закону энтропии в судьбе

мироздания. Концепция О. Шпенглера подвергалась целенаправленной критике за идею принципиальной невозможности взаимодействия культур. В работе А. Тойнби «Постижение Истории» (1934–1961) акцент данного подхода смещается в контекст обоснования причин закономерной индивидуальности «локальных цивилизаций»: «Личности, а не общества создают человеческую историю» [3, с. 263]. Углубление этого аспекта постепенно приводит к осознанию, что рациональному объяснению в определенной степени поддается исследование влияния природно-географической среды, в то время как другие факторы в своем объяснении упираются в иррациональные действия правящей элиты, которая, стремясь творчески отвечать на все новые вызовы времени, сначала способствует росту цивилизации, а затем в своей одержимости сохранить собственную власть вступает в войны, вводит необдуманные законы, приводя цивилизацию к гибели: «одним из симптомов социального распада и причиной социального раскола является вырождение меньшинства, ранее способного руководить благодаря своим творческим потенциям, но теперь сохраняющего власть лишь благодаря грубой силе» [3, с. 464]. Таким образом, как представляется, Тойнби подводит к раскрытию важной истины, что индивидуальность в сущности своей иррациональна: рост и распад цивилизации детерминированы способностью правящих индивидов «к творчеству и отсутствием таковой», т. е. объяснение хода истории упирается в «действие, в котором имеет место тайна творчества» [Там же].

Иррациональность индивидуальности еще ранее блестяще раскрыл П.А. Флоренский (1882–1937) в трактате «Столп и утверждение истины» (1914), где он подчеркивает «бессилие логической мысли пред конкретным, т. е. индивидуальным бытием, и жалкость (необходимая жалкость!) попытки рассудка подменить индивидуальное бытие рассудочно-образными, – но не рассудочными! – терминами» [4, с. 526]. Углубляя исследование «иррациональности в математике и догмате», российский мыслитель обосновывает, что познание индивидуального бытия невозможно рациональными средствами, ибо индивидуальное выступает иррациональным по отношению к рациональным его абстракциям, которые, накапливаясь, способны настичь индивидуальное лишь предельным скачком. Так, например, душа художника воплощается непостижимым образом в произведении искусства, а души народа – в его истории. Весьма своеобразно подобную интуицию выразил О. Шпенглер в своей концепции «локальных культур» относительно понимания неповторимого своеобразия нарождающейся девятой русско-сибирской цивилизации, подчеркивая особую роль Ф.М. Достоевского в постижении национального самосознания как своеобразной души народа: «Подлинный русский – это ученик Достоевского, – утверждает О. Шпенглер, – хотя он его и не читает,

хотя – также потому что – читать он не умеет. Он сам — часть Достоевского» [5, с. 255].

«Народ всегда знает правду» [6, с. 81], – утверждал современный знаток народной души В.М. Шукшин (1929–1974). Как отмечают исследователи творческого наследия В.М. Шукшина: «Вслед за Достоевским и Толстым писатель связывал знание правды с народной жизнью, ибо «народ всегда знает правду». У Шукшина единственным предметом изображения в искусстве должна быть правда жизни и правда времени» [7, с. 380]. Но правда народная может быть попираема грубой силой власть имущих, той самой правящей «элитой», которая в своем ослеплении близорукой потребностью любыми средствами сохранить свое господствующее положение ведет, в соответствии с концепцией А. Тойнби, локальную цивилизацию к гибели. Вынашивая адекватное своей сущности и развитое самосознание, душа народа способна возродить свою культуру в собственной цивилизационной форме. И только при таком условии возможен созидательный исход той апокалипсической альтернативы, которую рисует в своей «теории метакультур» П. Сорокин как современное состояние «сумерков нашей чувственной культуры». В политике эта альтернатива проявляется «в распространении всевозможных тиранических диктатур и в постепенно набирающих силу народных движениях за создание компетентного, честного, морально ответственного правительства из народа, волей народа и ради народа» [8, с. 729]. При этом П. Сорокин подчеркивает, что если «апокалиптическую катастрофу удастся избежать, то тогда зародившиеся творческие силы приведут человечество в новую величественную эру его истории. Какая из этих альтернатив осуществится – зависит от каждого из нас» [Там же]. Подчеркивание значимости каждого человека в разрешении современной апокалипсической альтернативы отражает закономерность возрастания роли субъективного фактора истории как «основанной на функционировании сознания, свободной целенаправленной деятельности социального субъекта, соединяющей теоретическую и практическую стороны общественного развития» [9, с. 24].

В чем же критерий величия социального субъекта, способного сотворить «величественную эру» собственной истории? Относительно отдельного человека это замечательно сформулировал и обосновал Г.В. Плеханов (1856–1918), который в работе «К вопросу о роли личности в истории» также раскрывал влияние каждого человека на ход истории, утверждая, что история «делается общественным человеком», ибо он «сам создает свои, т. е. общественные, отношения» [10, с. 333]. И каждый человек должен себе сказать: «В известном смысле я все-таки могу делать историю, и мне нет надобности ждать, пока она “сделается”» [10, с. 334]. Заключительный вывод углубленных размышлений Плеханова о роли лич-

ности в истории состоит в том, что: «Понятие великий есть понятие относительное. В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, “полагает душу свою за други своя”» [Там же].

Фактически об этом же критерии величия социального субъекта пишет П. Сорокин, подчеркивая значимость «нравственной ответственности» в созидательном разрешении апокалипсической альтернативы современности. Зрелость самосознания социального субъекта формируется вокруг аксиологического ядра его мировоззрения. Величие культуры каждого народа определяется зрелой осознанностью собственной системы ценностей, универсальными координатами которой выступает отрефлексированное понимание соотношения добра и зла.

Синергичное освоение диалектического единства двух противоположных вариантов цивилизационного подхода к осмыслению человеческой истории и концепции «осевого времени» позволяет разобраться в перипетиях современной исторической ситуации. Сверхсистемным эффектом углубления в это богатое концептуальное содержание является уразумение, что, с одной стороны, есть «осевое время» человеческой истории в ее внутреннем единстве и целостности, а с другой – есть «осевое время» у каждого отдельного народа. Так, очевидно, «осевое время» российской истории состоялось в IX веке, когда восточнославянский этнос осуществил осознанный переход от мифологического к православному мировоззрению. При этом для развития самостоятельного философствования принципиальное значение имело появление славянской письменности. Кирилл (826–869), в частности, ввел в славянский язык такие философские категории, наработанные в античной культуре, как «бытие», «небытие», «идея», «вещь», «мудрость», «природа» и т.п.

«Осевое время» человечества как единой семьи, которое концептуализировал К. Ясперс, позволило социальному субъекту в принципе обрести опыт формирования самосознания как стержня последующей исторической судьбы. В этой связи К. Ясперс утверждает: «Тем, что совершилось тогда, что было создано и продумано, человечество живет вплоть до сего дня. В каждом своем порыве люди, вспоминая, обращаются к осевому времени, воспламеняются идеями той эпохи. С тех пор принято считать, что воспоминание и возрождение осевого времени – Ренессанс – ведет к духовному подъему... В начале осевое время ограничено в пространственном отношении, но исторически оно становится всеохватывающим. Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне “природного” существования, их жизнь неисторична...» [1, с. 38].

Гениальность первопроходцев «осевого времени», заложивших изначальный понятийно-категориальный аппарат осмысления места человека в мире и формирования его самосознания, действительно воспламеняет

деятелей культуры всякий раз, когда в кризисные и поворотные моменты человеческой истории актуализируется потребность в развитии самосознания социального субъекта¹. Не случайно, по-видимому, гений Рафаэля вдохновился на создание фрески Афинская школа, представив единым ансамблем древнегреческих мыслителей, живущих в разные века и в разных полисах античной эпохи.

На основе фундаментального исследования статистики талантливости и гениальности в человеческой истории В.П. Эфроимсон констатировал, что «частота зарождения гениев и замечательных талантов почти одинакова у всех народностей и народов» и «определяется цифрой порядка 1 : 1000»; частота «развившихся» гениев уже «исчисляется цифрами порядка 1:100 000»; «частота же гениев, реализовавшихся до уровня признания их творений и деяний гениальными... исчисляется величиной 1 : 10 000 000» [11, с. 30]. Историки отмечают, что в Афинах в V в. до н.э., т.е. в период расцвета «насчитывалось около 230000 человек населения, включая рабов» [11, с. 27]. При этом, образно говоря: «У Перикла за столом собирались гении мирового ранга: Анаксагор, Зенон, Протагор, Софокл, Сократ, Платон, Фидий...» [Там же]. В чем причина такой «вспышки талантливости и гениальности» в античной культуре? Эфроимсон утверждает: «Никакие генетические данные не позволяют появиться даже мысли о том, что афиняне наследственно превосходили окружающие их тогда или современные народы. Секрет “вспышки гениальности” целиком и полностью заключается именно в стимулирующей среде» [Там же]. Значимость социальной среды Эфроимсон обозначает концептом «эффект лица» [11, с. 28]. Стоит углубить понимание сущности данного эффекта указанием на определяющую роль назревшей исторической потребности, актуальность удовлетворения которой во многом интуитивно объединяет нетривиальные умы и позволяет им в значительной степени реализовывать свой личностный потенциал талантливости и гениальности. «Вспышка гениальности» в Античности была детерминирована назревшей исторической потребностью в результате накопленного социального опыта ранних цивилизаций, включая и Восток, освободиться от «пеленок» мифологии и дорости до рефлексивного мировосприятия, основанного на формировании самосознания.

Древние греки, образно говоря, «попотели», опыт выработки самосознания был приобретен. Но хитрость исторического развития состоит в том, что выработка адекватного самосознания каждого конкретного социального субъекта не может состояться посредством простого восприятия

¹ См. напр., как активно А. Тойнби использует категории «микрокосм» и «макрокосм» в разработке своей концепции [3, с. 261–262].

идей (изначального) исходного для всемирной истории «осевого времени». Только путем собственных духовно-интеллектуальных усилий «переваривания» имеющегося уже исторического опыта на основе родной культурной почвы каждый народ может закладывать надежную «ось» своего процветания.

С рубежа XVIII–XIX вв., знаменовавшего вступление человечества в лице наиболее опытных цивилизаций в индустриальную эпоху, градус актуальности исторической потребности в развитом самосознании социальных субъектов существенно повышается. В эту эпоху функционирование социальных общностей усложняется: национальность перерастает в нацию. Национальность подразумевает этническую общность людей, объединенных особенностями языка, культуры, психологии, традиций. Нация – это исторически складывающаяся общность, внутренняя консолидация которой основана не только на языке и особенностях культуры, но и на общности территории, политической и экономической жизни. Не случайно И.Г. Фихте уже в начале XIX в. констатирует, что «философия поднесла нации зеркало» [12, с. 183]. В индустриальную и тем более постиндустриальную эпоху востребовано зрелое самосознание, поскольку чем более мощной и технологически изощренной становится деятельность социального субъекта, тем насущнее потребность в его нравственной ответственности. Сложность исторической ситуации обостряется тем, что современная, ставшая перманентной, научно-техническая революция, начавшаяся в 60-е годы с рождения кибернетики, безусловно повышая комфорт повседневной жизни, способствует стандартизации алгоритмов жизнедеятельности современного человека и питает массовое нарастание духа потребительства в обществе. Все это заглушает потребность в зрелом самосознании, в сохранении и развитии собственной идентичности и субъектности.

В результате даже те народы, в истории которых уже состоялось «осевое время», нуждаются в возрождении своего самосознания на качественно новом уровне. Что демонстрирует в этой связи современная философская культура как носительница функции выработки адекватного собственной идентичности и современной эпохе самосознания?

В странах глобального Юга, как это сегодня принято обозначать, которые не прошли естественный эволюционный путь формирования зрелого национального самосознания, соответствующего индустриальному и постиндустриальному уровню социально-экономического развития, в той или иной степени осознается, что востребованная ныне субъектность каждой страны, желающей не быть чьей-то марионеткой или вассалом в формирующемся многополярном мире, в принципе невозможна без адекватного и глубокого понимания собственной идентичности. Так, основатель

Академии философии в Улан-Баторе (Монголия) д-р философии и технических наук Санжаадорж Молор-Эрдэнэ в своем докладе «Посткоммунистическая Монголия и монгольский Худуунизм» на X Международной научной конференции «Творчество как национальная стихия: проблема добра и зла»¹ раскрыл две «монгольские травмы» в истории этого этноса: «От кочевничества Монголия пришла к капитализму, пройдя через неудачную попытку построить социализм»². Почему же скачок в социализм рассматривается монгольским исследователем как травма? Он сам убедительно это объясняет, назвав эту травму «*проваленным превосходством*». Превосходством, потому что «социализм был золотой эрой Монголии». Именно в этот период Монголия достигла хозяйственной самодостаточности, когда она стала очень мощной сельскохозяйственной страной. Но превосходство оказалось «проваленным» не из-за грянувшей в конце прошлого века вестернизации и так называемой демократизации самих по себе, а потому что «у Монголии не было собственного пути становления цивилизации», потому что «кочевникам из юрт дали марксизм и ленинизм», им «дали государство и столицу Улан-Батор». То есть организация социалистических отношений в политике, экономике и культуре в целом была привнесена извне, а не вызревала, хотя бы и ускоренными темпами, исходя из развития сознания самих монголов. Как утверждает Санжаадорж Молор-Эрдэнэ, «в прошлом у Монголии не было ни истории, ни нации, ни философии». Поэтому и «шоковая терапия» перестройки и падения Берлинской стены столь легко перечеркнула достижения социализма в Монголии и открыла простор для дикой вестернизации. Монгольский коллега пишет: «Мы только-только начали задаваться вопросами: что такое страна, общество, кем и чем является гражданин? Как существовать? Зачем я существую в этом мире? ...Монголия только начинает осваивать философию, как это делали Персия, Китай, Индия или Греция 3000 лет назад». Таким образом, Монголия вступила в «осевое время» собственной истории и активно использует при этом имеющийся в мировой истории опыт развития самосознания в иных культурах, приобщаясь к философской мудрости иных народов. Однако на этом пути возникает проблема: как, не замыкаясь в собственной идентичности, не раствориться и не потерять себя на просторах богатой мировой культуры?

¹ Эта конференция состоялась на базе кафедры общественных наук Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета с 27 июня по 1 июля 2024 г.

² Перевод одноименной с названием доклада статьи Санжаадоржа Молор-Эрдэнэ будет опубликован в научном электронном журнале СПбГЭУ «Язык. Коммуникация. Общество» (2024, № 3).

Этот вопрос поднял в своем докладе другой докладчик упомянутой выше конференции, являясь представителем иного региона «глобального Юга». Кубинский философ Форне-Бетанкур Рауль в своей статье «Регионы мира и их культурное разнообразие перед лицом "лабиринта одиночества": на примере латиноамериканского культурного опыта»¹ размышляет над «драматическим вопросом»: как "региональным" народам и их культурам "выйти из своего одиночества и принять участие в универсальном общении человечества, не потеряв себя, не отринув себя и не исчезнув как таковое"? Злободневность этой проблемы усугубляется в современном мире глобалистской экспансией "цивилизации богатства и капитала", которая лишает все регионы "широты и свободы развертывания" разнообразия их культуры, сужая горизонт человеческой истории «до линии боготворимого цивилизационного прогресса цивилизации-гегемона». Весьма примечательно, что в этой статье механицизму "цивилизации богатства и капитала" противопоставляется концепт «органической универсальности», с помощью которого прочерчиваются пути выхода из «культурного одиночества тех, кто, хотя и имеет свой собственный мир, язык, традиции», но «чувствуют, что их жизненные места и их души, сковывают "тяжелые оковы" "цивилизации капитала", прерывающей "естественное течение реального смысла и видение будущего" региональных культур. «Органическая универсальность» очевидно подразумевает естественное развитие осознания самобытности каждого социального субъекта как основание для плодотворного взаимовыгодного их сотрудничества.

Насколько сегодня универсальна проблема «органической универсальности» свидетельствуют и дискуссии на состоявшемся в Риме с 1 по 8 августа текущего года XXV Всемирном Философском Конгрессе. Самым непосредственным образом это продемонстрировал симпозиум «Аристотель–Будда–Конфуций–Ислам: Древняя мудрость для современности», на котором современные думающие представители философской культуры из Италии, США, Египта, Турции, Китая, Малазии и других стран глобального Юга, концептуализировали современный духовный ренессанс «осевого времени» как способ удовлетворения назревшей исторической потребности в выработке адекватного эпохе самосознания региональных культур.

А что же пресловутый Запад в лице Евросоюза? Эти страны, вроде бы объединенные в один социальный субъект, не испытывают в современной исторической ситуации остроту потребности в развитом самосознании как и – основании своей субъектности? Ведь в западноевропейских

¹ Перевод данной статьи на русский язык также подготовлен для публикации в журнале «Язык. Коммуникация. Общество» (2024, № 3).

странах естественно и эволюционно, хоть и не без революционных скачков, вызревало цивилизационное самосознание в контексте самобытности национальных культур, начиная с эпохи исходного «осевого времени». Как показывает философский анализ мыслящих и болеющих за судьбу отечественной культуры представителей самого Евросоюза: «Сейчас Европа посередине культурного разрыва и вопрос стоит так: по силам ли вообще еще для американизированной Европы производить такие иконы европейского искусства, кино и музыки, как Вим Вендерс, Пьер Паоло Пазолини, Клод Шаброль, Эдит Пиаф, Жан Брель или Йозеф Бойс. Они – реликты той культурной Европы, которая потеряла себя» [13, с. 117]. Европа нуждается в новом Ренессансе, во втором дыхании собственного «осевого времени», чтобы восстановить на новом уровне свою субъектность. Как пишут аналитики, ей необходима «новая форма европейской государственности», которую «следует осмыслить заново, чтобы у Европы был какой-то другой шанс, кроме превращения в американизированный обрубок» [13, с. 118]. Как констатация факта, при этом отмечается, что «... Латинская Америка скорее как раз готова к тому, чтобы наконец эмансипироваться от США» [13, с. 119]. В то время как общественное сознание в Евросоюзе даже не дозрело до вопроса: «...действительно ли США – лучший и единственный партнер в Европе в XXI веке?» [13, с. 115], поскольку «... То, что ключевые медиа возносят как великую западную фалангу за свободу и демократию, является скорее последним накатом западно-атлантического альянса, от которого отвернулось большинство – почти все, кроме Европы, – и который ныне рушится на своем собственном самообмане» [13, с. 119].

А что же у нас в России? Все ли благополучно со степенью здоровья и зрелости самосознания в современной исторической ситуации? Известная мудрость гласит, что «со стороны виднее». Критически мыслящие западноевропейские аналитики отмечают: «Потенциалом поставить под вопрос американскую интерпретацию европейской культуры в настоящее время обладает только Россия. Внутри европейского культурного пространства только Россия обладает достаточной государственной независимостью, чтобы и в поле культуры отстаивать собственную точку зрения» [13, с. 117]. Конечно, нас не может не радовать такая оценка. Однако важнее не утрачивать бдительности, о которой пишет наш кубинский коллега, предлагая диалектически разрешать противоречие между «локальным одиночеством» и всеобщим пространством человеческой культуры, чтобы не попасть в ловушку, «когда нас призывают быть универсальными, космополитичными, гражданами мира и т. п.». Наша культура уже имеет печальный опыт подобных ловушек в годину многострадальной перестройки, и из этого, конечно, необходимо извлекать уроки. Бдитель-

ность по поводу собственной идентичности и субъектности означает освобождение от «навязанной ассимиляции», и «заботу о себе и своих корнях».

Бдительность может быть эффективной только при условии развитого самосознания социального субъекта, то есть осознания как своих сильных свойств, так и возможной уязвимости. Ф.М. Достоевский определил «силу *духа* русской народности» как «стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности» [14, с. 147]. Открытость и широта русской души может приводить ее к распахнутости и некритической всеядности. Как представляется, в определенной степени слабым звеном в развитии отечественного самосознания является бытующее в профессиональной философской среде отношение к русской философии как периферийной. Таким специалистам полезно проанализировать смысл статьи американского историка русской философии Дж. П. Скэнлана (1927–2014) «Нужна ли России русская философия?» и задаться вопросом, почему американский идеолог столь озабочен «вновь **обострившимся вниманием к органицистским установкам русской философии**» [15, с. 64]. Помятуя, что продуктивное будущее основывается на диалектической связи времен, отрефлексированной еще Аврелием Августином: это связь настоящего в прошлом, настоящего в настоящем и настоящего в будущем, – социальный субъект призван самореализовываться исходя из исторической памяти, накопленного социального опыта, опробованных в собственной культуре ценностей и жизнеспособных традиций.

Список литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во СПбГУ; Глагол, 1995. 552 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.
4. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М., 1914. 837 с.
5. Шпенглер О. Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер с нем. И.И. Маханькова. М.: Академический Проект, 2009. 764 с.
6. Шукшин В.М. Нравственность есть правда. М.: Сов. Россия, 1979. 351 с.
7. Собенников А.С. Правда как аксиологическая доминанта: В. М. Шукшин в ретроспективе русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 19 (2). С. 373–386.
8. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2017. 964 с.

9. Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм о роли субъективного фактора в современном мире // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 1 (105). С. 21–30.
10. Плеханов Г.В. Избр. произведения. Соч. Т. II. М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1956. С. 300–334.
11. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. М.: АСТ, 2019. 480 с.
12. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 348 с.
13. Геро У., Ритц Х. Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нем мечтать / Пер. с нем. О.В. Никифорова при участии В. Фоменко. Ер.: FortisPress; М.: Гнозис, 2024. – 160 с.
14. Речь, произнесённая Ф. М. Достоевским 8 (20) июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности и опубликованная 1 августа 1880 года в «Дневнике писателя» // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 129–149.
15. Скэнлан Дж. П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 64–65.

А.А. Рябов,
кандидат философских наук,
доцент, СПбГЭУ;
Л.К. Рябова,
кандидат исторических наук,
доцент СПбГУ

О начале эстетического понимания истории в русской философии: К.Н. Леонтьев и его оппоненты

Timor fecit Deos, religionem¹

«Эстетическое понимание истории» [11] – именно так называлась известная статья В.В. Розанова, опубликованная в 1890–1891 году. Формально она была посвящена анализу творчества К.Н. Леонтьева, однако номинально она обозначила и положила начало новому, важнейшему и специфически русскому, наряду с космизмом, направлению в отечественной философии XIX–XXI веков [6]. При этом удивительно, но как это часто бывало в философии и науке, этого названия могло и не быть, поскольку поначалу оно не совсем устраивало «адресата» – К.Н. Леонтьева. Принимая во внимание его аргументы, В.В. Розанов даже предложил ре-

¹ Страх творит богов, религию (лат.).

дактору изменить название на более тривиальное и «актуальное» – «Теория исторического прогресса и упадка», но не успел. Возникла путаница в названии частей, и в конечном счете, во избежание оной в целом, статья вышла под общим исходным названием. Между тем, в таком сочетании это название ко многому обязывало, ибо эстетика социальной истории, этико-эстетические и художественно-поэтические ее интерпретации реально стали характерны именно для русской философии и искусства начиная с XIX века. И вполне оправданно практически все исследователи-комментаторы философско-исторического творчества К.Н. Леонтьева подчеркивали его эстетизм как в понимании развития природы, так и в понимании развития общественно-исторического бытия [1, 2, 6, 12]. Как отмечал в этой связи С.Н. Булгаков, весь «мизоевропеизм» К.Н. Леонтьева опирается на мотивы эстетические [2, с. 85]. Вместе с тем большинство философов и историков-публицистов, в том числе и современных, говоря об эстетике истории или об эстетическом ее понимании, как правило, имели в виду либо «эпистемологический методологизм» в традициях неокантианства и Бенедетто Кроче (гносеология исторического познания, истинность и правда, истинность и ценность-оценка), либо вообще различные жанры искусства, т.е. отражение-представление и интерпретацию исторических событий в художественных и поэтических произведениях ведущих писателей и поэтов, художников и музыкантов. При этом практически игнорировались так называемый «онтологический эстетизм» (А.Ф. Лосев [10, с. 28–48]) или онтология эстетического в истории, ее объективная (!) красота, гармония, целостность, «ирония» и др.

В современной философии истории это понимается как морфология социально-исторической реальности. Она впервые была обозначена А.И. Герценом¹ как «историческая эстетика» [3] и уже вполне сознательно осмыслена, хотя весьма противоречиво и дискуссионно, именно К.Н. Леонтьевым, а спустя 50 лет, в XX веке, О. Шпенглером. Вместе с тем, в рамках философии истории, особенно русской, многие мыслители довольно часто противопоставляют и смешивают проблемы этики истории и ее эстетики, подчас игнорируя или существенно упрощая сложную диалектику добра, зла, гармонии и красоты в бытии вообще и в реальной

¹ См. К.Н. Леонтьев об эстетизме А.И. Герцена: его буквально «...ужаснула та прозаическая перспектива сведения всех людей к типу европейского буржуа и честного труженика, которая так восхищала Прудона. Герцен был настолько смел и благороден, что этой своей аристократической брезгливости не скрывал. И за это честь ему и слава. Он был специалист, так сказать, по части жизненной реальной эстетики, эксперт по части изящества и выразительности самой жизни. Прудону до эстетики жизни нет дела, для Герцена эта эстетика – все!» [8, с. 135].

истории в частности (ср. вопросы и различные варианты теодицеи). Так, например, С.Н. Булгаков в своей блестящей, но крайне жесткой критической статье «Победитель – побежденный» (1916), противопоставляя «позитивистский» эстетизм К.Н. Леонтьева религиозно-этическому эстетизму Ф.М. Достоевского, по-своему справедливо и обоснованно писал: «Другую стихию Леонтьева составляет палящая, языческая его чувственность, с которой он влюблен был в мир форм, безотносительно к их моральной ценности, черта, которую обычно называют у него эстетическим аморализмом. <...> И почему же он, пламенный эстет, словно не услышал слов Достоевского, что *красота спасет мир*, и прошел мимо этой напряженной трагедии красоты, в которой “Бог с дьяволом борется” в человеческом сердце? А казалось бы, кому же другому из современников Достоевского, как не ему, должны бы стать близки эти слова! Однако он почему-то зажимает уши...» [2, с. 83,92]. Несомненно, звучит все это весьма убедительно, но, тем не менее, следует признать, что эти «пост-упреки» выглядят несколько странными, поскольку сам К.Н. Леонтьев неоднократно объяснял и подчеркивал свое отношение к этическому и религиозному критериям понимания истории. Что же касается словосочетания «эстетическое понимание истории», то впоследствии он его «благосклонно» принимает, использует и весьма широко интерпретирует в своем творчестве, дополняя его такими определениями, как «эстетический взгляд на жизнь», «видимая эстетика жизни» и др.

Особенно важны и характерны в этом отношении два его письма: одно к И.И. Фуделю от 6 июля 1888 г., а другое – одно из последних писем к В.В. Розанову, написанное незадолго до смерти, 13–14 августа 1891 г. В них Леонтьев не только раскрывает и уточняет свое понимание эстетического: «Опасаясь, что очень немногие поймут слово “эстетика” так серьезно, как мы его с Вами понимаем ... в наше время большинство гораздо больше понимает эстетику в природе и в искусстве, чем эстетику в истории и вообще в жизни человеческой». Но здесь же он, и как бы заранее предвосхищая приведенные выше «упреки» С.Н. Булгакова и многих других своих критиков-оппонентов, сравнивает религиозный и моральный критерий – «мерило» истории – с эстетическим ее «мерилом», утверждает универсальность последнего: «Я считаю эстетику мерилом, наилучшим для истории и жизни, ибо оно приложимо ко всем векам и ко всем местностям. Мерило положительной религии, например, приложимо только к самому себе ... и вообще к людям, исповедующим ту же религию. <...> Мерило чисто моральное тоже не годится, ибо, во-первых, придется предать проклятию большинство полководцев, царей, политиков и даже художников ... А, во-вторых, этическое мировоззрение неизбежно и всегда

колеблется между двумя разными моральями: моралью внутренней борьбы (или моралью стремления) и моралью внешнего результата (мораль осуществления). <...> В эстетическом же мировоззрении все вмести́мо!.. И все религии, и всякая мораль, даже до некоторой степени и мораль внешнего результата» [9, с. 583–585].

Конечно, говоря об эстетизме К.Н. Леонтьева нельзя не упомянуть о его истоках, и в частности об одном из главных таких источников — **страхе и ужасе смерти**. Об этом, предельно откровенно говорит он сам, и это неоднократно подчеркивают его проницательные критики-оппоненты. Так, Н.А. Бердяев, приходит к заключению, что «ужас гибели временной и вечной лег в основу его веры» <...> Религиозный ужас остался у К.Н. навсегда». Эти свои выводы он подтверждает, приводя поразительные свидетельства самого К.Н. Леонтьева: «...я, до тех пор вообще смелый, почувствовал незнакомый мне дотоле *ужас*, а не просто страх. Этот ужас был в одно и то же время, и духовный, и телесный; одновременно *и ужас греха, и ужас смерти*. А до этой минуты я ни того, ни другого сильно не чувствовал. *Черта заветная была пройдена. Я стал бояться Бога и Церкви*. С течением времени *физический* страх опять *прошел*, духовный же остался и *все вырос*» [1, с. 185]. Аналогичным образом поступает и С.Н. Булгаков. Он сначала приводит новые свидетельства самого К.Н. Леонтьева — «...страшно за себя, за близких, страшно особенно за родину», а затем в связи с этим подчеркивает: «Здесь не случайная обмолвка, о, нет: какой-то изначальный и роковой метафизический и исторический испуг, дребезжащий мотив страха звучит и переливается во всех писаниях Леонтьева: такова его религия, политика, социология» [2, с. 82].

С другой стороны, В.В. Розанов в одной из своих многочисленных статей, посвященных К.Н. Леонтьеву, парадоксально «расширяет» это понятие страха до эстетического «феномена» социально-исторического бытия. Говоря о происхождении антилиберализма, он отмечал, что «источником моего антилиберального настроения было общее христианское чувство и вместе демократическое (= все люди равны по душам и добряк-консерватор выше прижимистого либерала); а у Леонтьева *этим источником был эстетический страх*, что либерализм своим уравнильным и освободительным движением подкашивает разнообразие и, следовательно, *красоту вещей, социального строя и природы*» (курсив наш. — А.Р., Л.Р.) (см.: Розанов В.В. Неузнанный феномен // Розанов В.В. Сочинения. М., 1990. С. 208).

Остается только удивляться игре и иронии Истории и Проведения, какие здесь просматриваются поразительные совпадения и параллели с

эстетизмом и страхом Сёрена Кьеркегора, о котором К.Н. Леонтьев, конечно же, ничего не знал. Впрочем, примечательны в этом отношении и другие «параллели». Практически не зная К. Маркса и его философии (об этом см. Ю.П. Иваск) [5, с. 513], да и вообще, обладая, по общему мнению, весьма «скромными» знаниями в области философии и науки, К.Н. Леонтьев опирается в своем «натуралистическом» эстетизме на те же философские и научные основания, из которых она возникла: гегелевскую диалектику бытия как методологию, утопический социализм, дарвиновскую теорию эволюции [7, с. 413]. **«Идея же развития** собственно соответствует в тех реальных, точных науках, из которых она перенесена в **историческую область**, некоему сложному процессу... Присматриваясь ближе к **явлениям органической жизни**, из наблюдений которой именно и взялась эта **идея развития**, мы видим, что процесс развития в этой органической жизни значит вот что: постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой – от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений. **Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности**. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, **объединенная таким внутренним деспотическим единством**. Самый рост травы, дерева, животного и т.д. есть уже осложнение; только, говоря рост, мы имеем в виду преимущественно количественную сторону, а не качественную, не столько изменение формы, сколько изменение размеров» [8, с. 68–69]. «...Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую “Нирвану”. При дальнейшем размышлении мы видим, что этот **триединый процесс** свойствен не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, и **всему существующему в пространстве и времени**. Может быть, он свойствен и небесным телам, и истории развития их минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религии и, наконец, **в жизни племен, государственных организмов и целых культурных миров**» (курсив наш. – А.Р., Л.Р.) [8, с. 71–72].

Эти интуиции и аргументы, высказанные в середине XIX века, действительно впечатляют, однако в связи с этим вызывает удивление тот факт, что практически все авторы, так или иначе подчеркивающие эстетизм К.Н. Леонтьева (и даже столь проницательный В.В. Розанов), вообще игнорируют очевидную взаимосвязь его эстетики, и в частности, его историко-политической морфологии с эстетической метафизикой Аристотеля, столь глубоко исследованной в трудах А.Ф. Лосева [10]. И это при том, что сам Розанов, как известно, осуществил в этот период(!), в феврале 1890 г., попытку перевода «Метафизики», опубликовав перевод первых пяти глав. Между тем в главной работе К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство», в ее ключевой гл. 7, которая так и называется «О государственной форме», он прямо связывает свою теорию и триединый закон развития, в том числе и развития государственных организмов, с политической морфологией истории в духе Аристотеля. «Триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного *смесительного* упрощения, – подчеркивает К.Н. Леонтьев, – свойствен точно так же, как и всему существующему, и жизни человеческих обществ, государствам и целым культурам мира». Развитие государства сопровождается постоянно выяснением, обособлением свойственной ему политической формы; падение выражается расстройством этой формы, большей *общностью с окружающим*. «Прежде всего спрошу себя: “Что такое форма?” Форма вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании). Она есть отрицательный момент явления, материя – положительный. В каком это смысле? Материя, например, данная нам, есть стекло, форма явления – стакан, цилиндрический сосуд, полый внутри; там, где кончается стекло, там, где его уже нет, начинается воздух вокруг или жидкость внутри сосуда; дальше материя стекла не может идти, не смеет, если хочет остаться верна основной идее своей полого цилиндра, если не хочет перестать быть стаканом. *Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбегаться*. Разрывая узы этого естественного деспотизма, явление гибнет» [8, с. 74].

В соответствии с этим эстетическим пониманием К.Н. Леонтьев задается главными вопросами своей историософии: что происходило и что происходит в современной ему Европе и России, какие процессы и каковы причины, их вызывающие, каковы дальнейшие их развитие и судьба? Ответы очевидны и однозначны. Они представлены уже в самих названиях и содержании его ключевых работ: «Византизм и славянство» (1875), «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1872/84), «Чем и как либерализм наш вреден?» (1880), «Племенная (национальная) политика как орудие всемирной революции» (1888). Бу-

дучи изначально врачом, К.Н. Леонтьев ставит в них страшный и неутешительный диагноз эпохе и (за полвека до О. Шпенглера) самой Европе: «...*Европа смешивается в действительности и упрощается в идеале*» [8, с. 129].

Но всякий исторический диагноз, если он не «окончательный», предполагает некий «рецепт» исцеления, особенно если, как в данном случае, речь идет о России. И Леонтьев дает этот свой знаменитый «рецепт» в передовой статье «Варшавского Дневника» от 1 марта 1880 г.: «надо подморозить х о т ь н е м н о г о Россию, чтобы она не “г н и л а”...» [7, Т. 7, с. 124]. Впрочем, значительно позже, и уже по другому поводу, давая исчерпывающую характеристику К.Н. Победоносцеву, он писал: «Человек он очень полезный, но как? *Он как мороз: препятствует дальнейшему гниению, но расти при нем ничего не будет.* Он не только не творец, но даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, а только консерватор в самом тесном смысле слова; мороз, я говорю, сторож, безвоздушная гробница, старая “невинная” девушка и больше ничего» (курсив наш. – А.Р., Л.Р.) [9, с. 424].

Таким образом, к сожалению, приходится констатировать, что, заложив основы столь популярного ныне цивилизационного подхода к истории, выявив и поняв в нем фундаментальное и роковое противоречие («проклятие») органического и социально-исторического развития, позитивно разрешить, «снять» его в рамках своей оригинальной эстетической историософии К.Н. Леонтьев так и не смог.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // Н. Бердяев о русской философии. Ч.1. Свердловск, 1991.
2. Булгаков С.Н. Победитель – Победенный // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996.
3. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1957. Т.ХI. С. 482.
4. Гулыга А.В. Эстетика истории. М.: Наука, 1974.
5. Иваск Ю.П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Книга 2. СПб.: РХГИ, 1995. С. 229–650.
6. Исупов К.Г. Русская эстетика истории. СПб.: Изд-во ВГК, 1992.
7. Леонтьев К. Собрание сочинений: в 9 т. М.; СПб, 1912–1913.
8. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ, «Московский рабочий», 1993.
9. Леонтьев К. Избранные письма (1854–1891). СПб.: Пушкинский фонд, 1993.
10. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1976.
11. Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1995. С. 27–122.

*К.А. Ермилов,
кандидат философских наук,
доцент, СПбГЭУ*

Сопоставление вопроса о творчестве и власти в философии Хайдеггера и Франкфуртской школы

Наиболее известные представители философии Франкфуртской школы, Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер в своей книге «Диалектика просвещения» указывали на принципиальную тотальность культуриндустрии, которая выступает в современном обществе в роли априорных схем познания и опыта. Так, культуриндустрия «практикует схематизм в качестве самой первой услуги клиенту. Кант полагал, что в душе человека действует тайный механизм, уже препарирующий все непосредственные чувственные данные таким образом, что они оказываются точно соответствующими системе чистого разума. В наши дни эта тайна, наконец, разгадана. В то время как планомерное функционирование этого механизма обеспечивается теми, кем вообще поставляется чувственно данное, а именно работниками культуриндустрии, а самой последней он навязывается гравитационным полем остающегося, несмотря на все попытки его рационализации иррациональным обществом, при прохождении через различные инстанции имеющего тут место производственного процесса эта злосчастная тенденция преобразуется в хитроумный замысел его исполнителей. Самим потребителям уже более не нужно классифицировать ничего из того, что оказывается предвосхищенным схематизмом процесса производства» [1, с. 155]. Разумеется, что схематизм культуриндустрии лишь выполняет роль априорных форм чувственности и рассудка, являясь практикой трансформации природных и культурных способностей человека. Однако важнее другой момент. А именно то, что общество здесь рассматривается в качестве учрежденного не творческим актом перед лицом принципиального риска, а предельно технологичной работой симуляционной системы.

В конечном счете, предлагая ценности и модели поведения, массмедиа создают язык самих потребностей. Личностное бытие подменяется общим и неопределенным. Такой процесс затрагивает не только потребителей продуктов, но и систему производства и управления культуриндустрии. Отчуждение захватывает тех, кто отвечает за производство отчуждения. Герберт Маркузе по этому поводу писал, что «художественное отчуждение стало вполне функциональным, как и архитектура новых театров и концертных залов, в которых оно вызывается к жизни. И здесь также неразделимы рациональность и вред» [2, с. 85]. Само отчуждение прини-

мает различные формы. «Что такое отчуждение? Это, во-первых, превращение вещи, изделия в товар, а человека – в рабочую силу. Во-вторых, это форма сознания, когда я есть такой, каким меня представляют другие. В-третьих, отчуждение становится формой жизни» [3, с. 119].

Критика франкфуртской школы в адрес технологической системы общества, культуриндустрии и власти существенна и убедительна. Разочарование общества вполне понятно. Действительно, расширяя горизонты мысли и действия, техника, в некотором отношении забирает у человека силу воображения и независимость суждения.

Рассмотрим в качестве сопоставления попытку переопределения отношений оснований власти и творчества, осуществленную в свое время Хайдеггером. Исходной ситуацией для речи о творчестве, власти и человеке является утверждение принципиальной *неуютности* человеческого присутствия в мире. Хайдеггер в отличие от Хоркхаймера и Адорно, для решения вопроса об учреждении власти обращается к вопросу о принципиально сверхвластительном бытии, которое и должно являться источником и основанием творчества и власти.

Это неуютнейшее бытие является вызовом для творческого учреждения того, что Хайдеггер называет историей. Сущностной стороной данного вызова является *áπολις* – бесполисность присутствия в мире [4, с. 229]. Такое предельно острое проживание неуютной бесполисности и вызывает решимость учреждения *политического* в его историческом и бытийном смысле.

Согласно Хайдеггеру, именно те, кто вынужден наиболее остро проживать неуютность и неучрежденность, могут являться в подлинном смысле творцами. Сама власть (*Gewalt*) и искусство (*τέχνη*) являются средствами обуздания сверхвластительного, но никак не его полного подчинения. Покой и творчество в греческом смысле, как указывает Хайдеггер, совсем не первичны и не являются результатом улаживания, а являются прямым обузданием спора с сущим, о котором ведется речь еще у Гераклита. Творцы наиболее уязвимы не потому, что они обладают тонкой душевной организацией или еще чем-то подобным, а потому, что берут на себя прямой риск учреждения истории. Уязвимость творца связана с учреждающей силой самого творчества, первой жертвой которой может стать он сам.

Творец и государственный деятель находятся в одном круге политического, сцепленном глубинным образом учреждающей силой полиса. Здесь следует отказаться от вульгарных и «эмпирических» представлений и воспоминаний об особенностях взаимоотношений между властью и творчеством. Расхожие представления об отношениях между творцом и властью совершенно не отражают сути дела, о котором здесь идет речь.

Безместность (отсутствие места) проживается творцом как вызов к учреждению, как было сказано ранее. Этот вызов есть предельный риск перед лицом Ничто, разверзающимся в неуютности.

Власть нуждается в творчестве, но не в смысле информационной «поддержки» или воспевания «политического» режима. Власть и есть творчество, но вместе с творцом и мыслителем, поэтом, и при этом составляя единое первичное (различенное) целое. Итак, творцы оказываются, как было отмечено, предельно безысходными. Поэтому творцы и вынуждаются к *творческому* учреждению политического круга, в котором они находят себя *уже* в границах, дающих вещам быть, а им самим творить. Начало этого учреждения полиса является в подлинном смысле «мифологическим», т.е. обращенным к нераскрытости, точнее сказать, *нераскрываемости* до самого конца.

Список литературы

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М.; СПб., 1997. 312 с.
2. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. 368 с.
3. Марков Б.В. Отчуждение и бытие // Альтернативы. 2010. № 3. С.118–126.
4. Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб., 1998. 302 с.

К.В. Веричева,
кандидат философских наук,
доцент, СПбГЭУ

Идентичность и граничность (граница) в современном философско-антропологическом дискурсе

В философской антропологии проблемы идентичности и границы (граничности) могут быть рассмотрены как взаимосвязанные и проявляющиеся в контексте рассмотрения отношений *Я–Другой*, открытости/закрытости, совершенства/несовершенства, подлинного/неподлинного бытия. Смыслы границы обнаруживаются при нахождении человека в онтологически значимой ситуации, являющейся для него событием, в которой фигура *Другого* является фундаментальной для определения личностной идентичности. Динамизм современного мира еще более обостряет ситуацию балансирования в пределах ранее определенных границ.

В философской и социокультурной антропологии XX века коммуникативное пространство *Я* и *не-Я* является предметом непосредственного исследования феномена интерсубъективности. Так, Э. Гуссерль, рассматривая проблему взаимопонимания *Я* и *Другого*, обращается к сфере обыденного понимания мира («жизненному миру»), в котором постижение *Другого* возможно посредством так называемой аналогизирующей проекции или перестановки моего тела на тело Другого [1, с. 61]. При этом, однако, не учитывается специфика восприятия субъектом своего тела как изнутри и снаружи одновременно, в его целостности, а *Другой* схватывается лишь через внешние границы телесности. Таким образом, Гуссерль приходит к допущению, что схватывание границы между *Я* и *Другим* происходит в силу внутренней природы трансцендентального Еgo, маркирующего эту границу. Следующий шаг в решении проблемы интерсубъективности принадлежит М. Шеллеру, который, не соглашаясь с основными положениями теории Гуссерля, формулирует свою теорию исходя из положения о том, что человек может стать личностью только благодаря опыту общения с другой личностью, обосновывая особое метафизическое положение человека в мире, направленное на раскрытие сущности бытия человека [2, с. 32]. Шеллер полагает, что человек обнаруживает себя единственным существом, которое способно «быть Я», ставя себя над самим собой и над миром, при этом существование *Другого* является первичным над *Я*. Этой способностью человек располагает в силу того, что он существует как душа (anima), и как Личность (personacogitans), не поддающаяся объективации, так же как и другие люди, поскольку они тоже личности. При этом личность воспринимает свое «Я», свое тело, мир, не являясь объектом восприятия как себя самого, так и *Другого*. В то время как «Я» предполагает сопоставление как с внешним миром, так и с «Ты», «Личность» свободна от таких коннотаций [3, с. 204–205]. Попытки объективировать Личность или ее поступки трансформируют ее существование в трансцендентальную идею. Несмотря на то что, согласно Шеллеру, интерсубъективность достигается в двух формах симпатии «самости» и «друговости», посредством которых раскрывается собственное *Я* [3, с. 79], А. Шюц полагает, что ни теории аналогизирующей апперцепции Гуссерля, ни перцептивной теории понимания «alterego» Шеллера, не удалось последовательно решить проблему интерсубъективности. Шюц подвергает сомнению концепцию непосредственности акта схватывания *Другого*, поскольку в непосредственных переживаниях человек сам себе недоступен. Согласно Шюцу, границы обнаруживают себя в месте, где *Я* встречается с *Другим* и где становится возможной интерпретация смыслов. Схватывание *Другого* не может быть односторонним и предполагает взаимность, что приводит к выводу о том, что первичным источником ин-

терсубъективности является отношение «Мы», где *Другой* представлен в сложной системе «Мы-отношений» [3, с. 813, с. 824].

Присутствие в современном мире, становящемся все более мозаичным, ставит перед человеком вопросы, касающиеся не только смысла существования, но и постоянного определения и возможности преодоления наличествующих границ. В ситуации невозможности расширения границы собственного существования, прорыва к себе человек оказывается в ситуации ускользающего бытия, ведущего к безликости и анонимности существования, в которой личность, погружаясь в сферу хайдеггеровского «das Man», существует в модусе несовпадения с самой собой [4, с. 126]. Стремясь реализовать в полноте бытия, человек так и не достигает единства с собой, наличествуя и обнаруживая себя в своей неполноте и фрагментарности.

Граница идентичности является областью продуцирования новых смыслов, полем между единичным и множественным, в котором личность репрезентирует себя, сохраняя сущностное начало, в пространстве диалога с Другим. В таком случае экзистенция, как полагает К. Ясперс, существует через коммуникацию, стремление к которой является отличительной особенностью личности, в которой отношение с другой личностью, либо с трансцендентным всеобъемлющим началом, содержит в себе смыслы всего сущего [5, с. 433]. Однако в то же самое время необходимо отметить, что в условиях цифровизации и активного присутствия личности в пространстве медиа, границы субъектов, участвующих в коммуникации «размываются», сферы приватного и публичного смешиваются, создавая напряжение между желанием выражения и содержанием, которое они обнаруживают, сводя, по мнению Ж. Липовецки, все к безразличию, анонимности и пустоте [6, с. 30–31, с. 67].

Понятия классической философии – «субъект» и «идентичность», понимаемые как тождественные друг другу, в пространстве постмодерна подвергаются критике. Различие теперь является центральной категорией, по мнению Ж. Делеза, поскольку бытие – это то, что всегда высказывается о различии [7, с. 235–239]. В пространстве метамодерна эта тенденция все более усиливается. Погружение в сетевую виртуальную реальность, бегство от реальной жизни при существующей иллюзии сближения с *Другим*, искаженное восприятие свободы и стремление к ней, способствует еще большему отчуждению личности от других [6, с. 76]. Пространство медиа способствует генерации множественных *Я*, избыточность информационного воздействия размывает границы *Я*, нарушая целостность и порождая кризис идентичности, создавая различные нарративы. Ясперс определяет ситуацию в обществе XX в. как «пограничную», поскольку человек находится в положении, требующем постоянного определения своих границ и

их преодоления для осознания уникальности экзистенции *Я* и *Другого*. Грань между анонимностью, миром «симулякров» и реальностью, в которой человек совершает выбор в сторону узнавания или отказа от себя, обозначается как «пограничное состояние», создающееся вследствие существования границ как таковых и выступающих как условие, где в экстремуме напряжения становится возможным понимание [8, с. 35–36].

Современные социокультурные, политические, экономические исследования все более уделяют внимание концепту идентичности в анализе перспектив дальнейшего развития общества, поскольку идентичность, понимаемая как отношение *Я–Другой*, соединяет микро- и макроуровни, субъект и объект в пространстве дискурса, где граница выступает одновременно как средство дифференциации и инкорпорации.

Список литературы

1. Прехтль П. Интерсубъективность и опыт иного // Введение в феноменологию Гуссерля. Томск, 1999.
2. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
3. Шюц А. Теория интерсубъективности Шелера и всеобщий тезис альтер-эго // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
4. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
6. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.
7. Делез Ж. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург, 1998.
8. Мамардашвили М.К. Мысль в культуре // Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004.

А.А. Черных,
ассистент, СПбГЭУ

Философская антропология

Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, П.Л. Лаврова

Н.А. Добролюбов в 1858–1859 годах написал ряд антропологических статей [1–4], в которых критиковал современных ему психологов-идеалистов, а также разрабатывал вопросы мозга и воспитания. Он придавал большое значение проблеме дуализма и монизма. Будучи убежденным материалистом, Добролюбов отстаивал монистический принцип построе-

ния философии. Он объяснял природу возникновения дуалистического мировоззрения как естественный процесс. Человек замечает некие антагонизмы в себе и в природе, а потому начинает делить все на две половины: внутреннюю и внешнюю, душу и материю. Такой естественно возникший взгляд на мир Добролюбов признает ошибочным, но и другую крайность, «грубый материализм», сводящий процесс мышления исключительно к механическим физиологическим процессам, он также считает неверным. Работа сознания, по Добролюбову, есть сложный процесс, который невозможно объяснить механистически. Более того, сознание (душа) и тело человека связаны между собой, но не как изначально обособленные друг от друга элементы, а как некое единство. Строго говоря, сознание и тело вне этого единства не могут существовать. Понятия о душе вне тела или о теле без души Добролюбов считает бессмысленными абстракциями.

Монистическое понимание человеческого организма обуславливает принципы воспитания. По Добролюбову, правильное воспитание должно быть равномерным, без перегибов и крайностей. Ребенок, который читает по сотне страниц в день, но не занимается физическим развитием своего тела, будет слабым и застенчивым. И наоборот, тот, который не развивается интеллектуально, не получает теоретических знаний, а занят только физическим развитием, окажется глупым и несообразительным. Чтобы стать полноценным человеком, воспитанник должен развиваться всесторонне. Это необходимо также и потому, что развитие одних сторон человеческого индивида способствует более эффективному развитию других. Кроме того, Добролюбов настаивает на важности корректного распределения занятий воспитанника в ходе взросления. Так, принуждение ребенка в юном возрасте к изучению абстрактных понятий не сделает из него философа, а только помешает его развитию. В результате тренировки какого-либо органа изменяется его состояние. Это справедливо не только для мышц, но также и для мозга. Соответственно, правильное воспитание способствует развитию мозга и улучшению интеллектуальных данных воспитанника, а неправильное – может принести вред.

Примерно в это же время (1860) выходит работа П.Л. Лаврова под названием «Очерки вопросов практической философии» [5, с. 339–461], в которой он излагает теорию эгоистической личности, которая, по задумке автора, должна предшествовать политическому трактату и быть его теоретическим обоснованием. По Лаврову, первоначальное стремление любой личности заключается в стремлении к наслаждению и избеганию неудовольствия. Побуждения такой личности направлены исключительно на саму себя. Стремясь к наслаждению, эгоистической личности приходится бороться с другими личностями, в результате чего она вынуждена либо подчинять себе другую личность, либо подчиняться сама.

Эгоистическая личность на каждом этапе своего развития сталкивается с противоречием между своим эгоизмом и объективной действительностью. По своей структуре текст «Очерков» представляет собой диалектическое выведение категорий, но вместо гегелевского снятия Лавров прибегает к понятию творчества. Личность не отказывается от своего эгоизма, а только пытается примирить его с действительностью.

По мере развития эгоистическая личность проходит три основных этапа: 1) личность замечает свое *Я*, то есть осознает себя; 2) личность замечает, что у других людей тоже есть *Я*, то есть они не объекты, а субъекты; 3) на завершающем этапе личность не только видит *Я* других, но также признает их такими же, то есть равными себе. В результате такого развития, по Лаврову, эгоистическая личность становится справедливой личностью. Но здесь важно отметить, что природа справедливости объясняется через эгоизм. Иными словами, справедливость есть развитый эгоизм, или *разумный эгоизм*. Примечательно, что справедливость личности, по Лаврову, не может разрешить проблемы собственности и борьбы за нее. На этом основании Лавров предполагал построить здание своей политической философии.

В этом же году (1860) в журнале «Современник» публикуется статья Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии» [6, с. 146–229]. Он солидаризировался с Лавровым в общих положениях его антропологической теории, но не соглашался в вопросах метода. Чернышевский охарактеризовал взгляды Лаврова как эклектические, так как этот последний пытался подкреплять свою точку зрения цитатами из работ мыслителей различных философских партий. Лавров считал допустимым и даже необходимым задействовать цитаты или положения других ученых, полезные для его теории, даже если они принадлежали к противоборствующему на идеологическом уровне лагерю. Чернышевский же видел в этом непоследовательность. Отметим, что Лавров испытал на себе серьезное влияние философии позитивизма, хотя сам окончательно позитивистом не стал, в то время как Чернышевский был последовательным материалистом.

Неудовлетворенность отсутствием ясной партийной принадлежности Лаврова и побудила Чернышевского написать «Антропологический принцип». Сам редактор «Современника» указывал, что он всего лишь изложил ту же теорию, что и Лавров, но несколько по-своему. Чернышевский начинает изложение вопроса издали. После разговора о важности принципа партийности он пишет о естественнонаучной картине мира, об онтологии. Чернышевский обосновывает положение о материальном единстве мира, обильно ссылаясь на достижения современных ему естественных наук. Ближе к концу работы он подходит к теме человека.

Эзоповым языком автор высказывает те же мысли, что и Добролюбов в своих статьях. Но если Добролюбов рассматривал конкретные вопросы, то Чернышевский затрагивает проблему в целом. Так, сравнивая различные предметы и существ неживой и живой природы, он приходит к выводу, что различие между ними всеми исключительно количественное (во всяком случае, так кажется при беглом прочтении). Таким образом, Чернышевский эзоповым языком указывает на то, что человек не является чем-то особенным на фоне природы, а дерево или животное превосходит только в том, что является более развитым количественно и на основании количественного превосходства – качественно.

Если Добролюбов оспаривал дуалистическое понимание человеческой природы через указание на возникновение дуализма как ошибочного представления в прошлом, то Чернышевский объяснял это логически: сила (душа) должна проявляться в теле, а если не проявляется, то ее нет. Те атрибуты, которые привычно приписываются душе, с научной точки зрения принадлежат мозгу как органу сознания. Соответственно, и свободу воли следует понимать не как проявление божественной сущности, а как психический факт, который на самом деле строго детерминирован, даже если это не очевидно. С признанием воли как психического факта соглашался и Лавров.

Теория Лаврова об эгоистической личности, которая в ходе своего развития и попыток примирения с действительностью становится справедливой личностью, соответствует теории разумного эгоизма, изложенной в статье «Антропологический принцип» и романе «Что делать?» [4, с. 480]. Положения же Добролюбова о роли мозга в человеческом организме и сущности воспитания представляют собой теоретическую базу для указанных сочинений Чернышевского. Причем разногласия Чернышевского и Добролюбова с Лавровым, как видно, несущественны и относятся к частностям, которые не затрагивают саму теорию. Иными словами, можно говорить о единстве философской антропологии Чернышевского, Добролюбова, Лаврова.

Список литературы

1. Добролюбов Н.А. Об истинности понятий или достоверности человеческих знания // Добролюбов Н.А. Избранные философские произведения. В 2. т. Т. 1. Л.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 272–276.
2. Добролюбов Н.А. Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью // Добролюбов Н.А. Избранные философские произведения: в 2. т. Т. 1. Л.: Государственное издательство политической литературы, 1948. С. 228–262.

3. Добролюбов Н.А. Основания опытной психологии // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. С. 494–498.
4. Добролюбов Н.А. Физиологическо-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. С. 479–486.
5. Лавров П.Л. Очерки вопросов практической философии // Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1965. С. 339–461.
6. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. С. 146–229.
7. Чернышевский Н.Г. Что делать? М.: АСТ, 2017. 480 с.

Т.В. Козин,
магистр, СПбГУ

Истоки современного панпсихизма

Современный панпсихизм имеет ряд существенных отличий от учений прошлого, которые мы привыкли обозначать тем же самым словом. Перефразируя возражения Г. Фейгла своим критикам, можно сказать, что современный панпсихизм вовсе не «пан» и вовсе не «психизм» [1]. Прежде всего не следует забывать, что сам термин «панпсихизм», хоть он и имеет греческое происхождение, был предложен лишь в эпоху Возрождения. Иными словами, едва ли кто-то из мыслителей Античности или Средневековья именовал себя панпсихистом. Однако, несмотря на отсутствие самого термина, нечто похожее на современный панпсихизм многократно воспроизводилось на протяжении почти всей двухтысячелетней истории философии. Изучение этих истоков современного панпсихизма представляется весьма полезным предприятием, хотя бы потому, что многие из аргументов, высказываемых сторонниками данного подхода сегодня, являются не чем иным как модификацией аргументов Фалеса, Пифагора, Парменида, Гераклита, Анаксагора, Эмпедокла, Спинозы, Лейбница и многих других мыслителей прошлого. Итак, истоки современного панпсихизма, разумеется, следует искать в самом начале самой философии, а именно в учениях досократиков.

Досократики. Фалес известен нам со студенческой скамьи как философ, считавший первоначалом всего сущего воду. К сожалению, до нас дошло слишком мало фрагментов из его наследия. Основным источником, по которому мы можем хоть как-то судить о взглядах знаменитого милет-

ца на природу феноменального сознания, является трактат Аристотеля «О душе» [2].

Аргументацию Фалеса можно реконструировать следующим образом. Некоторые материальные объекты нашего мира (например, люди, животные, ветер, море или магниты) обладают способностью к движению. Среди всех этих объектов самым знакомым для нас является наше собственное тело. Как мы знаем из нашего внутреннего опыта, данного нам непосредственно, мы есть существа, обладающие $\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$. Из этих посылок Фалес делает очевидный для него вывод: все, что, подобно нам, обладает способностью к движению (себя самого или других вещей), обладает $\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$. Однако было бы странным, если бы во всем окружающем нас Космосе, подчиненном единым законам, психикой обладали бы лишь некоторые вещи, в то время как остальные были бы ее лишены. Такая альтернатива казалась Фалесу невыносимой. Значит, наиболее вероятно, что в той или иной степени психикой обладают все вещи материального мира. Некоторые исследователи называют такой ход мысли аргументом внутренней силы [3].

Среди других досократиков, тяготевших к панпсихистскому взгляду на мир, можно также упомянуть Анаксимена и Пифагора. Однако, к сожалению, реконструировать их аргументацию в пользу данного мировоззрения не представляется возможным. Все свидетельства в пользу их приверженности панпсихизму сводятся к не вполне убедительным намекам из дошедших до нас фрагментов и немногочисленных свидетельств их современников. То же самое касается Парменида, Гераклита, Анаксагора и Эмпедокла. Их аргументы во многом повторяют Фалеса и по большей части играют вспомогательную роль, так как главная цель досократиков состояла в том, чтобы обосновать свое видение $\alpha\rho\chi\acute{\eta}$. Тем не менее тот факт, что панпсихизм в той или иной его интерпретации присутствовал практически во всех учениях досократиков, позволяет нам рассматривать его как доминирующее представление о соотношении ментального и материального в ранней античной философии.

Платон и Аристотель. Небезынтересные интерпретации Платона и Аристотеля можно найти в работах Дэвида Скрбина [4, с. 12]. Так, автор утверждает, что Платон приписывал $\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$ не только человеческим существам, но и самой Земле, Солнцу, звездам, растениям и Космосу в целом. Свидетельства в пользу такой интерпретации можно найти в диалогах Тимей, Софист, Филеб, а также в Законах.

Аргументация Платона выглядит следующим образом.

1. Все физические объекты от человеческого тела до Космоса в целом состоят из четырех элементов (огня, воздуха, воды и земли).

2. Человеческое тело обладает психикой.
3. Человеческая психика фундирована объединением четырех элементов.
4. Следовательно, космос обладает психикой (мировой душой).
5. Тогда психика является общим свойством, которым обладают все объекты, состоящие из четырех элементов.
6. Все объекты обладают психикой.

В отличие от Платона, Аристотеля значительно сложнее причислить к панпсихистам. Однако также сложно подвергать сомнению тот факт, что Аристотель был убежден в наличии души у всех живых существ, а также в том, что нечто схожее по своей природе с человеческой душой должно в той или иной мере присутствовать во всех физических объектах. Кроме того, Аристотель считал, что душой обладают небесные тела. Скорее всего, более уместным было бы отнести Аристотеля к приверженцам гилозоизма – учения, весьма схожего с панпсихизмом, однако, как кажется, куда менее перспективного и значимого с точки зрения современной философии сознания.

Дальнейшее развитие панпсихистского взгляда на мир в Античности оказалось куда более скудным, чем хотелось бы ожидать. Среди последующих поколений древнегреческих философов трудно найти кого-то, кто бы явным образом причислял себя к сторонникам такой онтологии. Что же касается средневековой философии, то в ней мы и вовсе не найдем хоть сколько-нибудь серьезного рассмотрения панпсихизма как возможной альтернативы христианскому учению.

Спиноза и Лейбниц. Ярчайшими проponentами панпсихизма после античных мыслителей стали философы XVII века Бенедикт Спиноза и Готфрид Вильгельм Лейбниц. В их сочинениях, без преувеличений, мы впервые обнаруживаем действительно серьезное отношение к панпсихизму как к возможной альтернативе прежним учениям. Работы Спинозы и Лейбница содержат столь проработанную аргументацию, что многие до сих пор считают все современные доводы в пользу панпсихизма не более чем их интерпретацией или переосмыслением.

Спиноза, например, может по праву считаться предшественником идеи нейтрального монизма – концепции, значительно позже предложенной У. Джеймсом и получившей дальнейшее развитие в работах Б. Рассела. Он считал, что мысль и протяженность (ментальное и физическое) есть два фундаментальных аспекта реальности. Эти аспекты являются двумя атрибутами единого бога (природы). А если сказанное верно, то напрашивается следующий вывод. Поскольку все является воплощением этих божественных атрибутов, то человек с его душой (сознанием) не является кем-то исключительным; значит, вся материя так или иначе проникнута

этими аспектами реальности. Иными словами, все материальное обладает сознанием не в меньшей степени, чем человек.

Что же касается Лейбница, то его можно рассматривать как одного из первых сторонников идеалистического панпсихизма. По Лейбницу, реальность составляют монады, обладающие чем-то наподобие сознательных свойств. Каждая монада по сути своей независима. Все, в чем она нуждается, – это быть сотворенной Богом. Любая вещь является множеством монад, но одни объекты материального мира являются организмами, а другие – лишь простыми совокупностями. Последние составляют монады без какой-либо иерархии, а вот монады, составляющие организмы, объединены одной доминантной монадой. Введение Лейбницем этой самой доминирующей монады можно считать первой попыткой преодоления так называемой комбинаторной проблемы панпсихизма. Грубо говоря, множество монад, составляющих человеческое тело, образует единый организм благодаря доминантной монаде (сознанию). В качестве противоположного примера можно привести горсть песка, которая также состоит из множества монад, но не обладает единством из-за отсутствия доминантной монады, которая смогла бы обеспечить иерархию.

Последующие попытки представить панпсихизм «в выгодном свете» так или иначе повторяют уже знакомые нам рассуждения философов, упомянутых выше. В дальнейшем панпсихизм станет одной из доминирующих позиций в отношении психофизической проблемы. Так, например, основатели науки психологии, такие как Густав Фехнер, Вильгельм Вундт, Рудольф Лотце и Уильям Джеймс, так или иначе придерживались панпсихистского взгляда на природу сознания.

Однако с последующим развитием эмпирической науки интерес к панпсихизму угас, и эту позицию вытеснили физикализм и эмерджентизм. Лишь относительно недавно к панпсихизму стала возвращаться его былая слава. Усилиями современных аналитических философов, старое учение было очищено от мистических и идеалистических примесей и вновь предложено в качестве возможного пути решения «трудной проблемы сознания». Что более важно, панпсихизм перестал игнорироваться и в естественнонаучной среде. Благодаря разработке аргументации в пользу панпсихизма аналитическими философами появилась целая плеяда нейроученых, придерживающихся схожих взглядов на природу феноменального сознания.

Одним из ярчайших примеров такого рода работ является книга К. Коха, в которой ее автор отстаивает панпсихистский взгляд на природу сознания. Кох представляет доказательства, основанные на эмпирических данных биологии, эволюционной теории, химии и физики. Главный вывод, который непротиворечиво следует из этих данных, состоит в том, что

ментальное распространено гораздо шире, чем это традиционно предполагалось. Не только люди и высшие животные обладают некоторой степенью сознательного опыта. По мнению Коха, список сознательных существ следует расширить до насекомых, растений и даже бактерий или одноклеточных организмов. Работы такого рода, безусловно, заслуживают пристального внимания как ученых, так и философов, так как, с одной стороны, подобные публикации дают новые основания для принятия панпсихизма, которыми могли бы воспользоваться философы, а с другой – эти основания нуждаются в проверке другими опытными учеными.

Список литературы

1. Feigl H. Mind-Body, Not a Pseudoproblem. In *Inquiries and Provocations: Selected Writings 1929–1974*. Springer, Dordrecht, 1981. P. 342–350.
2. Аристотель. О душе // Аристотель. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369–448.
3. Skrbina D. Panpsychism in the west. In *Panpsychism in the West*. The MIT Press, 2017 <https://doi.org/10.5840/process200837237>.
4. Skrbina D. *Mind That Abides: Panpsychism in the New Millennium*. Amsterdam: John Benjamins B V Publ, 2009. XI+ p.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

**НАУЧНАЯ СЕССИЯ
профессорско-преподавательского состава,
научных сотрудников и аспирантов
по итогам НИР за 2023 год**

Сборник научных трудов

Под редакцией С.И. Тягунова, К.А. Ермилова

*Редактор П.А. Тимачева
Верстка Л.А. Солдатовой*

Подписано в печать 30.10.2024. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 7,5. Тираж 500 экз. Заказ 1215.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ